

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Innovative Project

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
Том 2. Выпуск № 3

Innovative Project: научно-исследовательский архитектурный журнал / СамГТУ. Самара: 2017. Т. 2. №3. с.101

Innovative Project

Учредитель: ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (СамГТУ)

Главный редактор - Малахов С.А., к. арх., профессор (Самара, СамГТУ)

Менеджер проекта, идея, обложка – Филиппов В.Д., (Самара, СамГТУ)

Дизайн – Романова Д.Н. (Самара, СамГТУ)

Верстка - Захарченко М.А. (Самара, СамГТУ)

Редактирование русских текстов – Коноплина Г.Ф. (Самара, СамГТУ)

Редактирование английских текстов – Евстропова Н.С. (Самара, СамГТУ)

Редакционная коллегия:

Ахмедова Е.А., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН* (Самара, СамГТУ)

Гельфонд А.Л., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН (Нижний Новгород, ННГАСУ)

Ефимов А.В. д. арх., профессор (Москва, МАРХИ)

Кияненко К.В. д. арх., профессор, советник РААСН (Вологда, Вологодский государственный университет)

Меерович М.Г., д. ист., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН (Иркутск, ИрННТУ)

Репина Е.А., к. арх., профессор (Самара, СамГТУ)

Самогоров В.А., к. арх., профессор, советник РААСН (Самара, СамГТУ)

Семенов С.В., д. арх., профессор, советник РААСН (Санкт-Петербург, СПбГАСУ)

Янковская Ю.С., д. арх., профессор (Екатеринбург, УралГАХУ)

*РААСН – Российская Академия Архитектуры и Строительных Наук

Адрес редакции: 443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194, каб. 0607

Самарский государственный технический университет. Кафедра инновационного проектирования.

Founder: Samara State Technical University (SamSTU)

Editor in Chief - Sergey Malakhov, Ph.D. Arch., Professor (Samara, SamSTU)

Project manager, concept, cover - Vasily Filippov (Samara, SamSTU)

Design and Layout - Darya Romanova (Samara, SamSTU)

Editing of Russian texts – Galina Konoplina (Samara, SamSTU)

Editing of English texts – Nina Evstropova (Samara, SamSTU)

Editorial team:

Elena Akhmedova, D. Arch., Professor, RAASN* Corresponding Member. (Samara, SamSTU)

Anna Gelfond, D. Arch., Professor, RAASN Corresponding Member. (Nizhny Novgorod, NNGASU)

Andrey Efimov, D. Arch., Professor (Moscow Architectural Institute)

Konstantin Kiyanenkov, D. Arch., Professor, RAASN Advisor, (Vologda, Vologda State University)

Mark Meerovitch, Doctor of Historical Sciences, D. Arch., Professor, RAASN Corresponding Member. (Irkutsk, National Research Technical University)

Eugenia Repina, Ph.D. Arch., Professor (Samara, SamSTU)

Vitaly Samogorov, Ph.D. Arch., Professor, RAASN Advisor (Samara, SamSTU)

Sergey Sementsov, D. Arch., Professor, RAASN Advisor (St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

Julia Jankowski, D. Arch., Professor (Ekaterinburg, USAAA)

*RAASN - Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

Editorial office: 443001, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya St., 194, office № 0607

Innovative design department SamSTU

Научное издание

Подписано в печать 30.06.2017 г. Формат 60х90/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 17. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»:

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел. (846) 267-36-82

СОДЕРЖАНИЕ

5-20 ИСТОРИИ ГОРОДА

6 Громилина Э.А., Самогоров В.А., Филиппов В.Д. ЭВОЛЮЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ САМАРЫ С КОНЦА XVIII ПО НАЧАЛО XXI ВЕКОВ

14 Плотников В.О., Самогоров В.А., Насыбуллина Р.А., Фадеев А.В. МЕМОРИАЛ БЕЗЫМЯНЛАГ: ПАМЯТИ ЖЕРТВ ОСОБСТРОЯ НКВД СССР В САМАРЕ

21-28 ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

22 Мохова М.С., Терягова А.Н. ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗМЕНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА

29-36 ЧЕЛОВЕК И ГОРОД

30 Орлов Д.Н., Орлова Н.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ СРЕДА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

37-54 ГОРОД В ДВИЖЕНИИ

38 Вологодина Н.Н., Цацына Д.Е. ВОССТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ТЕРРИТОРИИ, УТРАТИВШЕЙ ГРАДООБРАЗУЮЩУЮ ФУНКЦИЮ

45 Бакишутова Д.В. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНВЕРТ ЗАСТРОЙКИ В ПРОЕКТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕРРИТОРИИ ПЕРВОЙ КРЕПОСТИ В САМАРЕ

55-64 ГОРОД ВНЕ ГОРОДА

56 Вологодина Н.Н., Александрова О.Ю. ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРИРОДНОГО ОБЪЕКТА КАК ИМПЕРАТИВ В МОДЕЛИРОВАНИИ И АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

65-96 МАСТЕРСКАЯ

66 Малахов С.А., Боранов С.С. АКСОНОМЕТРИЯ КАК МЕТОД АРХИТЕКТУРНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

86 Базина А.Н., Репина Е.А. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА В УЧЕБНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

97-100 КОРОТКО

98 Малахов С. А. МОНОГРАФИЯ «КОМПОЗИЦИОННЫЙ МЕТОД АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ»

101 АВТОРЫ ЖУРНАЛА

CONTENTS

5-20 URBAN STORIES

6 Gromilina E.A., Samogorov V.A., Filippov V.D. EVOLUTION OF THE ARCHITECTURAL AND PLANNING STRUCTURE OF SAMARA FROM THE LATE XVIII TO THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

14 Plotnikov V.O., Samogorov V.A., Nasybullina R.A., Fadeev A.V. MEMORIAL BEZMYANLAG: IN MEMORY OF NKVD OSOBTROY VICTIMS IN SAMARA

21-28	URBAN SPACE
22	<i>Mokhova M.S., Teryagova A.N. PRECONDITIONS OF CHANGES IN THE ARCHITECTURAL AND URBAN BUILDING COMPONENT OF THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF THE CITY</i>
29-36	THE CITY&PEOPLE
30	<i>Orlov D.N., Orlova N.A. HISTORICAL ENVIRONMENT IN THE CURRENT ECONOMIC CONDITIONS</i>
37-54	CITY IN MOTION
38	<i>Vologdina N.N., Tsatsyna D.E. RESTORATION OF THE CULTURAL AND HISTORICAL BASIS OF THE TERRITORY, WHICH LOST CITY-FORMING FUNCTION</i>
45	<i>Bakshutova D.V. SPATIAL ENVIRONMENTAL CONSTRUCTION IN THE PROJECT OF RECONSTRUCTION OF THE TERRITORY OF THE FIRST CASTLE IN SAMARA</i>
55-64	CITY WITHOUT THE CITY
56	<i>Vologdina N.N., Alexandrova O. Yu. THE STUDY OF THE GEOMORPHOLOGICAL STRUCTURE OF A NATURAL OBJECT AS AN IMPERATIVE IN MODELING AND ARCHITECTURAL DESIGN</i>
65-96	WORKSHOP
66	<i>Malakhov S.A., Boranov S.S. AXONOMETRY AS A METHOD OF ARCHITECTURAL FORMING</i>
86	<i>Bazina A.N., Repina E.A. PHENOMENOLOGICAL ARCHITECTURE IN DESIGN TEACHING</i>
97-100	BRIEFLY
98	<i>Malakhov Sergey. MONOGRAPHY «COMPOSITIONAL METHOD OF ARCHITECTURAL DESIGN»</i>
101	JOURNAL AUTHORS

1

5–20

ИСТОРИИ ГОРОДА
URBAN STORIES

Громилина Эльвира Алексеевна, Самогоров Виталий Александрович, Филиппов Василий Дмитриевич
Самарский государственный технический университет
Gromilina Elvira, Samogorov Vitaly, Filippov Vasily
Samara State Technical University

ЭВОЛЮЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ САМАРЫ С КОНЦА XVIII ПО
НАЧАЛО XXI ВЕКОВ
EVOLUTION OF THE ARCHITECTURAL AND PLANNING STRUCTURE OF SAMARA FROM THE LATE XVIII
TO THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

В статье рассматриваются генеральные планы города Самары с конца XVIII века по начало XXI века, которые анализируются в контексте преемственного развития. Выявлены наиболее характерные исторические, социально-экономические и природно-географические факторы, определившие преемственность планировочного развития города на протяжении указанного периода. Рассматриваются планировочная структура, архитектурно-пространственная среда города, функциональное зонирование территории, а также выявляются особенности взаимодействия исторически сложившейся планировочной структуры и вновь принимаемых планировочных решений по развитию города. Выявляются этапы формирования важнейшего элемента устойчивого развития города – пространственно-планировочного каркаса

The article dwells upon master plans of the city of Samara from the end of the 18th century to the beginning of the 21st century in the context of successive development. The most typical historical, socio-economic and natural-geographical factors that determined continuity of the city planning development during this period were revealed. The planning structure, architectural and spatial environment of the city, functional zoning of the territory and the features of the interaction between the historically established planning structure and the newly adopted planning solutions for the city development are considered. The stages of the formation of the most important element of sustainable urban development - the spatial planning framework - are revealed.

Ключевые слова: Самара, генеральный план, преемственность развития, планировочная структура города
Keywords: Samara, master plan, continuity of development, planning structure of the city

Исследование эволюции развития архитектурно-планировочной структуры города позволяет определить основные элементы, сохранение которых на протяжении веков обеспечивало устойчивое развитие территории вне зависимости от социально-экономических и политических факторов. Вопрос развития городской структуры связан с оценкой влияния предшествующего развития и преемственности городских структур.

Архитектурно-планировочная структура города является результатом длительной эволюции и воздействия природных, социально-демографических, экономических и других факторов. Изменение характера городской среды отражается в соотношении свободной и застроенной территории, а также в интенсивности использования территории. Взаимодействие исторически сложившихся и новых частей города является одной из актуальных проблем градостроительства Самары. Разработка проектов развития городской среды основывается на анализе закономерностей и учете особенностей ее формирования [1]. Наиболее

устойчивыми элементами планировочной структуры являются транспортно-коммуникационный каркас, система городских центров и планировочные модули. В связи с необходимостью регулирования застройки и обеспечения устойчивого развития территории, сохранения окружающей среды и объектов культурного наследия генеральным планом устанавливаются основные регламенты развития планировочной структуры. Генеральный план определяет стратегию и перспективное развитие города. Он регулирует зонирование территории, устанавливает мероприятия, направленные на формирование комфортной среды, решает актуальные задачи. В процессе исследования эволюции городской среды, наблюдается преемственность градостроительных проектных решений [2], что согласно нашей гипотезе определено закономерностями формирования градостроительного каркаса.

Самара обладает уникальной архитектурно-планировочной структурой, которая формировалась на протяжении четырех веков. Ее ценность

заклучается не только в объектах культурного наследия, но и характере застройки, параметрах городского пространства. Реки Волга и Самарка, ограничив территорию с западной и южной стороны, определили линейное развитие планировочной структуры на всех этапах. Кроме того, необходимо отметить влияние административно-территориального статуса города на интенсивность процессов развития города.

Освоение территории и формирование дорегулярного города исторически началось со строительства крепости «Самарский городок» в XVI веке. Основными факторами, определившими расположение крепости, являлись: административный – стратегическое размещение для обеспечения безопасности от набегов кочевых племен, расширение Российского государства в Среднем и Нижнем Поволжье, ландшафтный – степная местность на пересечении рек Волги и Самарка, социальный – освоение окраин государства происходило вольными людьми с сильной военной организацией.

Указ царя Федора Иоанновича стал официальной датой основания города. Крепость была деревянной, обнесена валом и рвом, имела 11 башен и занимала около 5,2 га. С начала XVI в. здесь находилась пристань для судов. Постепенно численность населения увеличивалась, осваивались прилегающие территории. Получение в 1688 году статуса города потребовало разработки первого межевого плана. К 1719 году на территории Самары находилось 210 обывательских домов и 17 домов ясачных крестьян [3].

После подписания Екатериной II приказа «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо» [3] в 1763 году начата работа по разработке генерального плана города Самары. Несмотря на неоднократную смену административного статуса города: в 1764 – слобода, 1780 – уездный город, и крупные пожары 1765 и 1772 годов, в мае 1782 года Самара получила план с прямоугольной сеткой улиц, ограниченный с двух сторон реками Волгой и Самарой. Его структура не была отражением существующего природного ландшафта и не предусматривала развитие прибрежной зоны р. Волги [5]. Направления улиц были определены направлением протоки, называемой Самарской перебоиной. Функциональное зонирование территории было представлено в основном селитебной территорией с объектами торговли, административными и культовыми строениями. Общественные

Рис. 1. План города Самары. 1733 г. [4]

центры размещались около церквей и судовой пристани. Промышленность в это время была представлена кузницами, находившимися на выездах из города. Кварталы имели одинаковый размер – 60х120 саженей (125х250 м) и представлены малоэтажной усадебной застройкой.

Рост населения города, развитие торговли, активная застройка территории (в сравнении, на 1719 год приходилось 210 обывательских домов, на 1783 год – 634 обывательских дома) получили незначительное отражение в геометрическом плане 1804 года. Город получил дополнительно несколько жилых кварталов. Крепость занимала 3 десятины 821 сажени (около 3,6 га), функционально была разделена на жилую зону, административную (присутственные места, тюрьма, цейхгауз), общественную (суд, дума), торговую, промышленную (склады, пристани, кузницы, амбары) [5].

В 1840 году был составлен третий геометрический план города Самары. Он отражал характер застройки, в основном представленной деревянными

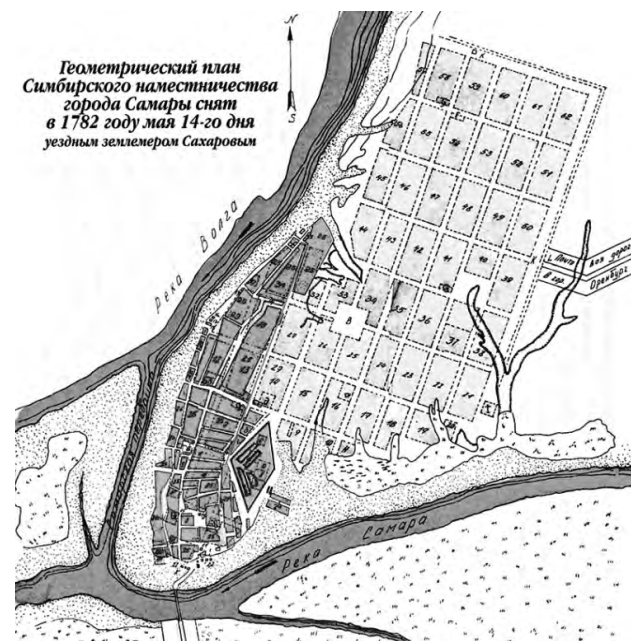

Рис. 2. Первый регулярный план Самары. 1782 г. [6]

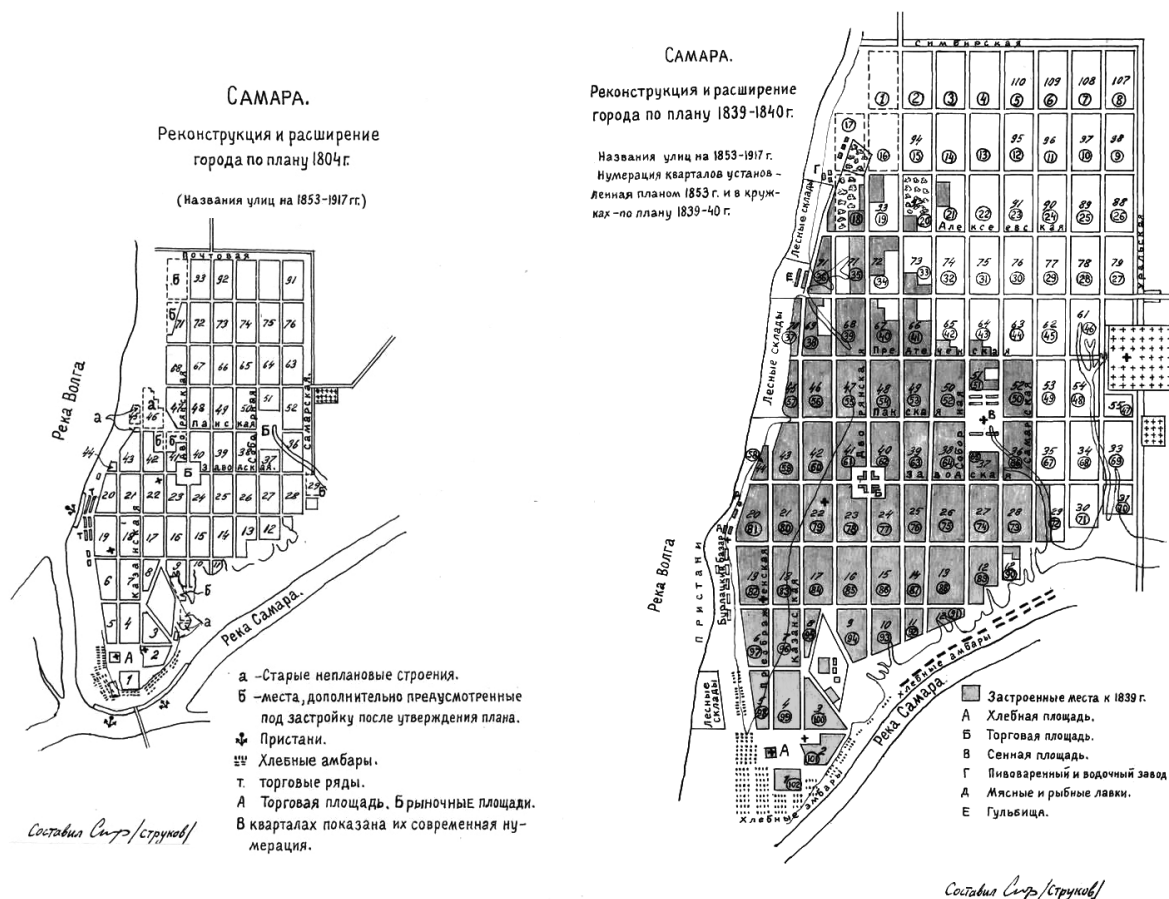

Рис. 3. Реконструкция и расширение Самары по планам 1804 и 1840 года [7]

Рис. 4. Реконструкция и расширение Самары по генеральному плану 1853 года [7]

зданиями. Каменные дома составляли всего 10% от общего числа. Размеры кварталов остались прежними, развитие города происходит за счет прилегающих земель, используемых под сельское хозяйство. Развивается водный транспорт, появляется железная дорога, растет промышленность.

Несмотря на очередной крупный пожар 1850 года, строительство в городе ведется интенсивно. Получение в 1851 году статуса губернского города определило развитие города как центра торговли.

Генеральным планом 1853 года регулировалась застройка только в границах городской черты, за ее пределами освоение прилегающих земель велось стихийно. Рост города происходил в северо-восточном направлении. В связи с интенсивным развитием сельского хозяйства на территории появляются промышленные объекты по ее переработке. За рекой Самарой действовало 7 салотопленных заводов, за городом – 40 ветряных мельниц, в городе – кожевенные, маслобойные, кирпичные заводы. Наличие рек Волги и Самары, как важнейших транспортных магистралей, определило местоположение промышленных

объектов в прибрежной полосе и на мысу, в месте слияния рек. Как следствие, развитие железнодорожного транспорта происходит на участке между городом и пристанями.

В 1877 году введена в эксплуатацию частная Оренбургская железная дорога. К 1887 году решен важный вопрос по строительству водопровода и благоустройству города, расширены мостовые, в 1892 вдоль берега Волги около речного вокзала сооружена каменная набережная. К концу XIX – началу XX веков происходит уплотнение застройки, увеличивается этажность. В связи с тем, что река Волга являлась важной транспортной артерией, промышленная зона города формируется вдоль берегов и на Мысу, где располагаются пристани, лесопилки, склады, мельницы. Прибрежная зона еще не включена в градостроительную ткань города. Однако, эти значительные изменения в архитектурно-планировочной структуре города происходят стихийно и не регулируются генеральным планом.

На рубеже XIX–XX веков Самара становится крупным промышленным, торговым и административным центром. Русско-японская война 1904–1905 годов определила приоритеты в развитии железной дороги, а также строительстве оборонных объектов. В 1911 году был построен Трубочный завод, около которого формируется «рабочий поселок». К началу XX века архитектурно-планировочная структура Самары в границах улицы Полевой и современной улицы Агibalова была сформирована.

Изменение социально-экономических условий градостроительного развития после революции 1917 года привело к отмене частной собственности

на землю и передаче земли в руки государства. Определено основное направление в градостроительстве – генеральный план должен стать программой организации городской жизни. Однако, начало XX века характеризуется экономическим спадом, в связи с чем новое строительство почти не ведется [9]. Происходит реновация существующего жилого фонда под новые условия.

Быстрый рост Самары в советский период требовал разработки нового генерального плана, в котором бы комплексно решались проблемы дальнейшего развития города. Генеральный план 1937 года был рассчитан на перспективу до 1956 года. Генплан не только отражал существующую градостроительную ситуацию, но и предусматривал дальнейшее развитие территории. «Творчество советских архитекторов не может ограничиваться постройкой отдельных зданий; оно базируется на решении градостроительных задач. Новая архитектурная практика определяется рациональной планировкой, застройкой кварталов, магистралей, площадей, районов и города в целом. Создавая красоту грандиозных архитектурных ансамблей, советские архитекторы расширяют свои творческие замыслы и воплощают в своих произведениях великие идеи социалистической эпохи» [10]. Значительное расширение города, его ориентированность на промышленное развитие, отразились в генеральном плане появлением главной композиционной оси – вдоль водораздела рек Волги и Самары, и второй композиционной оси – улицы Ново-Садовой. В структуре были обозначены городские центры – Самарская площадь, район Ботанического сада. Главный центр административно-общественной

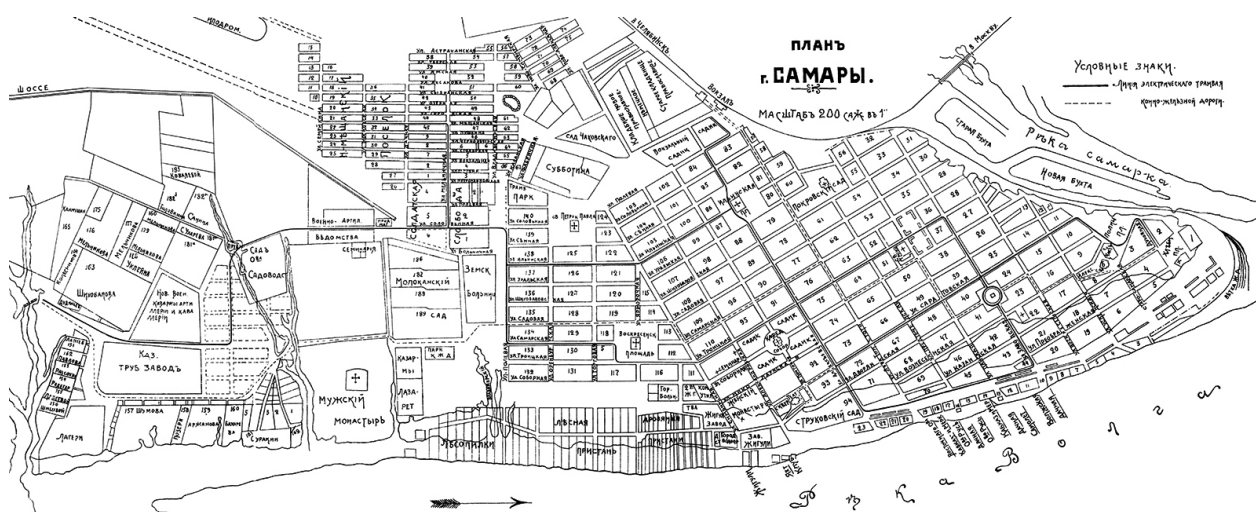

Рис. 5. План Самары с линиями конного и электрического трамвая, 1916 г. [8]

зоны города был размещён в геометрическом центре: на пересечении главной продольной оси города и поперечной, ориентированной в сторону Волги (район Ботанического сада). Генпланом определялась еще одна композиционная ось в направлении от железнодорожного вокзала к пристаням.

Генеральным планом 1937 года было предусмотрено развитие новой планировочной структуры с укрупненными структурно-планировочными элементами размером до 6 га. Планировалось новое высотное строительство. Существующая историческая застройка подвергалась реновации и повторному освоению. Территории кладбищ и церковей освобождались под размещение новых общественных и культурных объектов. Предполагалось увеличить мощность ГРЭС и построить БТЭС, как условия дальнейшего индустриального развития города.

Период активного изменения структуры города, связанный с размещением промышленных объектов во время Великой Отечественной Войны,

Генплан г. Куйбышева на период 1937–1956 гг.

Авторы проекта: Катевский А.Л., Бузин В.Н., Иванцов А.М.,
Соавтор: Болотин И.С.,
Инженер: Малиев Н.Б.,
Консультант: академик Козли Н.Я.,
Архитектор: Кузнецов А.В.

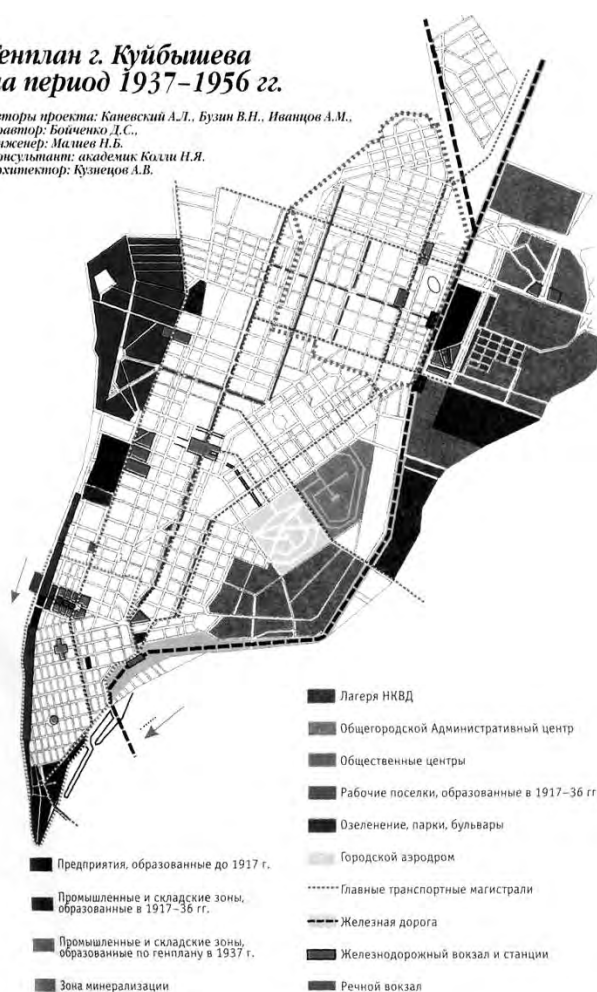

Рис. 6 Генплан г. Куйбышева на период 1937–1956 гг. [11]

определил необходимость разработки генерального плана в 1949 году с перспективой развития до 1965 года.

В новой схеме генерального плана 1949 года определены пути дальнейшего развития транспортного каркаса города. Процесс преобразования пространственно-планировочной структуры предполагал обновление городской среды, улучшение экологической ситуации в связи с активным строительством производственных объектов [12].

Важным в развитии промышленности явилось то, что металлообработка и нефтепереработка за годы войны получили значительное развитие. Необходимо отметить, что строящиеся предприятия по металлообработке получили иной профиль, чем это планировалось генпланом 1937 года.

В послевоенное время идет интенсивное развитие города. Застраивается Кировский район, посёлок Кряж, устье Сухой Самарки, ведутся работы по благоустройству города, реконструкции площадей (пл. Куйбышева, пл. Чапаева), ЦПКиО. Генеральным планом корректируется планировочная структура, прорабатываются вопросы создания архитектурно-художественного облика социалистического города. Градостроительный каркас образуют основные магистрали и общественные центры, связывающие удаленные районы с исторической частью города.

Активное строительство жилья в 1960-е годы происходило не только на свободных территориях, но за счет сноса бараков, построенных в военные годы. Генеральный план города 1967 года регулировал не только существующую застройку, но затрагивал и перспективное развитие территории. Застройка характеризуется массовостью, укрупненным масштабом. Внедряются новые планировочные принципы, кроме квартальной застройки впервые применяется такой планировочный элемент, как микрорайон. Архитектурный облик объектов при этом имел тенденцию к упрощению, что позволяло увеличить объемы строительства и сократить сроки.

С 1980-х развитие города во многом постепенно переходит в функциональное насыщение территории, на решение проблем «квадратных метров». Генпланом 1987 года минимально затронуты территории лесного фонда, предусмотрена реконструкция исторической части города и строительство жилого района в пойменной части реки Самарки. И хотя одним из пунктов основного положения генерального плана было

«Повышение архитектурно-художественного уровня застройки жилых и промышленно-коммунальных районов города за счет внедрения прогрессивных проектов, активного использования в архитектуре зданий и сооружений цветных решений, эффективных строительных и отделочных материалов, применения элементов монументально-декоративного оформления и малых архитектурных форм» [13], фактического внедрения их в градостроительную практику того периода не произошло.

Генеральный план города Самары 2006 года [14] был разработан сроком до 2015 года с целью формирования благоприятной среды обитания и обеспечение устойчивого развития территории. Вместе с тем, порядок реализации данной концепции не конкретизирован. Фактическая застройка отклонилась от намеченного плана. Так, например, наблюдается процесс активного повторного освоения промышленных территорий под жилищное строительство. Использование земельных участков трансформируется, в то время как город представляет собой гибкое многофункциональное пространство. Меняются нормы и социально-экономические условия, а карта функциональных зон остается жёстко фиксированной, отсутствует гибкость и вариативность модернизации при изменении экономических, социальных, политических обстоятельств. Вследствие этого требуется постоянная корректировка генплана. Однако, некоторые элементы пространственно-планировочного каркаса несмотря на интенсивный рост сохраняют свою стабильность и неизменность [15].

Выводы. В результате исследования эволюции архитектурно-планировочной структуры Самары выявлены следующие этапы формирования пространственно-планировочного каркаса города Самары:

1) 1586-1782 гг. – крепость и дорегулярная сетка улиц. Первый этап формирования архитектурно-планировочной структуры города начинается с момента основания крепости в 1586 году.

2) 1782 г. – конец XIX века – развитие города на основе регулярного плана. Второй этап начинается с получения первого геометрического плана города в 1782 году, планировочная структура которого сохранилась до настоящего времени. На данном этапе происходит интенсивное освоение территории и застройка в строгом соответствии с планом. Крупные пожары уничтожают фоновую деревянную застройку.

Рис. 7. ТЭО Генплана г. Куйбышева 1987 г. Схема транспортных магистралей [13]

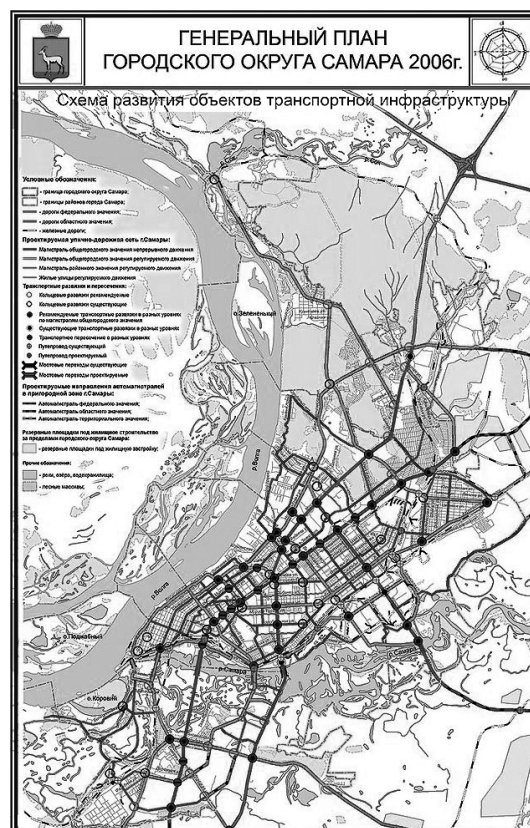

Рис. 8. Генеральный план Самары 2006 г. Развитие транспортной инфраструктуры [14]

3) Конец XIX – начало XX веков – реновация исторической части города и появление новых районов за счет освоения прилегающих к городу сельскохозяйственных земель. Регулярная структура, заложенная ранее сохраняется, а застройка регламентируется только в границах города. За установленными пределами формируется новые функциональные зоны. Развивается транспортный каркас – развивается железнодорожный транспорт, появляется трамвай.

4) 1937-1949 гг. – формирование города на основе генерального плана «Большой Куйбышев», пространственное развитие города осуществляется как за счет реконструкции существующей застройки, так и за счет образования новой.

5) 1949-1965 гг. – генеральный план 1949 года, развивается транспортная система, ведется строительство нового промышленно-селитебного района Безымянки. Период активного освоения новых территорий и образование новых магистралей. Образование новых планировочных единиц – микрорайонов.

6) 1965-2000-е гг. – развитие сложившейся планировочной структуры происходит путем реновации и повторного использования исторической части. Происходит интенсификация использования ранее застроенных территорий в условиях отсутствия территориальных ресурсов дальнейшего развития города.

В процессе исследования эволюции планировочной структуры Самары в аспекте преемственного развития городской среды, выявлена тенденция существования элементов планировочной структуры, значение которых важно для обеспечения устойчивого социально-экономического и градостроительного развития. Для определения этих устойчивых элементов городского плана авторами исследуется понятие пространственно-планировочного каркаса города. К устойчивым элементам пространственно-планировочного каркаса относятся транспортные коммуникации, инженерная инфраструктура, общественные центры, объекты историко-культурного наследия, промышленные территории. Согласно гипотезе предстоящего исследования, именно они реализуют преемственность развития планировочной структуры города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахмедова Е.А., Галахов С.И. Принципы формирования архитектурно-планировочной структуры

офисно-деловых центров в исторической застройке крупнейших городов // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2014. Вып. № 1 (14). С. 6-12.

2. Яковлев И.Н. Преемственность как свойство градостроительных процессов // Градостроительство. Теория и практика: межвуз. сб. тр. Л.: ЛИСИ, 1983. С. 8-15.

3. Алабин П.В. Самара: 1586-1886 годы. - Самара: Кн. изд-во, 1991. - 247 с.

4. Дубман Э.Л. Историческая записка к археологическим работам на территории Самары. // Самарское археологическое общество. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://archsamara.ru/krepost/dubman2/>

5. Гурьянов. Е.Ф. Древние вехи Самары: Очерки об истории градостроительства - Куйбышев: 1986. -136 с.

6. Синельник А.К. История градостроительства и заселения Самарского края / Монография – Самара: Издательский дом «Агни», 2003. - 228 С.

7. Струков О.С. История развития г. Самары // Вопросы формирования планировочной структуры расселения: межвузовский сборник научных трудов. Куйбышевский гос. университет. Куйбышев: 1983. С.97-114.

8. Кондратьев И.А. Самара крупным планом // Блог Игоря Кондратьева, 06.12.2010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gregorkon.wordpress.com/2010/12/06/6-12-10-2/>

9. Синельник А.К., Самогоров В.А. Архитектура и градостроительство Самары 1920-х - начала 1940-х годов / СГАСУ. Ин-т архитектуры и дизайна. Самара: 2010. - 478 с.

10. Архитектура города Куйбышева и области. - ОГИЗ. Куйбышевское областное издательство: 1947. - 60 с.

11. Бичуров Г.В. Самара в открытках и фотографиях. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bichurov.ru/>

12. Темникова Е.А. Архитектурно-композиционные принципы развития города Куйбышева по генплану 1949 года // Градостроительство и архитектура. 2017. Т.7. №1. С. 98-101.

13. Постановление Совета Министров РСФСР от 01.06.1987 № 226 «О генеральном плане г. Куйбышева».

14. Ребайн Т.Я., Корякин Ю.М., Васильчикова С.Ф. Концепция пространственного развития города Самары. Департамент строительства и архитектуры Администрации г. Самары. Самара, 2006.

15. Веретенников Д.Б. Метод преобразования сложившихся планировочных структур крупнейших городов // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2015. №4(21). С. 13-22.

REFERENCES

1. Akhmedova E. A., Galakhov, S. I. the Principles of formation of the architectural-planning structure of the office and business centers in the historic building of the largest cities // Bulletin. Urban planning and architecture. 2014. Issue. № 1 (14). pp. 6-12.

2. Yakovlev I. N. Continuity as a property of town-

- planning processes // Town planning. Theory and practice: interuniversity. SB. Tr. HP: LISI, 1983. pp. 8-15.
3. Alabin P. V. Samara: 1586-1886 years. - Samara: KN. ed., 1991. - 247 p.
 4. Dubman E. L. Historical note to archaeological works on the territory of Samara. // Samara archaeological society. [Electronic resource.] - Access mode: <http://archsamara.ru/krepost/dubman2/>
 5. Guryanov. E.F. Ancient history of Samara: Essays on the history of urban development/ Kuybyshev, 1986 -136 p.
 6. Sinelnik A. K. History of urban planning and settlement of Samara region/ Monograph – Samara: Publishing house «Agni», 2003. - 228 P.
 7. Strukov, O. S. history of the development of the city of Samara the formation of the planning structure of the settlement: interuniversity collection of scientific papers. Kuibyshev state University. Kuibyshev, 1983. pp. 97-114
 8. Kondratiev I. A. Samara close up // Blog Igor Kondratiev, 06.12.2010. [Electronic resource.] - Access mode: <https://gregorkon.wordpress.com/2010/12/06/6-12-10-2/>
 9. Sinelnik A. K., Samogorov V. A. Architecture and urban planning of Samara in the 1920s - early 1940s / SGASU. In-t architecture and design. Samara, 2010, 478 p.
 10. The architecture of the city of Kuibyshev region. - Ogiz. Kuibyshev regional publisher. 1947. 60 p.
 11. Bichurov G. V. Samara in postcards and photographs. [Electronic resource.] - Access mode: <http://bichurov.ru/>
 12. Temnikova E.A. Architectural and compositional principles of the development of the city of Kuibyshev on the general plan of 1949 // Urban planning and architecture. 2017. V.7. No.1. pp. 98-101.
 13. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 01.06.1987 № 226 «On the General plan of city of Kuibyshev».
 14. Rebain T. I., Koryakin Yu. M., Vasilchikova, S. F. the Concept of spatial development of the city of Samara. Department of construction and architecture of Samara city Administration. Samara, 2006.
 15. Veretennikov, D. B. a Method for the conversion of the existing planning structures of the largest cities // Urban planning and architecture. 2015. No.4 (21). pp. 13-22.

Для ссылок: Громилина Э.А., Самогоров В.А., Филиппов В.Д. Эволюция архитектурно-планировочной структуры Самары с конца XVIII по начало XXI веков// Innovative project. 2017. Т.2, №3. С.6-13. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.1

For references: Gromilina E.A., Samogorov V.A., Filippov V.D. The evolution of the architectural and planning structure of Samara from the end of the XVIII to the beginning of the XXI centuries. Innovative project, 2017, Vol.2, No.3, p. 6-13, DOI: 10.17673 / IP.2017.2.03.1

Плотников Владислав Олегович, Самогоров Виталий Александрович, Насыбуллина Рената Артуровна,
Фадеев Артем Викторович

Самарский государственный технический университет

Plotnikov Vladislav, Samogorov Vitaly, Nasybullina Renata, Fadeev Artem

Samara State Technical University

МЕМОРИАЛ БЕЗЫМЯНЛАГ: ПАМЯТИ ЖЕРТВ ОСОБСТРОЯ НКВД СССР В САМАРЕ MEMORIAL BEZUMYANLAG: IN MEMORY OF NKVD OSOBSTROY VICTIMS IN SAMARA

В статье поднимается вопрос архитектурного осмысления периода сталинских репрессий 1920 – 1950-х годов и рассматривается актуальность этой проблемы сегодня. Проводится исторический анализ документов, посвященных одному из самых крупных лагерей в системе ГУЛАГа – Безымянлагу, существовавшему на территории Самарской области. В связи с этим предлагается проект музея-мемориала, посвященного жертвам политических репрессий. Объект запроектирован в Сокольных горах, где в середине 20-го столетия велась выработка известняка. В комплекс музея включены штольни, выработанные узниками Безымянлага. Основной концепцией объекта является материализация времени посредством взаимодействия естественного света с пространством и материалом здания.

The article raises the question of the architectural understanding of the repressions period in the 1920s – 1950s and considers the relevance of this problem today. The historical analysis of documents, dedicated to one of the largest GULAG camps – Bezumyanlag existed in the Samara Region, is provided. Thereby the project of the memorial museum dedicated to the victims of the political repression is proposed. The project is situated at the adits mined by the prisoners of Bezumyanlag in the middle of the 20th century in the Sokoliye Mountains. The main concept of the object is the materialization of time by the interaction of natural light, space and building material.

Ключевые слова: музей репрессий, репрессии в СССР, Самарлаг, Безымянлаг, феноменология пространства, естественный свет, пространство, масса, восприятие пространства

Keywords: : museum of repressions, repressions in the USSR, Samarlag, Bezumyanlag, space phenomenology, natural light, space, mass, space perception

Тема массовых репрессий, осуществлявшихся в СССР с конца 1920-х по начало 1950-х годов, в прошлом табуированная и не подлежавшая обсуждению, сегодня перешла в поле открытой дискуссии. Еще в 1989 году вышел Указ о мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, изданный Президиумом Верховного Совета СССР Российской Федерации, а в 1991 году был издан Закон о «О реабилитации жертв политических репрессий». Большое внимание вопросу реабилитации жертв сталинских репрессий уделяется и в современной России.

Сегодня факт незаконности сталинских репрессий уже не подлежит сомнениям: во времена большого террора пострадали миллионы невинных жителей СССР [1, 2], тысячи из них были расстреляны или отправлены в лагеря ГУЛАГа по обвинениям в совершении политических преступлений [3].

За последние несколько лет на территории России появился ряд музеев, посвященных истории

репрессий (наиболее заметным в этом отношении является новое здание «Государственного музея истории ГУЛАГа», открытое в 2014 году), затрагивающих данную тему в отдельных частях своей экспозиции.

Ещё в годы первых пятилеток Средне-Волжский край стал важнейшим районом индустриализации СССР и перед войной в Куйбышеве развернулось широкомасштабное промышленное строительство. Энергетика, машиностроение, добыча и переработка нефти стали приоритетными направлениями развития города. Возведение подобных крупных народнохозяйственных объектов потребовало большого количества дешевой рабочей силы. Поэтому важная роль в реализации этих планов отводилась сформированным с этой целью подразделениям ГУЛАГ НКВД. На территории Самарской области располагался один из крупнейших лагерей данной системы (рис. 1).

В августе 1937 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) было принято решение о строительстве

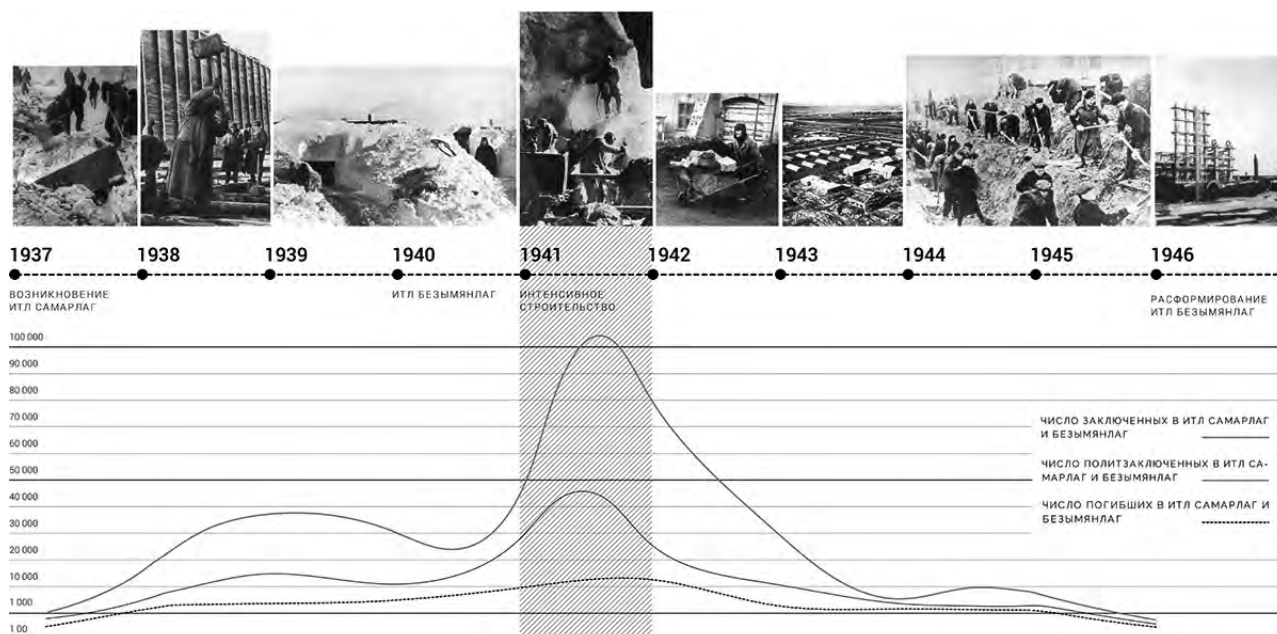

Рис. 1. Схема периодизации событий

Куйбышевского гидроузла на р. Волге в створе Жигулевских гор, для чего организован Самарский исправительно-трудовой лагерь (Самарлаг). Силами заключённых были проведены подготовительные работы к основному строительству ГЭС – построены посёлок Управленческий, железные дороги Сызрань-Переволоки и Зубчаниновка-Красная Глинка, автодорога от Управленческого до Семейкинского (Московского) шоссе, начато строительство Безымянской ТЭЦ и реконструкция Куйбышевской ТЭЦ, у Красной Глинки в Соколых Горах создана промышленная база: карьеры гранитного щебня, растворные узлы для бетона, цементный и кирпичный заводы [4]. В связи с изменением международной обстановки (падением Франции) летом 1940 г. строительство ГЭС было заморожено, затем полностью прекращено. При этом руководящий персонал полностью, а заключённые (на 1 января 1939 г. их было 36761) в количестве 8000 человек были переведены на строительство Волго-Балтийского канала, где организовали Вытегорский лагерь [5]. Оставшиеся перешли также в новое подразделение ГУЛАГ. Приказом НКВД СССР от 28 августа 1940 года в Куйбышевской области было создано Управление особого строительства (Особстрой), при котором сформировался комплекс лагерей – Безымянский исправительно-трудовой лагерь (Безымянлаг), руководителем которого был назначен (и оставался на этой должности всё время его существования) заместитель начальника ГУЛАГ НКВД СССР, старший майор госбезопасности А.П. Лепилов. Если в январе-марте 1941 г.

в Безымянлаге насчитывалось 76,7 тыс. человек, то к середине 1941 г. – 92,6 тыс. (данные на 1 июня 1941 г.). Всего в конце сентября 1940 – июне 1941 г. Безымянский лагерь принял 100,7 тыс. заключённых, став одним из крупнейших лагерей в системе ГУЛАГ [5]. И этими заключёнными, с участием вольнонаёмных, была достроена Безымянская ТЭЦ [6], реализованы проекты строительства двух авиационных и одного авиамоторного завода (1940-1943 гг.), крупнейшего в мире радиопередающего центра в п. Ново-Семейкино (1941-1943 гг.), объектов нефтедобычи (в п. Губино и п. Отважном на Самарской Луке) и нефтепереработки (нефтеперегонный завод №443, ныне КНПЗ – 1943-1946 гг.). Вместе с корпусами авиазаводов на Безымянке возник рабочий посёлок, который стал основой Кировского района Куйбышева, в течение 1941 г. трудом заключённых были освоены территории современной Самары Мехзавод и Красная Глинка. Вместе с крекинг-заводом №443 ими были построены водозабор на Сухой Самарке, дороги и рабочий посёлок, основа созданного в 1943 г. Куйбышевского района города [5].

О цене, заплаченной за эти победы. С ноября 1941 по январь 1942 г. в Безымянлаге доля трудоспособных, задействованных на производстве, снижалась более высокими темпами, чем в других лагерях НКВД, и росла доля нетрудоспособных. В январе 1942 г. из 69876 заключённых она составляла 23690 человек, или 33,9% от общего числа. Документы говорят о принуждении к тяжёлому труду даже больных и истощённых людей:

Рис. 2. Ситуационная схема и современное состояние штолен

17 ноября заключенный Балабашов попал в больницу с диагнозом «истощение», где через два дня умер. По этой же причине 28 ноября был госпитализирован заключенный Салынин, скончавшийся на третьи сутки. 18 ноября на работу вывели больных заключенных Иванова-Сивухина и Сапрыкина, на следующий день их снова поместили в стационар, где через 30 минут они умерли. Если за 10 месяцев (октябрь 1940 г.-август 1941 г.) в Безымянлаге было 904 смертельных случая, то в 1942 г. смертность увеличилась до 5687 человек [7].

Несмотря на такие факты, в Самаре на сегодняшний день не существует достойного мемориала жертвам сталинских репрессий. О том, что происходило на территории Куйбышевской области, свидетельствует лишь памятник жертвам политических репрессий в Самаре, установленный в парке им. Гагарина и мемориальная доска на Безымянской ТЭЦ, установленной в память о репрессированных специалистах-энергетиках и заключённых Безымянлага [6]. Поэтому в рамках дипломного проектирования было решено создать мемориал жертвам Особстроя НКВД СССР.

Территория для проектирования мемориала была выбрана в Соколых горах (рис. 2) в районе существующих штолен, выработанных заключенными Безымянлага в 1940-е годы для строительства крупнейшего в мире Куйбышевского гидроузла (рис. 3-4) [4].

Система тоннелей, образующих регулярную планировочную структуру, находится в основании горного массива на отметке -58,500 м. В процессе

последующей разработки месторождения открытым способом часть штолен была уничтожена. На их месте находятся два карьера, разработка которых практически завершена.

Концепция проекта заключается в пространственном и смысловом объединении штолен и выработанного карьера пустотелым объемом мемориала, символизирующим пространственно-временную связь периодов военного строительства и наших дней.

Главный вход в мемориал организован со стороны реки Сок, в основании горы, где предусмотрена крытая автостоянка для личного транспорта и туристических автобусов. Служебный вход и загрузка экспозиционного материала осуществляются (рис. 4) с верхней отметки комплекса.

Пространственная организация мемориала подчинена существующей планировочной структуре штолен (рис. 5-6). Их структурная сетка является основой, на которой построена объемно-пространственная композиция всего комплекса. Основа плана – квадрат с размерами сторон 50 x 50 м.

Девять объемов тематических залов символически воспроизводят структуру штолен. Параллелепипеды залов разомкнуты визуальными коридорами, расстояние между которыми заполнено водой. Пространство мемориального зала завершают нависающие объемы экспозиционных павильонов. Сквозь отверстие, сформированное ими, внутрь комплекса попадает естественный свет (рис. 7-8).

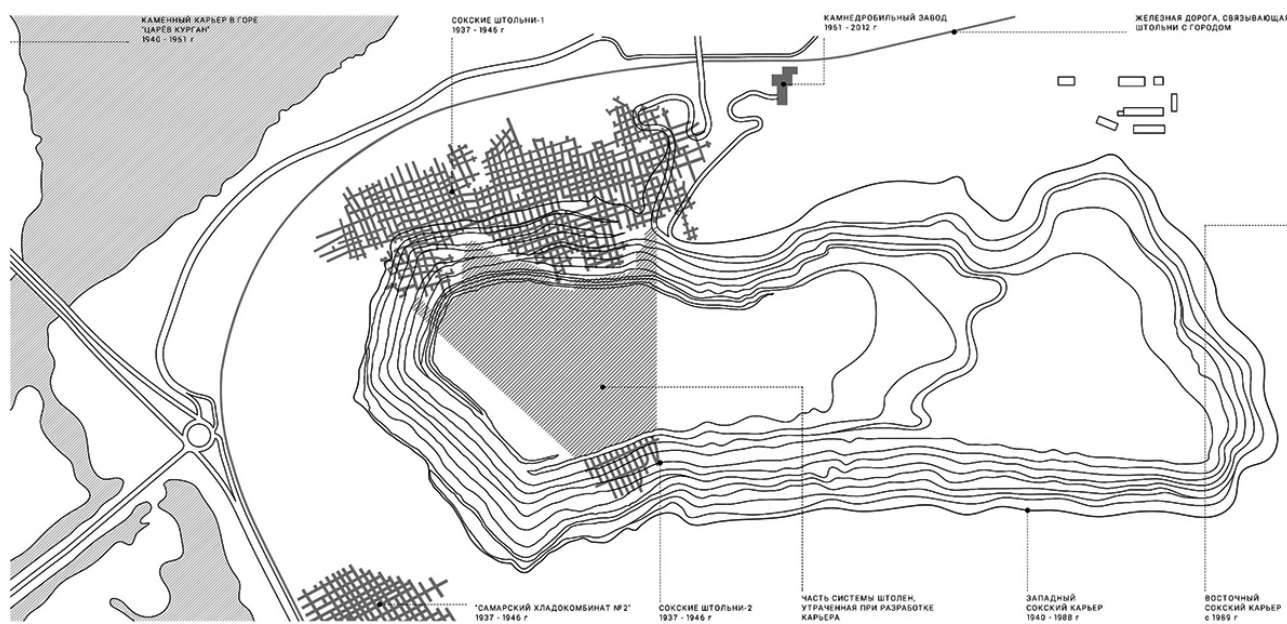

Рис. 3. Историческая схема

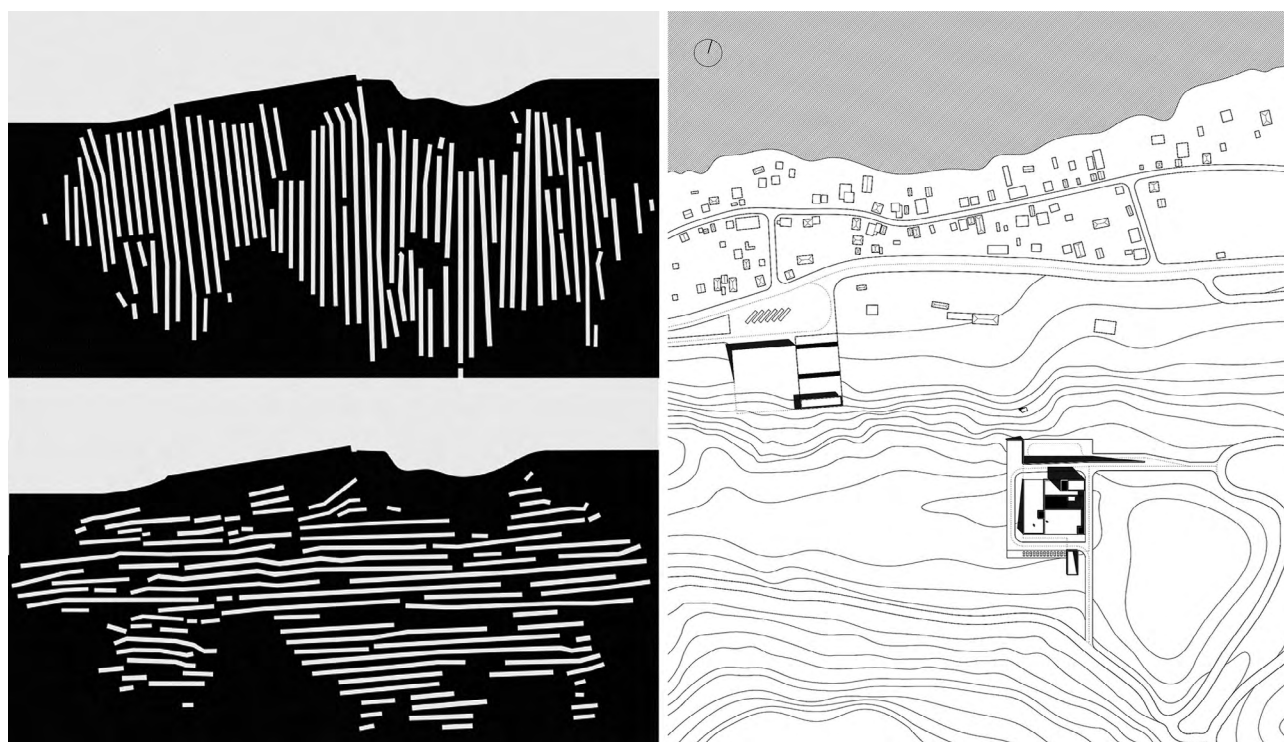

Рис. 4. Анализ структуры штолен и Генеральный план

Рис. 5. Разрез

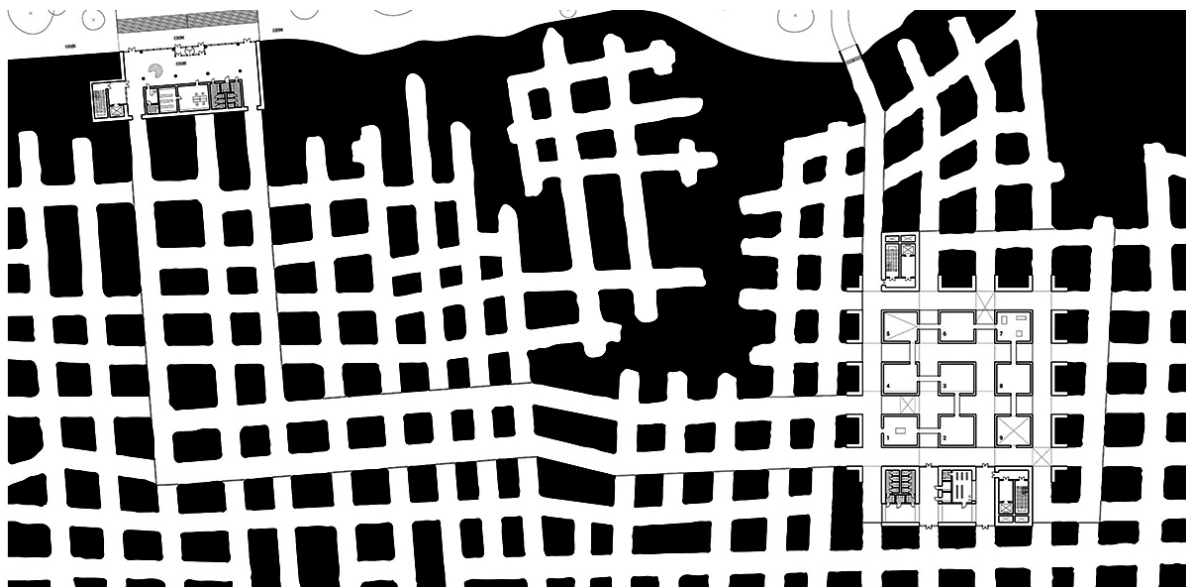

Рис. 6. План 1 этажа

Рис. 7. Главный вход в мемориал и Тематический зал, посвященный созданию НКВД СССР

Мемориал – это гигантская конструкция, представляющая собой «солнечные часы», где сценарий освещения подчинен естественному движению солнца (рис. 9). Свето-пространственная композиция ставит человека в темпоральные отношения с архитектурой, символически связывая пространство и время разных исторических периодов [8, 9].

Через укрепленные и остекленные тоннели штолен посетитель попадает в главный зал. На первом уровне расположена постоянная тематическая экспозиция, которая размещается в девяти павильонах, повторяющих структуру штолен. Далее на лифтах посетители попадают наверх, в функциональные блоки, нависающие над пространством главного зала. В них размещается временная экспозиция.

Связь между ними осуществляется по галереям, расположенным по периметру зала и парадной лестнице, вынесенной в отдельный блок. На верхней отметке запроектирована открытая рекреационная терраса. Здесь экспозиционный маршрут заканчивается, посетители на лифтах спускаются на отметку входа +58.500 м и покидают мемориал.

Движение сквозь комплекс выстроено на контрастах пространства, массы и света. Проходя через полумрак узких и протяженных тоннелей штолен, посетители попадают в огромное, залитое сумеречным светом пустое пространство главного зала. Аскетичная монотонность коридоров штолен сменяется многообразием бликов и отражений, рождаемых поверхностью воды.

Усиливают эмоциональные переживания чувства, возникающие у посетителя при восприятии в контражуре грузно нависающих масс глухих объемов, сквозь которые пробивается поток естественного света. По мере перемещения вверх, естественное освещение усиливается, постепенно освобождая посетителя от гнетущего чувства. Из мрака «пещеры» посетители попадают на открытую, залитую светом площадку, с которой открывается вид на окружающий ландшафт – карьер, Самарскую Луку, Волгу и город.

Атмосфера внутри комплекса подчинена естественным ритмам природы – временам года, погодным условиям, движению солнца, времени суток, состоянию неба. Попадая внутрь, лучи света и атмосферные осадки создают сложную атмосферу,

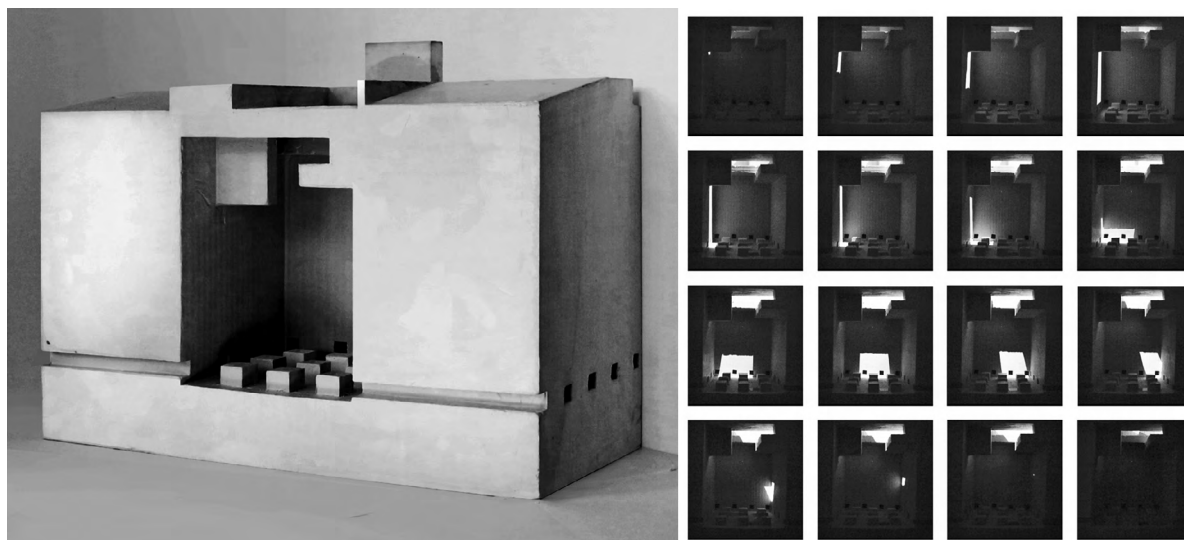

Рис. 8. Макет и Раскадровка

Рис. 9. Главный зал

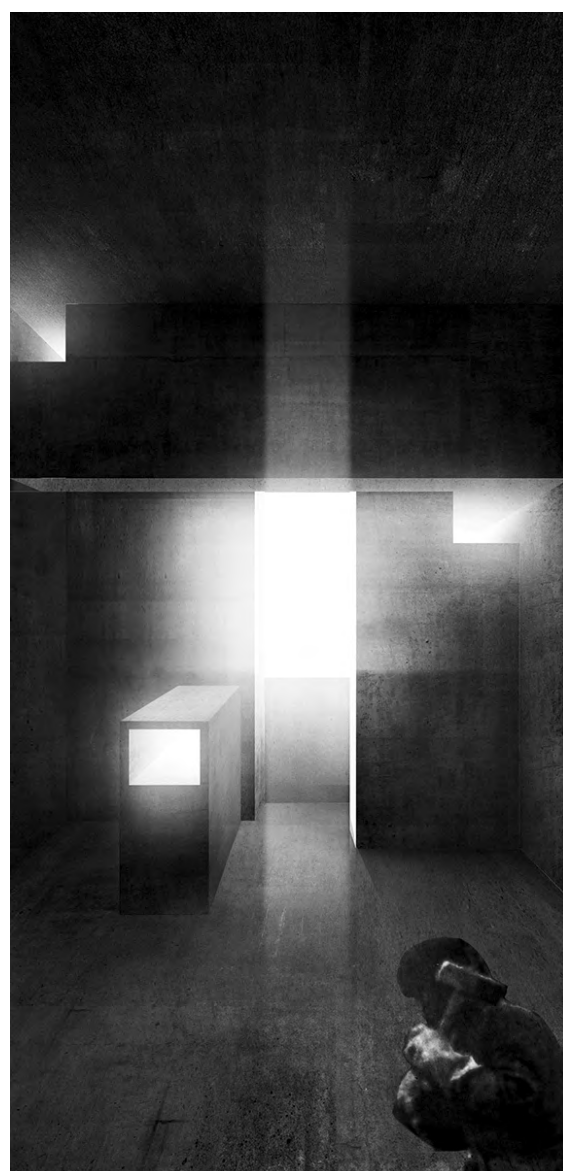

Рис. 10. Вид из главного зала на световой фонарь

формируя различные состояния в восприятии пространства и времени мемориала (рис. 10).

Переживание пространства музея, на наш взгляд, должно стать не только реминисценции произошедших событий, но и предостережением будущим поколениям. Своей многозначной простотой музей должен отразить жестокость и бессмысленность того периода истории и сохранить в своих каменных стенах память, которая будет изо дня в день оживать под прикосновением лучей солнца.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Степанов М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928—1953 гг.): обзор современных историографических исследований // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 12. — С. 145—149.
2. Степанов М. Г. Сталинская репрессивная политика в СССР (1928—1953 гг.): взгляд советской историографии // Известия Алтайского государственного университета. — 2008.
3. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Дж.-Л. Чёрная книга коммунизма. Le Livre Noir du Communisme. — М.: «Три века истории», 2001. — С. 192. — 864 с.
4. Махаева В.В. Советская пенитенциарная система: из истории функционирования Самарского исправительно-трудового лагеря (1937 - июнь 1941 г.) // Клио, 2011, №1 (52), с. 70-72
5. Захарченко А.В., Репинецкий А.И. Использование труда заключенных и индустриализация Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Известия СНИЦ РАН, 2006. №3. С.789-800
6. Самогоров В.А., Пастушенко В.Л. Безымянская ТЭЦ. TATLIN, Екатеринбург, 2014. -35 с.
7. Захарченко А.В., Репинецкий А.И. Узники Безымянлага: состав, трудовая деятельность // Вестник архивиста, 2006. №4-5 (94-95). С.116-137
8. Насыбуллина Р.А., Самогоров В.А. Влияние феноменологии на современное понимание роли естественного света в архитектуре // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2016. С. 181-184.
9. Цумтор П. Атмосферы / P. Zumthor. - Basel: Birkhduser Verlag AG, 2006. - 80 с.

REFERENCES

1. Stepanov M.G. Political repressions in the USSR of the period of the Stalin dictatorship (1928-1953): a review of modern historiographic research // Bulletin of Chelyabinsk State University. - 2009. - № 12. - p. 145-149.
2. Stepanov MG. Stalin repressive policy in the USSR (1928-1953): the view of Soviet historiography // News of Altai State University. - 2008.
3. Courtois, S., Werth, N., Panne, J.-L., Pachkovsky, A., Bartosek, K., Margolin, J.L. The black book of communism. Le Livre Noir du Communisme. - M.: «Three centuries of history», 2001. - p. 192. - 864 p.
4. Makhaeva V.V. Soviet penitentiary system: from the history of the functioning of the Samara correctional labor camp (1937 - June 1941) // Clio, 2011, No. 1 (52), p. 70-72
5. Zakharchenko A.V., Repinetsky A.I. The use of labor of prisoners and the industrialization of the Kuibyshev region on the eve of and during the years of the Great Patriotic War // News of the SSC of the Russian Academy of Sciences, 2006. №3. P.789-800
6. Samogorov V.A., Pastushenko V.L. Bezymyanskaya CHP. TATLIN, Ekaterinburg, 2014. - 35 p.
7. Zakharchenko A.V., Repinetsky A.I. Prisoners of the Nameanlaga: composition, labor activity // Bulletin of the Archivist, 2006. No. 4-5 (94-95). P.116-137
8. Nasybullina R.A., Samogorov V.A. The influence of phenomenology on the modern understanding of the role of natural light in architecture // Traditions and innovations in construction and architecture. Samara: Samara State University of Architecture and Civil Engineering, 2016. P. 181-184.
9. Zumthor P. Atmospheres / P. Zumthor. - Basel: Birkhduser Verlag AG, 2006. - 80 c.

Для ссылок: Плотников В.О., Самогоров В.А., Насыбуллина Р.А., Фадеев А.В. Мемориал Безымянлаг: Памяти жертв Особстроя НКВД СССР в Самаре // Innovative project. 2017. T.2, №3. С. 14-20. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.2

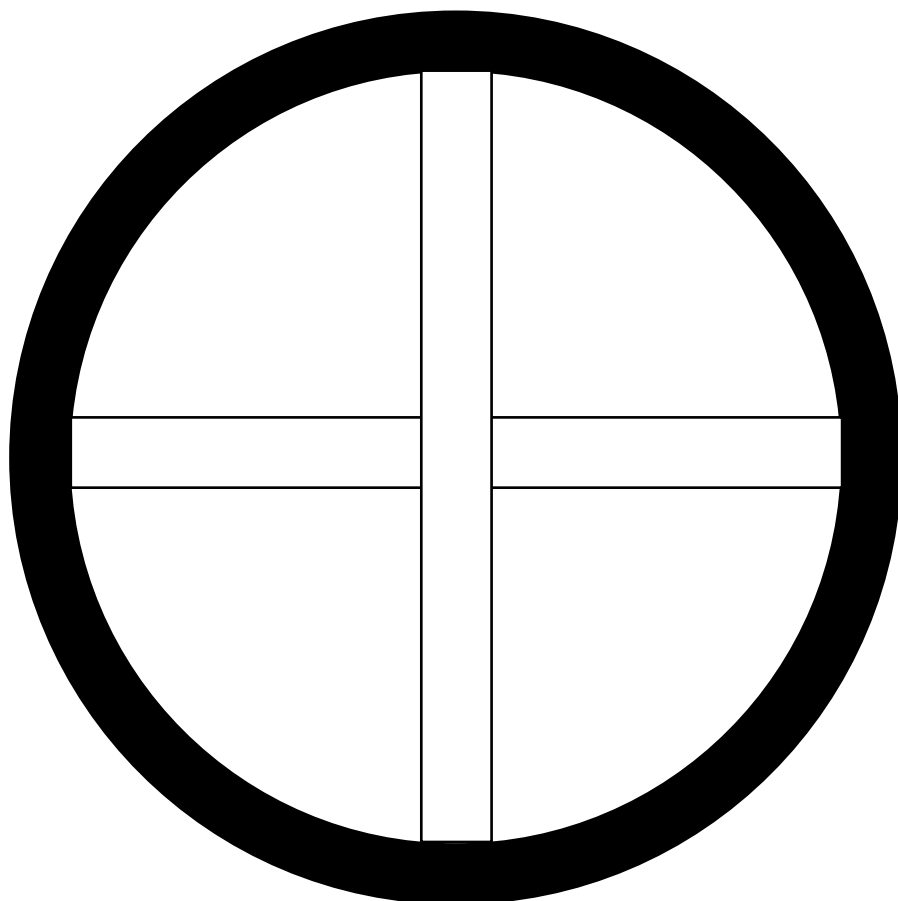
For references: Plotnikov V.O., Samogorov V.A., Nasybullina R.A., Fadeev A.V. Memorial Bezymyanlag: in memory of NKVD Osobstroy victims in Samara. Innovative project. 2017. Vol.2, No 3. p. 14-20. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.2

2

21–28

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

URBAN SPACE

Мохова Мария Сергеевна, Терягова Александра Николаевна
Самарский государственный технический университет
Mokhova Maria, Teryagova Aleksandra
Samara State Technical University

ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗМЕНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА
PRECONDITIONS OF CHANGES IN THE ARCHITECTURAL AND URBAN BUILDING COMPONENT OF THE
SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF THE CITY

Современные исследования социологов, психологов, политологов, культурологов и других теоретиков, изучающих общество как социальную систему, зачастую берут за основу вопрос о революционных изменениях, вносимых новейшими наукоемкими технологиями в процессы общения между людьми. Коммуникативное, технологичное общение в корне меняет понимание многих процессов и видов социокультурных связей. Эти изменения в перспективе будут коренным образом менять подход к формированию городской среды в целом и пространств общения в частности. В представленной работе осуществлена попытка рассмотреть влияние виртуального общения на город. Рассмотрены положительные и отрицательные аспекты этих изменений и в конечном итоге осуществлена попытка формирования пространственной модели общения в современном городе. Описаны варианты комплексной оценки социального качества городской среды. На основе предлагаемой авторами классификации пространств общения современного города, проведено исследование, целью которого стало выявление возможных локаций этих средовых объектов и систем. Высказана гипотеза о поэтапном создании гибридных пространственных ансамблей в пределах архитектурных единиц, составляющих среду для различных видов межличностного общения, в виде синтеза медиатехнологий и градостроительства.

Up-to-date studies carried out by sociologists, psychologists, political scientists, cultural scientists and other theorists who study society as a social system are often based on the issue on the revolutionary changes introduced by the latest high-end technologies into the processes of communication between people. Communicative, technological communication fundamentally changes the understanding of many processes and types of sociocultural relations. In the future, these changes will fundamentally alter the approach to the formation of the urban environment in general and communication spaces in particular. This paper presents an attempt to consider the impact of virtual communication on the city. The positive and negative aspects of these changes are considered and, ultimately, an attempt on the formation of a spatial communication model in the modern city is made. The options for a comprehensive assessment of the social quality of the urban environment are described. The authors' classification of the communication spaces of the modern city became a foundation for a study aimed to identify potential locations of these environmental objects and systems. The hypothesis of a phased creation of hybrid spatial ensembles within the architectural units constituting the environment for various types of interpersonal communication, in the form of a synthesis of media technologies and urban planning is generated.

Ключевые слова: социокультурная среда, городские пространства общения, коммуникативная среда города
Keywords: socio-cultural environment, urban spaces of communication, communicative environment of the city

Идея предсказать будущее продолжает завораживать человечество. Она всегда и была животрепещущей темой в литературе, кино и искусстве в целом. В этом стремлении архитектура, будучи одним из самых социальных видов искусства не могла стоять в стороне. Можно бесконечно перечислять фильмы, романы и архитектурные концепции теоретиков архитектуры, «предсказания» которых стало уже не будущим, а настоящим, а иногда, и прошлым - реализованным опытом от которого категорично отказались (жилой комплекс «Прютт - Айгоу», Сент-Луис, США, Архитектор: Минору Ямасак, снесен в 1972–1974 г.).

Архитектура всегда отражает эпоху, из чего следует предположение, что человеку конкретной эпохи удобна и интересна архитектура и дизайн этой конкретной эпохи. Чтобы предположить и понять, что нужно человеку «будущего» необходимо понимать, как он мыслит, развивается, как складывается его быт, ритм жизни и много другое, в ином смысле понять «кто он такой?». Сегодня, все чаще современные архитекторы и урбанисты, исследуя пространство города используют подход так называемой урбанистической социологии. В последние полвека в исторической науке стало принято изучать историю повседневности,

множество авторов пытаются разобраться, упорядочить, и понять, как преобразовывать пространства города для максимального комфорта всех людей, учитывая всевозможные ситуативные, антропологические и психологические особенности.

Сегодня очевидно, что интернет, медиа, социальные сети - всё это новый вид и форма коммуникации и общения между людьми, которые внезапно стали доступны всему человечеству благодаря новым технологиям, возникшим в 20 веке. Такой традиционный способ общения как диалог с глазу на глаз стал не единственным способом коммуникации, между людьми. В каком-то смысле стали исчезать такие категории как пространство и время, мир как будто резко сжался, стал меньше и доступнее. И если раньше, благодаря таким технологиям как радио и телевидение коммуникация была односторонней, то благодаря интернету, медиасредства превратились из некоего монолога в диалог. Теперь люди могут за секунду поделиться с огромной аудиторией своими мыслями и идеями, уже сейчас современное общество представляет из себя огромную деревню с обменом мнениями и т.п.

Исходя из этого можно задаться вопросами: если человек всегда подключен к всемирной паутине, может мгновенно передать информацию куда и кому угодно, имеет ли тогда значение где он находится, в каком городе живёт, какого качества среда вокруг него? Зачем современному человеку ходить в учебные заведения, в школы, университеты, когда существует онлайн обучение? Зачем ехать в офис, если можно работать, не выходя из дома? С одной стороны, уже в конце прошлого столетия некоторые учёные предсказывали смерть расстояний, утверждая, что современные средства коммуникации способны заменить привычную нам форму быта и общения, однако с другой стороны, эта гипотеза во всяком случае пока, не совсем находит подтверждение. Исследователи из Senseable City Lab - исследовательская группа Массачусетского технологического института, занимающаяся исследованиями жизни крупных городов в современных условиях, проанализировали телекоммуникационные данные и обнаружили, что те люди, которые общаются при помощи цифровых средств связи, все так же стремятся к личным встречам. «Люди испытывают глубокое желание быть с другими людьми, хотят находиться в красивом месте...»[1]. Кроме этого,

в 21 веке города продолжают расти как никогда прежде, современные мегаполисы разрастаются с неумолимой скоростью. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к 2050 году городскими жителями может стать 75 процентов населения земного шара, городская жизнь кажется людям более привлекательной. [2]. Этот факт, на мой взгляд подтверждает, что даже сегодня, в мире высоких технологий и коммуникаций человеку очень важно физическое взаимодействие между людьми и окружающей средой, пространство для этого взаимодействия, общения.

Таким образом, можно предположить, что цифровое коммуникативное поле не убивает и не поглощает пространство живого общения, два этих мира, две эти реальности переплетаются и взаимодействуют друг с другом. «Цифровая революция не убила городское пространство - какое там! - но она и не оставила его незатронутым» [3]. Города постепенно превращаются в гибридное пространство, которое вмещает в себя и объединяет цифровые и физические пространства. В итоге встает вопрос о расширении границ архитектуры и городского дизайна.

Занимаясь проблемами современных пространств социокультурной среды в городах 21 века, авторы обнаружили основные тенденции, по которым выявили основные типы наиболее актуальных времени пространств общения:

- Рекреационное культурное пространства общения
- Пространства для общения в процессе обучения
- Общение в процессе обмена товарами и услугами
- Культовые и ритуальные пространства общения

Анализируя современные реализованные примеры был сделан вывод, что пространства общения уже не являются монофункциональными. Они становятся воплощением гибридной полифункциональной структуры. Эволюция гибридных пространств в 21 веке происходит на основе расширения их функционального насыщения и вариативности функционального взаимодействия. Они в свою очередь становятся некими доминантными и узловыми точками притяжения в ткани современного города. Такая структура является многослойной, а сооружения, образующие его структуру, объединены многоуровневым общественным пространством, в котором важную роль играет его виртуальное восприятие, а также его информационный потенциал и его возможности к трансформации.

Рис.1. Пирс в Гастингсе (Великобритания), архитектурное бюро dRMM

Рекреационные культурные пространства общения

Этот вид пространств объективно является наиболее жизнеспособным. Жизненные процессы человека, связанные с работой, учебой, бизнесом постепенно меняются. Одновременно изменяется подход к формированию пространств, обеспечивающих данные процессы. Неизменной остается потребность человека в отдыхе, который психологически часто связан со сменой обстановки, с природной средой. Пространства общения, ориентированные на рекреацию, несомненно, трансформируются, обрастают дополнительными функциями, но при этом остаются стабильно востребованными.

Пирс в городе Гастингс (Великобритания) стал продуктом совместной работы городского сообщества и с архитектурного бюро dRMM, которое победило в международном конкурсе на проект реконструкции пирса (рис.1). После многочисленных дискуссий было решено оставить это место пустым. Новая огромная платформа, вытянувшаяся в океан на 280 метров, должна быть местом для самоорганизации местных жителей, которые могут сами выступать в роде архитекторов и дизайнеров своего досуга, каждый раз выбирая, каким будет наполнение этого пространства. Свободная площадь может вмещать в себя любые временные сооружения. Здесь удобно проводить различные мероприятия: всевозможные ярмарки, концерты, праздники и цирки-шапито.

Общая площадь пирса составляет 11720 м². На территории пирса имеется павильон кафе-бара. Обновлённый причал является катализатором регенерации таких небольших приморских городов как Гастингс. Этот объект является примером пространства общения, который обладает гибкой функциональной и материальной структурой. В 2017 году проекту была присуждена

Премия Стерлинга за лучшее сооружение Великобритании [4].

Пирс в городе Гастингс доказательство того, что даже пустое, «чистое» пространство с гибкой функциональной и материальной структурой может быть популярным общественным местом, стать важной градостроительной единицей в городе и стать мощной площадкой для общения горожан и туристов.

Пространство общения в процессе обучения

Пространственная среда образовательных учреждений - это стартовая площадка для большинства инноваций. Подход к формированию архитектуры учебной среды, также необходим инновационный, поскольку новые формы общения требуют адекватного ответа в организации пространства. Интересным примером такого инновационного подхода является проект «Плавучий университет» в Берлине, Германия.

С мая по сентябрь 2018 года архитектурное бюро raumlaborberlin организовало университет в Берлине, для различных общественных дискуссий, экспериментального и неформального обучения, главной темой стала трансформация современных городов. «Плавучий университет» был построен этой весной в Берлине силами преподавателей и студентов разных профильных вузов на резервуаре для сбора дождевой воды близ аэропорта Темпельхоф [4,8]. Этот проект стал местом сбора студентов из разных стран, учёных из более чем двадцати международных университетов, местных экспертов, архитекторов, музыкантов и танцоров. Все они принимали участие во всевозможных дискуссиях, лекциях, воркшопах, семинарах, концертах и перформансах. Все они объединились, чтобы исследовать повседневный быт и городскую жизнь, а также сформулировать видения и идеи для будущего проекта трансформации городов.

Рис. 2. Институт архитектуры и дизайна и медиатехнологий «Стрелка» г. Москва

Университет ищет современные, устойчивые формы городской практики с видением в будущее.

Это пространство для обмена знаниями в экспериментальных, образовательных форматах. Место, где трансдисциплинарные исследовательские группы и учёные в разных областях объединяются для решения сложных вопросов городской практики:

Отечественный опыт формирования инновационных пространств общения в процессе обучения наиболее ярко характеризуется появлением Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» в Москве (рис.2).

Программа института «Стрелка», это проект, ориентированный на широкую аудиторию, на горожан и неравнодушных членов сообщества. На эту образовательную площадку приглашаются специалисты и эксперты различных уровней, для освещения проблем современных медиатехнологий, архитектуры и дизайна. Кроме обучающих программ для поступивших студентов институт предлагает обширную программу просвещения для простых обывателей, для тех, кто просто желает расширить свой кругозор в пространствах института часто проводятся лекции, семинары, курсы и круглые столы. Помимо этого, здесь регулярно организуют выставки и арт-инсталляции. С каждым годом программа института расширяется. Сейчас здесь устраивают кинофестивали, в программу которых входят специально отобранные фильмы; проводят курсы для начинающих предпринимателей. В 2015 году к работе «Стрелки» начали привлекать волонтеров [6]. Помимо образовательного и просветительского центра, коим он является, институт также занимается издательской деятельностью. Территория института, несомненно является гибридным пространством общения включая в себя не только лектории, но

и экспозиционные площади предприятия общественного питания, рекреационные модули.

Эти два примера учебных пространств доказывают гибридную специфику специфику современных научно-исследовательского пространств, которые не могут и не должны только лишь из учебных классов, а должен представлять из себя сложную многофункциональную структуру.

Пространства общения в процессе обмена товарами и услугами

В истории мировой архитектуры и градостроительства одним из первых сформировавшихся видов пространств общения стала рыночная площадь. Общение в рамках обмена товарами и услугами в настоящее время в значительной мере переходит в плоскость медиатехнологий. Онлайн торговля вытесняет привычные формы взаимодействия между покупателем и продавцом. Однако в ряде случаев большое значение для человека имеет не только знание о марке и заочная рекомендация о качестве товара, но и личное визуальное изучение его характеристик. Поэтому в ряде случаев общение в процессе покупки товара, между продавцом и покупателем, между покупателями продолжает оставаться весьма актуальным [7]. Пространства объектов торговли трансформируются, обретая гибридные свойства, включают в себя новые элементы и технологии (торговые терминалы, онлайн банки, информационные узлы). появляются сопутствующие функции - выставочная, образовательная (мастер-классы), питание.

Например, рынок Markthal Rotterdam (рис. 3) в г. Роттердам созданный архитектурным бюро MVRDV как новая типология городской рыночной площади.

Эта уникальная торговая площадка сложной задумки авторов по созданию уникальной площадки

Рис.3. Рынок Markthal Rotterdam (г. Роттердам, Голландия)

для общения людей в процессе обмена товарами. Авторы поставили перед собой цель -избавить горожан от негативных воздействий рынка -скопления транспорта, грузов и хозяйственного двора. Объект доступен для посетителей со всех. Объект гибридный поскольку оболочку здания образует многофункциональный комплекс, включающий жилые площади и офисы. Рыночная площадь ограничена зданием, образующим гигантскую арку. Хозяйственное обслуживание рынка осуществляется со стороны основания. Основанием является подземный торговый центр, огромный паркинг вместимостью 1,2 тысячи мест.

Market Hall доказывает, что в современном городе практически любая типология зданий или градостроительных единиц уже не может быть монофункциональна. Многофункциональность данного объекта делает его экономически выгодным, интересным по архитектуре и своей функциональной программе. Market Hall является новой типологией городской рыночной площади.

Культовые и ритуальные пространства общения

Общение, основанное на естественных для человека мыслях о вечном - рождении и смерти, смысле жизни и любви является неизменной формой. Разговоры на эти темы перенесены в медиaplоскость, однако сакральное значение пространств, облекающих эмоции человека в подобие некой формы было и остается неизменным. Форма таких пространств, несомненно претерпевает убедительные трансформации. В них становится больше созерцательного. Уменьшается значение догматических, канонических утверждений, находящихся свое отражение в архитектуре. Новые религиозно -культовые объекты более терпимы к иноверцам, инакомыслящим, их среда призывает остановиться, задуматься, созерцать. это пространства для поиска истины в процессе общения с людьми и Богом. Особенно

заметны изменения функционального состава пространств общения их гибридизация в архитектуре западных стран. Таким примером является культурно-приходской центр Kannikegården в Риге, Дания (архитектурное бюро Lundgaard & Tranberg Architects).

Kannikegården - это новое здание для приходского церковного совета датского города Риге, построенный на городской площади исторического центра напротив старого собора. Объект был построен и спроектирован в 2015 году архитектурным бюро. [10].

Kannikegården это не только место для сбора и общения местного церковного прихода, но и культурный центр, который доступен для досуга и общения всем горожанам и туристам. Политика этого культурно-религиозного центра заключается в дружелюбности и толерантности. Цифровая эра, в которой мы все живем в настоящее время, формирует совершенно новое пространство человеческой жизни — информационно-технологическую медиа среду. Из редкого и экзотического явления городской жизни информационные технологии превращаются во все более доступный, повсеместный и повседневный элемент жизни горожан.

В пространстве здания происходят различные общественные мероприятия для горожан, беседы с социальными работниками и священнослужителями, концерты и показы фильмов. Кроме того, во время строительства объекта были найдены руины древнего монастыря: тысячелетние камни, свидетельство того, как викинги отдавали честь Вальхалле, чтобы впредь служить новому христианскому богу (рис.4).

Культурно-религиозный центр Kannikegården одновременно является и музеем, приходским и социальным центром, а также местом для общения, где жители и гости города Риге могут устраивать городские собрания, просмотры кинофильмов и концерты.

Рис.4. Культурно-приходской центр Kannikegården в Риббе (Дания), Lundgaard & Tranberg Architects

Kannikegården примечателен своей политикой открытости. Он является объектом не только духовного, но и культурного просвещения. Центр спроектирован с целью стать местом сбора и встреч не только церковной общины, но и местного сообщества, приезжих туристов. Помимо многофункциональности [11], объект интересен своей исторической составляющей. Таким образом, на основании проведенного анализа общемировых тенденций формирования пространств общения в городе, можно сделать вывод о том, что современные средства коммуникации существенно меняют подход не только к самому процессу межличностного общения, но и к пространственной форме его выражения. Скорость передачи информации от человека к человеку влияет на увеличение скорости жизни в целом. Возможность концентрации различных функций в пространстве, также отвечает необходимости быстро реагировать на получаемую информацию и выполнять несколько действий за короткий промежуток времени. Освоение различных функциональных программ в пределах одного пространственного ансамбля - не одномоментно. Поэтапно формируемые пространства общения в свете последних тенденций синтезируют медиатехнологии, архитектуру и градостроительство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня / Издательство института Гайдара, Москва 2017. С. 29-36.
2. Что пьем и чем дышим: как проблемы окружающей среды влияют на здоровье // ТАСС: официальный сайт. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/4224612>
3. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня / Издательство института Гайдара, Москва 2017. С. 44.
4. Фролова Нина «Пирс для народа» // Архи.ру - [Элек-

тронный ресурс]. - Режим доступа: <https://archi.ru/world/76398/pirs-dlya-naroda>

5. Фролова Нина «Повседневное героичество» // Архи.ру - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://archi.ru/world/72561/povsednevnoe-geroistvo>

6. Markthal Rotterdam — гигантский базар в центре Роттердама // Издательский Дом RUS Media, [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rusbenelux.com/markthal-rotterdam-gigantskiy-bazar-v-tsentre-rotterdama/>

7. Жоголева А.В. Принципы архитектурного формирования социо-пространственной среды современного исторического города // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2009. № 3. С. 43-49.

8. Орлов Д.Н., Орлова Н. А. Опыт формирования общественных пространств средствами активной архитектурной пластики // Устойчивое развитие городской среды. Самара, 2016, ст. 65-67.

9. Каракова Т.В. Архитектурная психология и среда города // Приволжский научный журнал. 2012. -№1. -С. 132-134.

10. Ахмедова Е.А., Кандалова А.Д. Медиатехнологии в современном городе// Градостроительство и архитектура. 2016. № 3 (24). С. 44-48.

11. Родионова А.М., Вавилова Т.Я. Цифровые технологии – драйвер архитектурно-типологического развития музеев // Архитектура и дизайн: история, теория, инновации. Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, 2018. №3.С 300-304.

REFERENCES

1. Ratti K., Claudel M. City of Tomorrow / Gaidar Institute Publishing House, Moscow 2017. P. 29-36.
2. What we drink and what we breathe: how environmental problems affect health // TASS: official website. [Electronic resource.] - Access mode: <https://tass.ru/obschestvo/4224612>
3. Ratti K., Claudel M. City of Tomorrow / Gaidar Institute Publishing House, Moscow 2017. P. 44.

4. Frolova Nina "Pier for the People" // Archi.ru. [Electronic resource.] - Access mode: <https://archi.ru/world/76398/pirs-dlya-naroda>
5. Frolova Nina "Everyday Heroism" // Archi.ru. [Electronic resource.] - Access mode: <https://archi.ru/world/72561/povsednevnoe-geroistvo>
6. Markthal Rotterdam - a giant bazaar in the center of Rotterdam // RUS Media Publishing House. [Electronic resource.] - Access mode: <http://rusbenelux.com/markthal-rotterdam-gigantskiy-bazar-v-tsentre-rotterdama/>
7. Zhogoleva A.V. The principles of the architectural formation of the socio-spatial environment of the modern historical city // Bulletin of Belgorod State Technological University. V.G. Shukhov. 2009. № 3. S. 43-49.
8. Orlov D.N., Orlova N.A. Experience of the formation of public spaces by means of active architectural plastics // Sustainable development of the urban environment. Samara, 2016, art. 65-67.
9. Karakova T.V. Architectural psychology and environment of the city // Volga scientific journal. 2012. -№1. -WITH. 132-134.
10. Akhmedova E.A., Kandalova A.D. Media technologies in the modern city // Urban planning and architecture. 2016. № 3 (24). Pp. 44-48.
11. Rodionova A.M., Vavilova T.Ya. Digital technologies - the driver of the architectural and typological development of museums // Architecture and design: history, theory, innovation. Far Eastern Federal University. Vladivostok, 2018. No. 3.C 300-304.

Для ссылок: Мохова М.С., ТERYAGOVA A.H. Предпосылки изменения архитектурно-градостроительной составляющей социокультурной среды города // Innovative project. 2017. T.2, №3. С. 22-28. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.3

For references: Mokhova M.S., Teryagova A.N. Preconditions of changes in the architectural and urban building component of the socio-cultural environment of the city. Innovative project. 2017. Vol.2, No.3. pp. 22-28. DOI: 10.17673/IP.2017.2.02.3

3

29–36

ЧЕЛОВЕК И ГОРОД

THE CITY & PEOPLE

Орлов Дмитрий Николаевич, Орлова Наталья Александровна
Самарский государственный технический университет
Orlov Dmitry, Orlova Natalia
Samara State Technical University

ИСТОРИЧЕСКАЯ СРЕДА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ HISTORICAL ENVIRONMENT IN THE CURRENT ECONOMIC CONDITIONS

Работа посвящена актуальным проблемам развития и реконструкции провинциальных исторических городов России. Рассматриваются экономические и культурологические аспекты. Дается краткое описание особенностей текущего периода, связанного с проведением чемпионата мира по футболу. Обосновывается значение фоновой застройки, как элемента исторического контекста, обуславливающего целостность восприятия памятников архитектурного наследия и формирующего среду исторического города, как феномена преемственности исторически складывающегося города. Характеризуется недостаточная глубина ряда реконструктивных практик. Этот несостоятельный подход к работе с наследием обозначен как «визуализация»: преобладание внешних декоративных подходов, «обозначающих и изображающих», но не сущностных. Намечен путь преодоления этих противоречий. Полноценное развитие целостной преемственной среды исторического города заключается в запуске механизмов самовоспроизводства городского пространства, основанном на переориентации направленности девелоперских проектов с прямых продаж на долгосрочную ренту.

The paper is devoted to the challenging issues of development and reconstruction of provincial historical Russian cities. Economic and cultural aspects are considered. A brief description of the features of the current period associated with the World Cup is given. The paper justifies the value of the background building as an element of the historical context that determines the integrity of the perception of monuments of architectural heritage and forms the environment of the historical city as a phenomenon of continuity of the historically emerging city. The insufficient depth of a number of reconstructive practices is characterized. This untenable approach to work with heritage is designated as «visualization», the predominance of external decorative approaches, «denoting and depicting», but not essential. The way to overcome these contradictions is outlined. The full development of an integral successive environment of the historic city is the launch of mechanisms for self-reproduction of urban space based on the reorientation of the focus of development projects from direct sales to long-term rent.

Ключевые слова: архитектурное наследие, исторический контекст, городская среда, реконструкция застройки, девелопмент, самовоспроизводимая среда

Keywords: architectural heritage, historical context, urban environment, reconstruction, development, self-replicating environment

Современная практика строительства в провинциальных городах России, обусловленная коммерческими интересами, находится в глубоком кризисном противоречии с преемственностью в развитии исторических городов как культурных феноменов. Все более отчетливо осознаваемая культурная ценность исторической среды сталкивается с разрушающей ее экспансией рынка. Это столкновение сопровождается диссонансом в общей системе ценностных предпочтений. В культурной парадигме российского общества, начиная с 70-х годов прошлого века, все большую ценность занимает историческая память и традиция. Прогрессистские ценности уступают ретроспективистским и консервативным первенство в массовом сознании и государственном диалоге. Особенно остро проблема обозначилась в период подготовки городов

к чемпионату мира по футболу, олимпиада, универсиада или саммит. В ожидании гостей этих мероприятий появляется желание показать город с лучшей стороны, выявить его привлекательность и самобытность, которая концентрируется, как правило, в исторической части. «Привести ее в порядок» за два-три года невозможно, поэтому фоновая застройка становится объектом жарких споров в стиле «быть или не быть». Если проблема сохранения выявленных и юридически оформленных памятников истории, культуры и архитектуры имеет нарабатанную еще с советских времен традицию и методику решения, то сохранение фоновой застройки и целостной исторической среды, по-прежнему, не имеет юридического и технического обоснования. Отсутствует программа по финансированию подобных проектов. Кроме единичных случаев, таких как практика «аренда за рубль» в Томске или «Том

Сойер Фест» в Самаре. Массивы исторической застройки, не имеющей статуса памятника, по-прежнему значительны и являются носителями исторической памяти, высочайшей культурной ценности и туристического потенциала. Исторический город – это не набор достопримечательностей, это сложившееся в течение столетий производственной и интеллектуальной деятельности человека осмысленное, наполненное, структурированное, действующее пространство. «Пространство? Для «переживания» оно не является ни просто «рамой», вроде рамы картины, ни почти безразличной к содержанию формой, содержащим, предназначенным только принять то, что в него вложат. Пространство – это морфология общества; следовательно, для «переживания» оно является тем же, чем для живого организма – сама его форма, теснейшим образом связанная с его функциями и структурами» [1, стр. 104].

Разворачивается движение градозащитников и краеведов, туристические маршруты все больше формируются на основе исторических памятников, повышается привлекательность гуманной разнообразной среды исторической застройки. Но параллельно с этим повышаются и требования к комфорту и инженерной оснащенности жилищ. В последнее время, в связи с массовым введением ипотечного кредитования и расширением рынка недвижимости в сторону снижения стоимости жилья, логика строительного бизнеса требует перехода к комплексной массовой застройке типовыми высотными зданиями с предельным снижением себестоимости. Этот подход делает невозможным тонкую щадящую реконструкцию сложившейся застройки.

«... Приписывая подлинный эстетический замысел одним лишь памятникам и на этом основании считая их стабильными элементами городской структуры, мы слишком упрощаем ситуацию. Конечно, принимая гипотезу города как артефакта и как произведения искусства в его целостности, мы можем обнаружить в жилом доме или в не столь значимой архитектурной конструкции не меньшую выразительную силу, чем в памятнике. ... город в своей динамике более тяготеет к эволюции, чем к сохранению, и именно в эволюции памятники сохраняются и превращаются в движущие силы развития. И это объективный факт, как к нему ни относиться» [2, стр. 68].

В настоящее время участки фоновой исторической застройки активно разрушаются и перестраиваются. Именно совокупность зданий более ценных

или менее ценных, но созданных в одно время в едином масштабе в едином культурном коде; а также общественных пространств – улиц, площадей, парков и скверов; частных пространств – усадеб и дворов, и создают целостное явление – исторический город. Все попытки разъять этот конгломерат, выделить в нем ценные элементы для сохранения, а не ценные для перестройки или сноса, приводят только к деградации, в конечном счете, уничтожению этого феномена. Разрушается невосполнимый морфотип подлинного исторического города.

Существующий корпус регламентирующих документов, сохраняющий фоновую застройку явно недостаточен. Дополнительную проблему представляет высокая изношенность исторических зданий и инженерных сетей. Жители и владельцы предприятий в исторических районах часто не видят перспектив сохранения занимаемых ими зданий и не вкладываются в их полноценную грамотную эксплуатацию и ремонт. Выделяемое государственное финансирование на реставрацию охватывает только задокументированные памятники. Разумеется, при любом бюджетном финансировании и объеме инвестиций частного капитала вести речь о реставрации и даже ремонте в случае с фоновой застройкой не приходится. Такой же консервативный подход, как к памятникам, в случае с фоновой застройкой, был бы неверным. Большая часть этой застройки имеет чрезмерный физический износ и не может быть использована для современных функций ни по уровню комфорта, ни по уровню инженерного оснащения, ни по объемно-планировочной типологии. Отсутствие объекта охраны открывает достаточно большой спектр возможностей по реконструктивным мероприятиям с соблюдением ценностных установок по сохранению исторического морфотипа. Это может быть реконструкция с высокой степенью замены частей здания на новодельные (см. практику реконструкции деревянных домов г. Томска), возможны значительные изменения функциональной и технологической структуры зданий и сооружений, их расширение, достраивание и т.д. Такой подход позволит следовать живой логике развития застройки без разрыва исторической преемственности. Эта застройка не может в полной мере быть сохранена, но при замене и реконструкции может быть в значительной степени воспроизведен морфотип застройки исторического города.

В настоящее время защита фоновой исторической застройки закреплена юридически в ряде нормативных документов, таких как проекты охранных

зон памятников и правила землепользования и застройки. Как правило, речь идет об ограничении этажности при реконструкции или новом строительстве. Ограничение по этажности обусловлено в этих документах сохранением основных видовых точек на охраняемые памятники. В нормативных документах встречается также формулировка: «Зона целостной исторической застройки». Всегда речь идет о памятниках и зданиях, в лучшем случае – о сформированных общественных пространствах – площадях, скверах или природных ландшафтах.

Понятие «историческое пространство» в качестве устойчивой категории городской ткани юридически не сформулировано. Тем не менее, очевидно, что значение влияния контекста на восприятие памятников архитектуры нельзя переоценить. В данном случае под контекстом мы понимаем совокупность масштабных, ритмических, цветовых и др. композиционных параметров застройки, включая протяженные в пространстве и, соответственно, во времени параметры. Масштаб и ритмика городской исторической улицы, которые можно воспринять во время пешей прогулки, многовариантность движения в исторической городской среде и даже специфика и типология общественных заведений, будь то кафе или торговые лавки, все это на наш взгляд должно быть если и не объектом охраны, то, по крайней мере, ясно понимаемой ценностью и важным элементом исторического наследия, значащей границей, формирующей пространство. «Формальное можно описать как опыт границы, как взаимоотношение между «внутренним» и «внешним»» [3, стр. 57]. Стоит вести речь о выработке регламентов, позволяющих сохранять и воспроизводить средовые признаки исторической застройки. Следует отличать пространства исторической застройки от архитектурных ансамблей и зон целостной исторической застройки с охранным статусом. Важно понимать, что чрезмерно консервативный подход может привести к деградации городской ткани на участках, где отсутствует ценная охраняемая застройка.

Эти участки могут быть использованы для активного девелопмента, позволяющего ревитализировать всю территорию исторического центра. Если конечно вести речь о девелопменте чуть более высокого порядка, чем «построил-продал». Мы говорим о цивилизованном девелопменте, для которого закон и культурные ценности – это существенные и необходимые ограничения.

Необходима разработка теоретической основы по выявлению основных формообразующих

факторов, обуславливающих морфологическую узнаваемость и преемственность исторически сложившейся городской среды. Такой набор факторов может стать основой для разработки детальных регламентов в проектировании.

Большие массивы застройки, включающие в себя совокупность кварталов, улиц, площадей не могут быть объектом централизованного ремонта или реставрации. Это невозможно, как с точки зрения ресурсоемкости, так и с точки зрения эффективности затрат. Опыт проектов оформления гостевых маршрутов и косметического ремонта фасадов зданий вдоль них в городах, принимающих гостей чемпионата мира по футболу в 2018 году, показал, что значительные затраченные ресурсы – финансовые, трудовые и материальные, не приводят к качественному улучшению средовых характеристик, таких как повышение комфорта проживания или функциональное наполнение улиц. Маркером реального повышения среды в таком случае должно было бы стать повышение коммерческого спроса на жилье в данном районе или повышение арендных ставок. По завершении чемпионата таких явлений на реконструированных улицах не отмечено.

Важно подчеркнуть, что этот малоэффективный подход вызван особым феноменом в культуре современной России. Историческое здание не воспринимается как целостный организм, обладающий своими функциональными пространственно-планировочными и объемно-пластическими признаками, взаимоувязанными друг с другом. Современное сознание вполне допускает отделение от общего организма здания абстрактно-визуального элемента «фасад» [4]. Возможно существование «фасадов» без зданий, и даже без какой бы то ни было материальности. «Фасад» может быть напечатан на баннере, «фасад» может быть выполнен в виде барельефа или росписи на стене современного здания, «фасад» может быть только упомянут в документах. Происходит чистое абстрагирование изображения.

Примерами такого подхода служат как имитации снесенных памятников, условно воспроизведенные в современной застройке, так и не менее условное восстановление при «восстановительной реставрации». Акции волонтеров-градоохранителей «Том Сойер Фест», проходящие в Самаре и других городах, являются примером того же подхода. Этот подход можно охарактеризовать как «визуализацию» старого города, превращение его в набор изображений самого себя (рис. 1-4). Это соотносится с популярной постмодернистской метафорой «город как текст», но не равно ей.

Город в визуализаторском ключе это не набор знаков, символов, требующих прочтения, и это не симулякр. Это визуализация «поверхностей», презентация определенных, вычленившихся из контекста, признаков, оторванных от своего естественного носителя. «Во многих отношениях здания ориентированы на то, чтобы думать и работать посредством того, что не может быть адекватно воспринято и не может присутствовать здесь и сейчас: прошлое, будущее, предки, урегулирование социального конфликта и противоречие. Здания во многих отношениях связаны с тем, что находится не здесь, или с тем, что никак не может быть физически или концептуально воспринято как то, что находится здесь: космос, коммунистическая утопия, идеальная нуклеарная семья, «примитивная хижина», дом героя/предка, совокупность предков и потомков» [5, стр. 248].

Так «Том СоьерФест» максимально визуализирует категорию качества, а «восстановительная реставрация» визуализирует «историчность». При этом вновь приобретенное качество дома после работы волонтеров, никоим образом не влияет на уровень комфорта проживания в этих домах и его конструктивную устойчивость, а «историчность» даже не пытается создать иллюзию исторической достоверности. Можно говорить об «историчности де-юре» Этот подход, который мы называем «визуализацией среды» пронизывает все аспекты жизни «старого города». Достаточно беглого взгляда на рекламу застройщиков, чтобы увидеть его проявление. На типовом рекламном плакате мы увидим полностью снесенный исторический квартал, смену этажности с четырех до двадцати четырех этажей, и в тоже время, фразы о жилье в историческом городе. «Историчность» визуализируется массивными карнизами на двадцать пятом этаже.

«Визуализация» исторического города обусловлена колоссальным разрывом между его идеологической, нарративной (проговариваемой) ценностью и фактическим материальным и функциональным состоянием. Ветхая, не обеспеченная работоспособными инженерными сетями недвижимость, не пользующаяся рыночным спросом, объявляется ценностью. Эстетика вступает в противоречие с экономикой и здравым смыслом. Поэтому эстетика, как субстанция более легкая, отделяется, абстрагируется, вытесняется и переносится, сублимируется, становится суррогатом. «Визуализированный» город не равен сам себе. «Город-текст» становится городом-фейком. Фейковые высказывания по содержанию ниже симулякра. Текст превращается в

Рис.1. Визуализация. Делегирование всего комплекса «качества» окрашиванию поверхностей

Рис.2. Визуализация. Делегирование всего комплекса «качества» окрашиванию поверхностей, включая игнорирование архитектурной логики формы

Рис.3. Визуализация. Эмансипация фасада

комикс, картинки вытесняют буквы. Таким образом, воспроизводство и сохранение исторической среды подменяется визуальным отчетом о ее сохранении и воспроизводстве.

Наибольшая острота проблемы состоит в том, что данная подмена реальности на виртуализированное изображение является общекультурным феноменом. Подобная ситуация уже была в истории российской и мировой архитектуры. В конце XIX века, в эпоху эклектики, когда стилевые признаки существовали в качестве визуального кода, абстрагированного от своего носителя, и пластическое высказывание отделялось от своего денотата. «В эклектике происходит нечто, до сих пор, совершенно невысказанное. Ордер уже не воспринимается как олицетворение абсолютной истины, воплощенной в идеальной красоте заимствованных из античности форм. Перестав быть мерилом красоты и зримым воплощением истины, он, естественно, теряет значение формообразующего элемента архитектурной системы. Что же сможет заменить его? Что станет олицетворением более конкретных, приближенных к жизни понятий и как результат этого – новых представлений о красоте? Выход подсказывает традиция. Традиция использования ордерных форм. В наследии прошлого искали формы, которые ассоциировались с мировоззрением современности... Прежде для создания архитектуры (для превращения грубого материала строительства в изящное

произведение зодчества) использовали ордер. Теперь для этой цели начинают привлекать архитектурные элементы всех известных эпох» [6, стр. 29].

В XXI веке «визуализация» исторической архитектуры происходит на фоне разрыва культурной преемственности, вызванного революционной культурой модернизма. Мониизм классических архитектурных форм, разрушенный еще в эпоху эклектики, окончательно уничтожен модернистской парадигмой. Историческая архитектура потеряла легитимность присутствия. Этот морфотип больше не может воспроизводиться естественным путем, пластический язык архитектуры исторического города окончательно превратился в мертвый язык прошлого. Степень абстрагирования элементов исторической архитектуры достигла своего предела. Для обозначения «исторического» современному человеку достаточно знака, сколь угодно бутафорского. Совершение когнитивной процедуры «отделения» фасада от здания происходит без труда. Оно не требует, как раньше, интеллектуального усилия, и доступна обывателю.

Подлинность архитектурно-средового высказывания, его денотативность возможна только при условии включения пространственно-материального комплекса застройки во всей полноте в структуру социального взаимодействия общества. Таким образом, решение проблемы воспроизводства исторической среды следует формулировать как поиск способов преодоления противоречия между экономико-политическими отношениями в обществе и сформулированным дискурсом эстетической ценности наследия, включающей и ценность историческую. Почему именно эстетическая ценность ставится нами на первое место? Дело в том, что описание всего аксиологического комплекса феномена «исторический город» вполне возможно с применением только категории эстетики, причем описание исчерпывающее. Категории экономические, политические и социологические не понадобятся. Феномен «старого города» - феномен эстетический.

Необходимо разрешить дихотомию эстетика-экономика

Любое общество в каждом историческом срезе своего развития производит пространство и его материальное наполнение, соответствующее своим экономическим и политическим нуждам. Городская среда развивается, меняется и перестраивается, следуя всем фазам исторического развития общества, образуемого его жителями. В таком случае город остается живым городом, соответствующим протекающим в нем социальным и производственным

Рис.4. Визуализация. «Карниз» как индугенция «историчности»

процессам. Ситуация меняется, когда культура городского общества порождает феномен «другого города», «города, как он был раньше», ретроспективного города, наряду с городом реальным. Ретроспективный город требует не реконструкцию, а реставрацию, не развитие, а консервацию. Культурные ценности, сама идеология «ценности» выносятся сознанием из реального сегодняшнего города в прошлое, как правило, становясь симулякром, т.е. в прошлое идеализированное. Именно преодоление этой ретроспекции качества среды и является ключом к запуску воспроизводства исторического города. Объясним на простом примере. Архитектурное наследие, которое мы считаем ценностью, формировалось в ситуации отсутствия категории «архитектурного наследия». Застройка велась по требованиям необходимости, целесообразности и в соответствии с эстетическими требованиями своего времени. Именно такой подход порождал целостную, информационно насыщенную среду. Каждое здание, каждый фрагмент городского пространства сохранял информацию в своем времени, воспроизводил картину мира своих застройщиков, полностью соответствуя при этом экономическим требованиям своего времени. Когда город стал разделяться на историческую, охраняемую, ценную часть и современную, это обесценило современное строительство и законсервировало, лишило возможности развития историческую застройку.

Разрешение противоречия эстетика-экономика видится в системе поэтапных мер

Первым шагом могла бы стать разработка детальных регламентов строительства в исторической среде, основанных на тех представлениях об исторической и эстетико-культурной ценности, которой характерны для нашего современного общества и, естественно, консенсусное принятие этих ценностей обществом.

Вторым этапом должно стать возвращение исторической фоновой застройки в систему товарно-денежных отношений. Для этого необходимо тщательное прояснение юридических аспектов собственности объектов недвижимости и земельных участков, инвестиции в ремонт и развитие инженерных систем территории, возможно вынос промышленных предприятий и т.п. Эти меры необходимы для формирования условий для привлечения инвестиций. Таким образом, создается ситуация инвестиционной привлекательности, ограниченной регламентами из пункта один, созданными на основе эстетических ценностей общества – на принципах общего блага. Как известно советский

период кардинально исказил вопросы собственности на землю и объекты недвижимости, и влияние ситуации отсутствия ответственного собственника еще очень сильно. Возможно, необходимо провести коррекцию межевания и дополнительную приватизацию. При этом необходимо учитывать, что эстетические требования при реконструкции и новом строительстве при возврате в рынок исторической среды не снимаются, а становятся одной из экономических переменных. Отметим, что неприкосновенность и сохранность памятников истории, культуры и архитектуры нами несколько не подвергается сомнению или ревизии.

На первом этапе остроту проблемы могло бы снять участие государства или крупных фондов. Например, возможно создание комплексов социального жилья, т.е. жилья не переходящего в собственность жильца с отдаленным горизонтом окупаемости на основе реконструируемой исторической застройки с сохранением ее эстетических параметров. Иными словами, государство, которое руководствуется не интересами извлечения прибыли, а принципами устойчивого развития и общего блага, могло бы взять на себя начальную, наиболее рискованную, часть этого девелоперского проекта. А именно, реконструировать массивы ветхой исторической застройки с сохранением эстетических параметров исторической среды. При этом часть жилья могла бы быть использована под социальные нужды, часть реализована на рынке. Таким образом, на рынке недвижимости появились бы в необходимом количестве объекты, обладающие как потребительскими свойствами, характерными для новой застройки, так и свойствами эстетическими, соответствующими ретроспективным запросам общества. Такая интервенция повысит инвестиционную привлекательность искомого морфотипа, станет ясной и аутентичной альтернативой коммерческой застройке с визуализацией ретроспективного запроса. Таких проектов может быть много. Они должны соответствовать текущим экономическим запросам. От государственного участия, одновременно с ним, или вследствие его, возможен переход к частно-государственным партнерствам, а затем к полностью частному инвестированию. Превращение номинальной нарративной ценности в реальную стоимость с сохранением комплекса требований эстетики исторической преемственности может запустить механизм «воспроизводства среды» [1] с заданными морфотипическими параметрами и снятием имитационной составляющей. Феномен преобразованной исторической

среды, приведенной в соответствие с современным экономическим спросом, делает новое реконструируемое пространство средством производства и воспроизводства исторической среды. Новое строительство или реконструкция, отвечающие кумулятивному действию синхронизированных ценностей эстетики и рынка, будет способствовать повторению и закреплению нового экономически и эстетически обусловленного морфотипа застройки, формально близкого и, в некотором смысле, гипотетически, совпадающего с морфотипом города XIX века.

Итак, исторический город в современной культуре представлен в трех ипостасях, причем в каждой из них должна быть достигнута полноценная, эффективная и разумная полнота. Эти ипостаси таковы: 1) город как товар; 2) город как средство производства; 3) город как культурный феномен.

«Город как товар» – это простейший способ существования города в современной экономике, когда застройщик тем или иным способом приобретает участок, «трансформирует» его, застраивает его, перестраивает и т.п. и продает. Для такого способа извлечения прибыли комфортность, культурная многоплановость и другие качественные характеристики городской среды играют роль только как конкурентные преимущества на рынке. Такой девелопмент скорее сориентирован на первичную продажу, чем на долгосрочную ренту. Девелопер в такой ситуации заинтересован в максимальной фиксации и монетизации потенциала участка в максимально короткий срок. Характерный пример – жилые комплексы последнего времени, на пределе и за пределом плотности, высотности с минимальными потребительскими качествами среды и с полным разрушением исторического контекста. Но, тем не менее, понимание города, как товара, является необходимым и непреодолимым элементом городской экономики, базовой, элементарной её транзакцией.

Следующая ипостась, «город как средство производства», это более сложное представление о существовании города в экономическом пространстве. В этом случае элементарные операции купли/продажи становятся многократными и менее значимыми в девелоперском проекте. Основным источником прибыли становится долгосрочная рента – система налогов для государства, доходная недвижимость для бизнеса. В такой ситуации ключевым показателем экономической эффективности

территории становится накопление качественных показателей среды и капитализация застройки. Качество среды – обеспеченность инфраструктурой, инженерной и социальной, уровень комфорта и благоустройство, культурная значимость и многообразие. Качество в такой ситуации становится целью инвестиций. Город превращается в средство стабильного роста прибыли, средство производства. Таким город предстает перед стейкхолдерами, операторами и другими управляющими субъектами. А для горожан такой город раскрывается в качестве третьей ипостаси – как культурный феномен, постоянно порождающий события и смыслы, накапливающий капитал исторической памяти, живой самовоспроизводящийся город.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. – М.: Strelka Press, 2015. С. 432.
2. Росси А. Архитектура города / пер. с итал. М.: Strelka Press, 2015. С. 264.
3. Аурели П.В. Возможность абсолютной архитектуры / пер. с англ. М: Strelka Press, 2014. С. 304.
4. Орлов Д.Н., Орлова Н.А. Опыт формирования общественных пространств средствами активной архитектурной пластики // Устойчивое развитие городской среды / Сборник статей / СГАСУ. Самара, 2016. С. 65-67
5. Бюхли В. Антропология архитектуры / Пер. с англ. – Х.: изд-во «Гуманитарный Центр», Григорьева М.В., Гритчина О.В., 2017 – 288 с.
6. Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910-х годов / М.: «Искусство», 1978. С. 399

REFERENCES

1. Henri Lefebvre, *La Production de l'espace*, Economica, 1974, pp. 485
2. Aldo Rossi, *"L'architettura della città"*, Padova: Marsilio 1966; n. ed. Macerata: Quodlibet 2011.
3. Pier Vittorio Aureli, *"The Possibility of an Absolute Architecture"*, MIT Press, 2011, pp. 251
4. Orlov D.N., Orlova N.A. Experience in the formation of public spaces by means of active architectural plastics // Sustainable development of the urban environment. Collection of articles, - Samara, 2016. p. 65-67
5. Victor Buchli *"An Anthropology of Architecture"*. Bloomsbury Academic, 2013, pp. 224
6. Kirichenko E.I. Russian architecture of 1830-1910 / М.: «Art», 1978. P. 399

Для ссылок: Орлов Д.Н., Орлова Н.А. Историческая среда в современных экономических условиях // Innovative project. 2017. T.2, №3. С.30-36. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.4

For references: Orlov D.N., Orlova N.A. Historical environment in the current economic conditions. Innovative project. 2017. Vol.2, No 3. P. 30-36. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.4

4

37–54

ГОРОД В ДВИЖЕНИИ
CITY IN MOTION

Вологодина Наталья Николаевна, Цацына Диана Евгеньевна
Самарский государственный технический университет
Vologdina Natalya, Tsatsyna Diana
Samara State Technical University

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ТЕРРИТОРИИ, УТРАТИВШЕЙ
ГРАДООБРАЗУЮЩУЮ ФУНКЦИЮ
RESTORATION OF THE CULTURAL AND HISTORICAL BASIS OF THE TERRITORY, WHICH LOST CITY-
FORMING FUNCTION

На основе исследования территории, утратившей градообразующую функцию, разработаны принципы и модели реконструкции объекта, обладающего уникальной культурно-исторической основой и структурой, встроенной в градостроительный каркас города. Обращается внимание на отсутствие политики и адекватных программ реновации в отношении промышленных территорий, находящихся в заброшенном состоянии. Результат хаотичности освоения территории случайными функциями, затянувшееся на десятилетия, отражает состояние застоя в решении глобальных вопросов градостроительного планирования и регулирования. Раскрыта уникальность объекта реконструкции как носителя культурных смыслов и важного транспортно-коммуникационного узла. Это положение приводит авторов к выводу о необходимости рассматривать действия по сохранению и использованию объекта как императив.

Based on the study of the area that has lost the city-forming function, the principles and models for the reconstruction of the object, which has a unique cultural and historical basis and structure built into the town-planning framework of the city, have been developed. Attention is drawn to the lack of policies and relevant renovation programs for industrial areas that are in abandoned state. The result of randomness of the development of the territory by random functions, which lasted for decades, reflects the state of stagnation in addressing global issues of urban planning and regulation. The uniqueness of the object of reconstruction as a carrier of cultural meanings and an important transport and communication hub is revealed. This provision leads the authors to conclude that it is necessary to consider actions to preserve and use sign architecture as an imperative.

Ключевые слова: градостроительная структура, принцип проектирования, реконструкция, реновация, городская среда, метаморфоза, издательский комплекс, заброшенность

Keywords: urban structure, design principle, reconstruction, renovation, urban environment, metamorphosis, publishing complex, abandonment

Реконструкция промышленных территорий, утративших основную градоформирующую функцию, в настоящее время является проблемой для крупнейших городов. В результате смены политических и экономических предпочтений, отсутствия градостроительных решений и адекватных программ, огромные участки приобрели неопределенный статус и длительное время находятся в заброшенном состоянии. Это положение приводит к нарушению целостности градостроительной структуры. Случайное, временное использование территорий не способствует важнейшим социальным процессам в городе [1-4]. Ситуация усложняется в тех случаях, когда участок выполняет роль транспортно-коммуникационного узла и является структуро-формирующей частью градостроительного каркаса. Эти территории являются носителями историко-культурных смыслов, идей и ценностей [1, 2, 4-6].

Одна из таких уникальных ситуаций сложилась на участке в границах улиц Авроры, Съездовской, пр. Карла Маркса и 4-го проезда, который включает один из значительных объектов истории и культуры – Самарский Дом печати (рис. 1, 2).

Огромный издательско-полиграфический комплекс находился в собственности областного комитета КПСС и занимался выпуском изданий по крупным федеральным и региональным заказам.

В середине 1990-х предприятие было приватизировано, после чего большие задолженности собственников привели типографию к грани банкротства. Попытка руководства сдавать помещения в аренду кончилась полным разорением предприятия. Последующие многочисленные перепродажи объекта повлекли за собой долгие судебные разбирательства, которые окончательно привели комплекс к запустению. Осенью 2015-го года

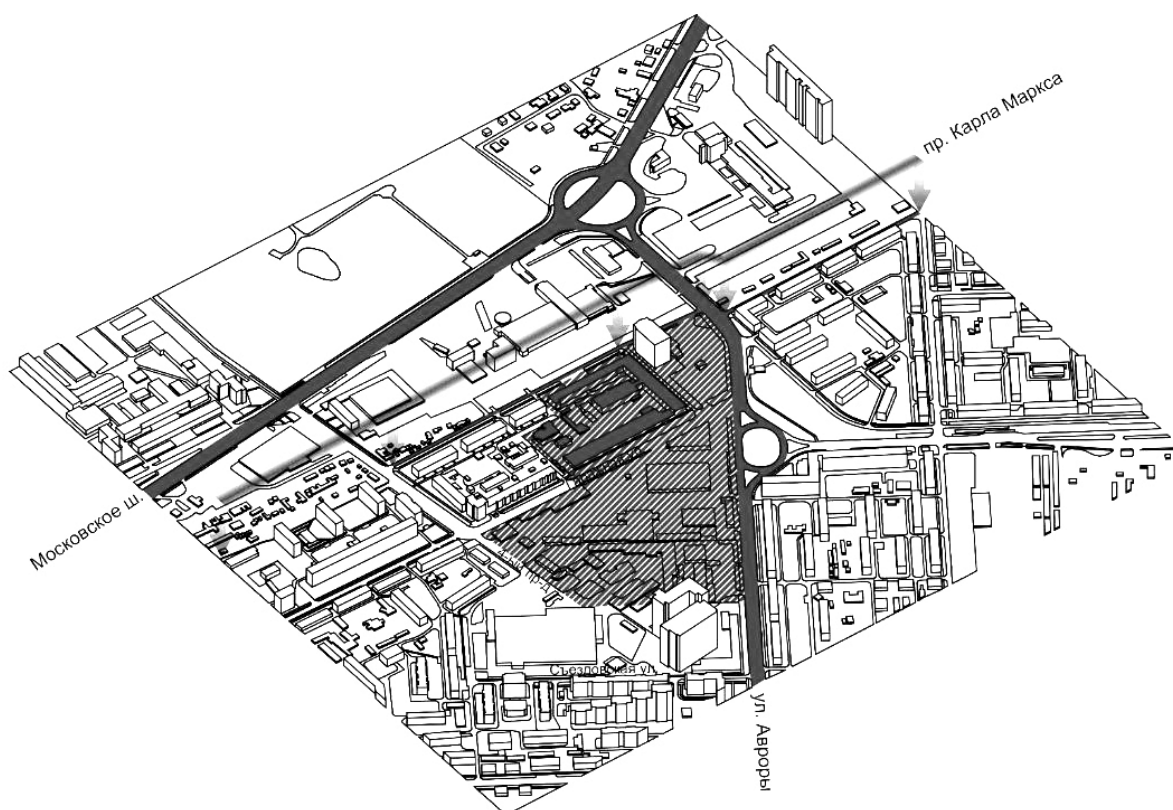

Рис. 1. Самарский Дом печати на территории в границах улиц Авроры, Съездовской, пр. Карла Маркса и 4-го проезда

Рис. 2. Самарский (Куйбышевский) Дом печати в 1970-1980-е гг. [10]

Рис. 3. Пожар Самарского Дома печати в 2015 г. [10] и современное состояние интерьеров [11]

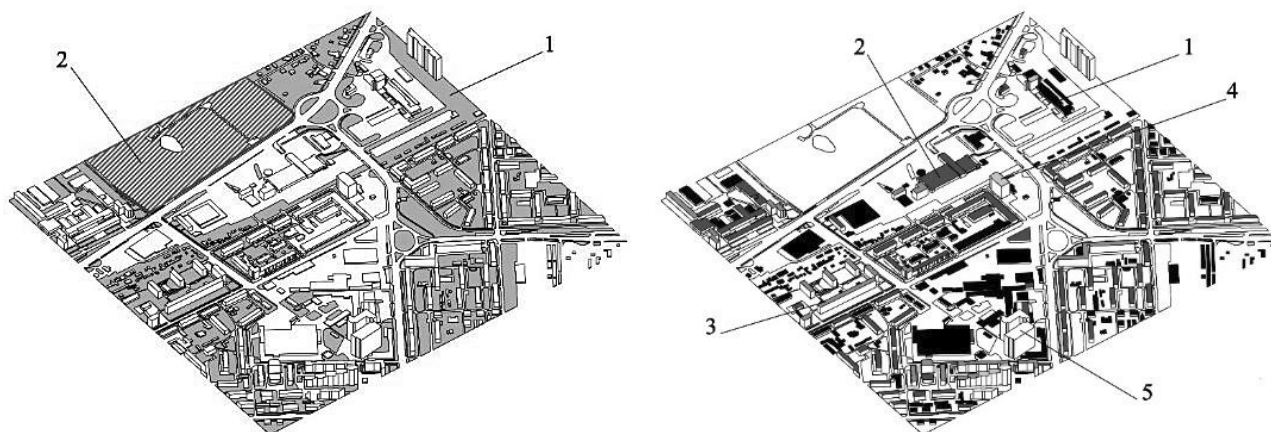

Рис. 4. Схемы озеленения (1 – городское озеленение, 2 – Ботанический сад) и этажности застройки (1 – 1-2 этажа, 2 – 3-5 этажей, 3 – 6-10 этажей, 4 – 11-16 этажей, 5 – 16 и более этажей)

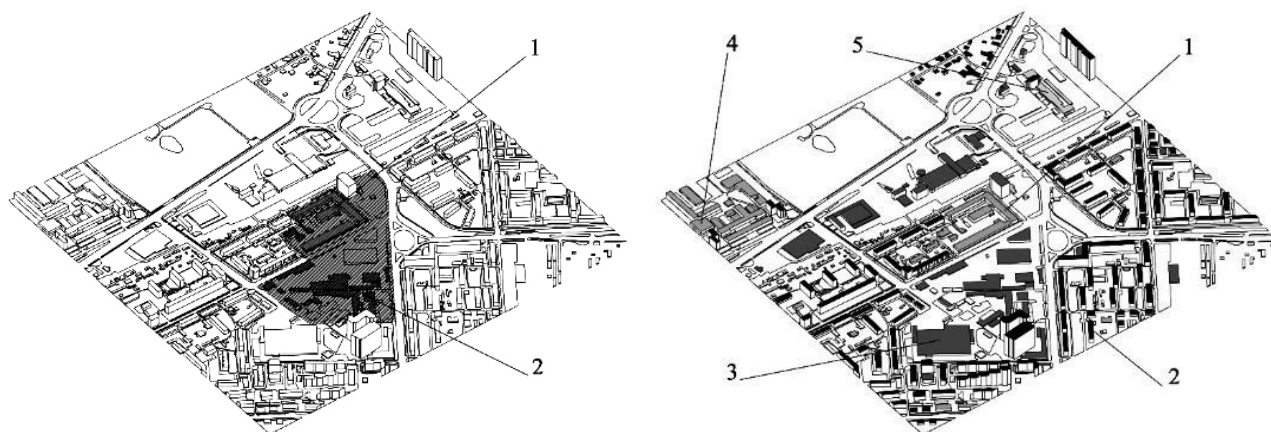

Рис. 5. Опорный план (1 – реконструируемый объект, 2 – снос) и функциональная схема (1 – реконструируемый объект, 2 – жилье, 3 – торговля/офисы, 4 – образование/администрация, 5 – транспорт)

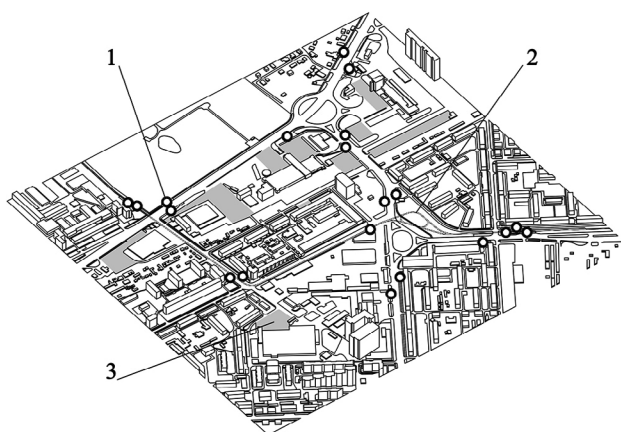

Рис. 6. Транспортная схема. (1 – остановки общественного транспорта, 2 – трамвайные пути, 3 – парковки)

произошел поджог здания, в результате которого полностью выгорела крыша главного корпуса. Сегодня здание пустует, и подвергается разрушению, а территория хаотично заполняется объектами со случайными функциями [7-9] (рис. 3).

Участок Дома печати находится в той части города, где наблюдается повышенный уровень транспортной нагрузки. Улицы Авроры и Московское шоссе являются городскими магистралями, а по улицам Гаражной и 4 проезд проходят трамвайные пути. Ситуация усложняется близким размещением Центрального автовокзала, что само по себе многократно увеличивает транспортную нагрузку на развязку, решение которой далеко от паллиатива и препятствует формированию одного из основных направлений развития города. Относительно свободный транспортный трафик проходит по проспекту Карла Маркса, который является одной из проектируемых магистралей

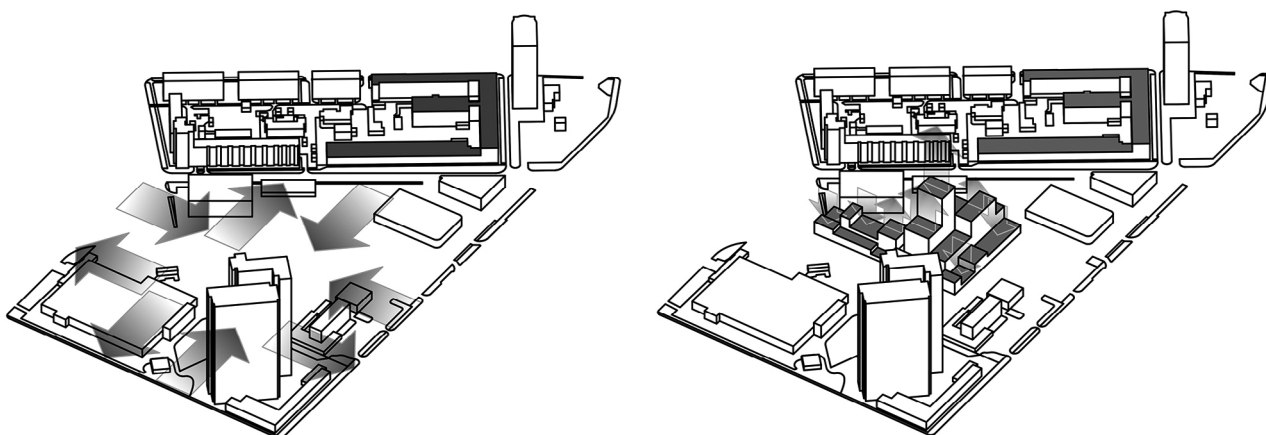

Рис. 7. Схема взаимодействия с окружающей застройкой и схема структурирования/иерархии

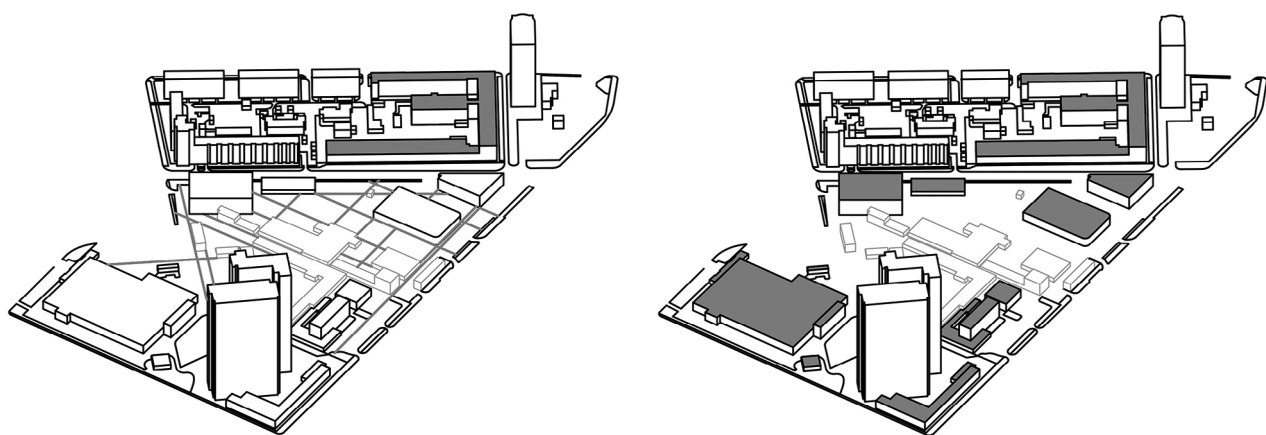

Рис. 8. Схемы преемственности и сохранения

города, однако, за последние десятилетия проблема остается не решенной [12].

В результате проведенного анализа разработаны аналитические схемы, дающие представление о масштабах необходимых реконструктивных мероприятий (рис. 3-5).

В исследовании были разработаны принципы и модели реконструкции, которые могут быть использованы при проектировании.

1. Взаимодействие с окружающей застройкой

Функциональное и композиционное взаимодействие с окружающей застройкой. Создание новых общих пространств, зон или объектов, связанных с соседними участками и объемами. Отказ от зонирования и жестких границ (рис. 6).

2. Структурирование и иерархия

Разделение функций и их иерархия в границах территории. Акцентирование доминирующей функции, выраженное в композиционном и формальном решении. Взаимодействие соподчиненных пространств (рис. 6).

3. Преемственность

Контекстуальный подход, использование сложившихся градостроительных и архитектурных приемов, методов проектирования. Использование основных параметров, пропорций, материалов, композиционной структуры, масштабов, конструктивных элементов и т.д. Освоение всех полезных ресурсов и средств в новом проектировании (рис. 7).

4. Сохранение

Сохранение и использование сложившейся планировочной структуры территории, визуальной составляющей, застройки с полной или частичной заменой функций и модернизацией инженерно-коммуникационной инфраструктуры. Отказ от радикальных преобразований (рис. 7).

5. Компактность

Рациональное использование территории, отсутствие больших разрывов между объектами, которые не поддерживаются композиционной и функциональной программой (рис. 8).

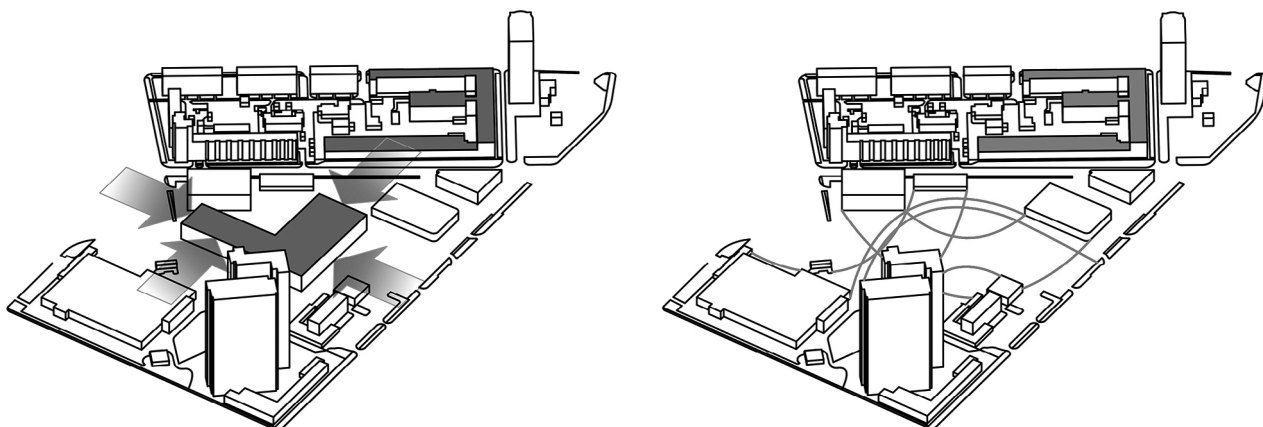

Рис. 9. Компактность и метаморфозы

6. Метаморфоза

Создание новой, уникальной архитектурно-планировочной структуры, контрастной по отношению к сложившейся. Внедрение новых форм, функций, конструктивных решений. Проектирование «вопреки» существующей ситуации (рис. 9).

7. Многоуровневость

Использование в объемно-пространственном решении комплекса формально и композиционно выстроенных уровней и связей между ними. Пространство и форма решаются с помощью объединения этажей в самостоятельные блоки и разделения их по вертикали, а также с помощью «мостов», переходов, консолей (рис. 9).

Проектируя в условиях нарушенной среды, необходимо понять духовный источник места, его внутреннюю жизнь и величественную историю. Мы имеем целый пласт промышленной архитектуры советского периода до конца не изученной. Сооружения, претендующие на роль символов,

монументов эпохи, оказались брошенными и ненужными в период кризиса экономики, разорванности производственных и социальных связей и отношений. С утратой этих зон мы потеряем и часть своей истории.

Отсутствие градостроительной политики и адекватной программы использования заброшенных территорий способствуют потере целостности градостроительной структуры.

Объект реконструкции занимает уникальное положение. Территория является транспортно-коммуникационным узлом, встроена в структуру градостроительного каркаса и в этом качестве участвует в формировании одного из направлений развития города.

Территория является носителем историко-культурных смыслов. Тезис о ценности среды противоречит нейтрально-объективной и рациональной модели, которая господствует в настоящее время. Но было бы неправильно отождествлять богатство среды только с «объективной красотой»,

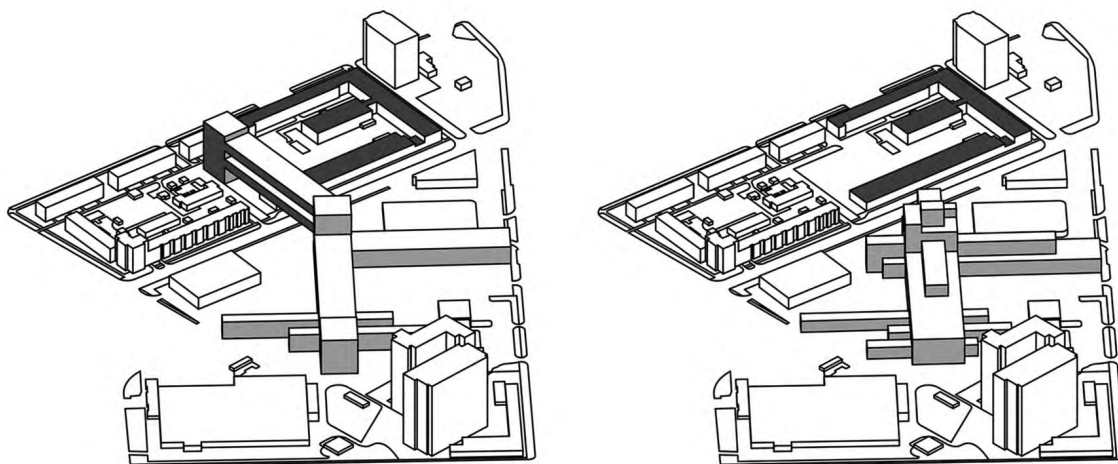

Рис. 10. Модели реконструкции, разработанные на основе изложенных принципов

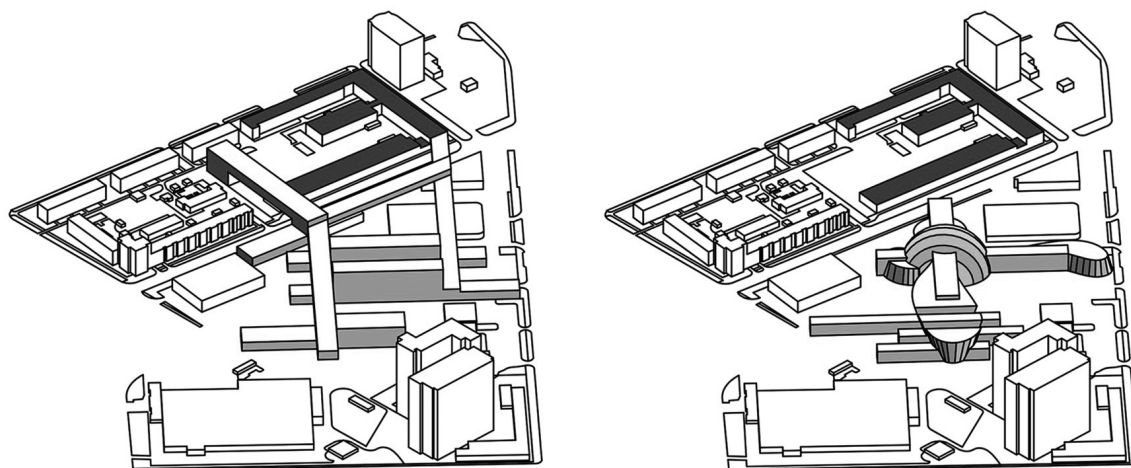

Рис. 11. Модели реконструкции, разработанные на основе изложенных принципов

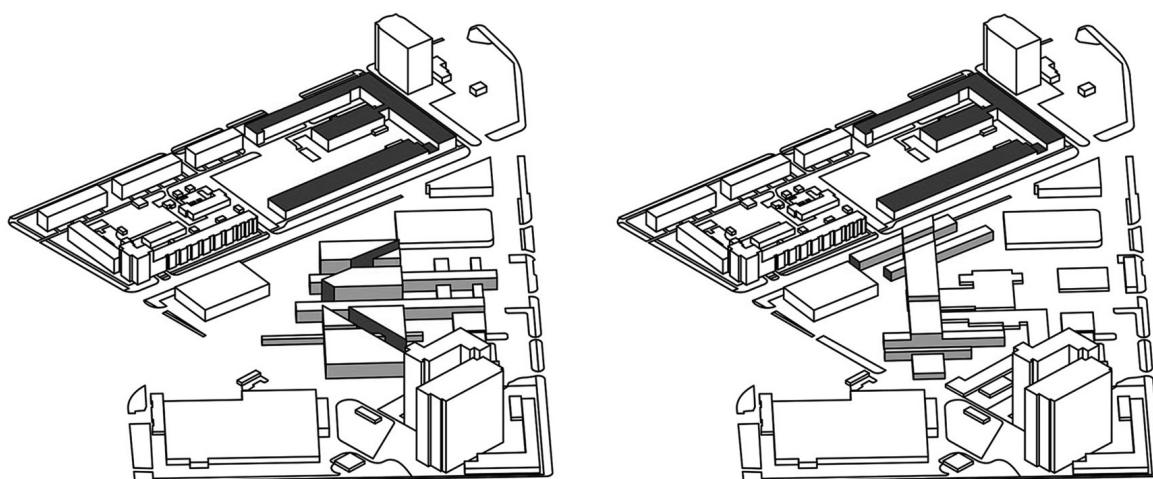

Рис. 12. Модели реконструкции, разработанные на основе изложенных принципов

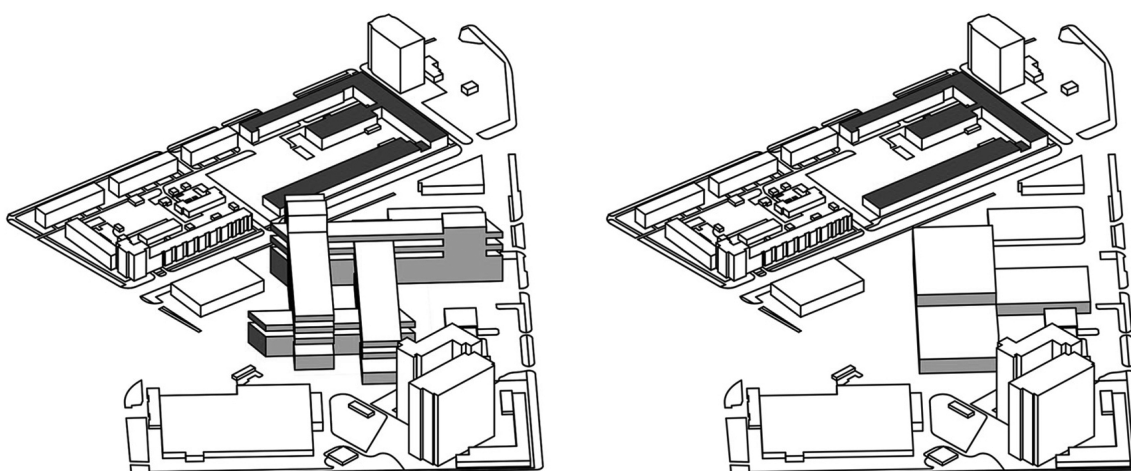

Рис. 13. Модели реконструкции, разработанные на основе изложенных принципов

это значило бы обеднить и упростить непрерывно изменяющуюся реальность. Для проектирования важно понять духовный источник места, его внутреннюю жизнь и величественную историю.

Сооружения, претендующие на роль символов, монументов эпохи, оказались брошенными и ненужными в период кризиса экономики, разорванности производственных и социальных связей и отношений. Задача состоит в том, чтобы исследовать свойства этой среды прежде, чем она будет уничтожена, с тем, чтобы ее позитивные качества перенести в новую архитектуру.

В формате градостроительного анализа территории и объектов, представляющих особую ценность, разработаны принципы реконструкции, которые позволяют определить границы поиска конкретных решений, а также модели, показывающие возможные преобразования (рис. 10-13).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яргина З.Н. Градостроительный анализ. М.: Стройиздат, 1984 245с., ил.
2. Алаев Э. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль 1983. 350 с.
3. Холл П. Городское и региональное планирование. Перевод с англ. В. А. Новикова; Под ред. Г. В. Ильинского. М.: Стройиздат, 1993. 246 с.
4. Смоляр И.М. Принципы градостроительного проектирования и предложения по разработке генеральных планов городов в новых социально-экономических условиях. М.: Стройиздат, 1995.
5. Вологодина Н.Н., Сонникова И.Д. Проблемы архитектурно-градостроительной реконструкции, восстановления и адаптации среды промышленных территорий в малых городах России (на примере г. Вольска) // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и дизайн - сборник статей, г. Самара 2015 г. с. 177-183
6. Гутнов А.Э. Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат, 1984, 265 с., ил.
7. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Издание в двух томах. Том II / под ред. А.Д. Кудрявцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 672 с
8. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1981.
9. Дрожин. Р.А. Реновация промышленных территорий // Вестник Сибирского государственного индустриального университета, 2015, № 1 (11), С. 84-86

10. Ерофеев В.В. Историческая Самара. URL: <http://xn--7sbbaazuatxpyidedi7gqh.xn--plai/>
11. Progorodsamara вспомнил, каким был Самарский дом печати и что от него осталось. URL: <http://progorodsamara.ru/news/view/178512>
12. Линч. К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; Сост. А.В. Иконников; Под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат 1982. 328 с. ил. Перевод изд. The Image of the City / Kevin Lynch/ The M.I.T. Press.

REFERENCES

1. Yargina Z.N. Urban analysis. M.: Stroiizdat, 1984 245 p.
2. Alaev E. Socio-economic geography. Conceptual terminology dictionary. M.: Thought 1983. 350 p.
3. all P. Urban and regional planning. Translation from English. M.: Stroiizdat, 1993. 246 p.
4. Smolyar I.M. Principles of urban planning and proposals for the development of master plans for cities in the new socio-economic conditions. M.: Stroiizdat, 1995.
5. Vologdina N.N., Sonnikova I.D. Problems of architectural and town-planning reconstruction, restoration and adaptation of the environment of industrial territories in small cities of Russia (on the example of the city of Volsk). Architecture and design. SGASU, Samara, 2015
6. Gutnov A.E. The evolution of urban planning. M.: Stroiizdat, 1984 265 p.
7. Ikonnikov A.V. The architecture of the twentieth century. Utopia and reality. Edition in two volumes. Volume II. M.: Progress-Tradition, 2002. 672 p.
8. Jenks H. The Language of Postmodern Architecture. M.: Stroiizdat, 1981.
9. Drozhin R.A. Renovation of industrial areas. Bulletin of the Siberian State Industrial University. 2015, № 1 (11), p. 84-86
10. Erofeev V.V. Historical Samara. URL: <http://xn----7sbbaazuatxpyidedi7gqh.xn--plai/>
11. Progorodsamara remembered how the Samara Printing House was and what was left of it. URL: <http://progorodsamara.ru/news/view/178512>
12. Lynch K. The image of the city / Trans. from English V.L. Glazycheva; Comp. A.V. Ikonnikov; edited by A.V. Ikonnikova. M.: Stroyizdat 1982. 328 p.

Для ссылок: Вологодина Н.Н., Цацына Д.Е. Восстановление культурно-исторической основы территории, утратившей градообразующую функцию // Innovative project. 2017. T.2, №3. С. 38-44. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.5

For references: Vologdina N.N., Tsatsyna D.E. Restoration of the cultural and historical basis of the territory, which lost city-forming function. Innovative project. 2017. Vol.2, No 3. P. 38-44. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.5

Бакшутова Дарья Владимировна

Самарский государственный технический университет

Bakshutova Daria

Samara State Technical University

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНВЕРТ ЗАСТРОЙКИ В ПРОЕКТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕРРИТОРИИ ПЕРВОЙ
КРЕПОСТИ В САМАРЕ
SPATIAL ENVIRONMENTAL CONSTRUCTION IN THE PROJECT OF RECONSTRUCTION OF THE TERRITORY
OF THE FIRST CASTLE IN SAMARA

В статье предложен подход формирования пространственного конверта застройки для исторически значимой территории в Самаре. Под пространственным конвертом понимается объемная модель, определяющая допустимые параметры застройки, описывающая как планировочные и высотные характеристики, так и тип застройки, принципиальные объемные решения архитектурных объектов и комплексов. В работе описаны подходы к формированию конверта на основе планировочных и пространственных характеристик застройки, представлены основные положения выработанного решения для места.

The article proposes the approach to the formation of a spatial development envelope for the historically significant territory in Samara. A spatial envelope is understood as a three-dimensional model that defines the permissible building parameters, describing both the planning and height characteristics and the type of building, the fundamental volumetric solutions of architectural objects and complexes. The paper describes approaches to the formation of the envelope based on the planning and spatial characteristics of the built-up environment, presents the main provisions for the solution for the site.

Ключевые слова: идентичность, память, пространственный конверт

Keywords: identity, memory, spatial envelope

Гармоничное развитие и сохранение исторических районов, определение и фиксация идентичности городского пространства являются ключевыми вопросами урбанистического планирования постиндустриального города. В ситуации, когда на территории есть элементы, которые могут стать носителями памяти, преемственности и идентичности (памятники, ценная и рядовая историческая застройка), набор характеристик свойственный этим элементам определяет подход к градостроительному регулированию. В том случае, когда такие объекты отсутствуют, носителем преемственности может стать пространственно-планировочная структура территории.

Один из способов трансляции пространственно-планировочных характеристик городской ткани в будущие архитектурные и градостроительные проекты – создание проектов детальной планировки, на основе которых устанавливаются параметры будущей застройки. Проекты детальной планировки содержат обязательные к исполнению принципиальные объемно-пространственные решения, которые детализируются в ходе архитектурного проектирования отдельных зданий и комплексов [1, с. 223]. Инструментом, который позволяет зафиксировать параметры

развития территории выступает пространственный конверт застройки или объемная модель, содержащая пространственно-планировочные характеристики будущего проекта. Создание конверта застройки позволяет запустить преемственное развитие территории, на которой отсутствуют элементы-носители ценных качеств; сформировать структуру застройки и передать участки разным архитекторам для проектирования отдельных зданий; обеспечить условия для создания архитектурного разнообразия.

Рассмотрим применение пространственного конверта застройки на примере проекта реконструкции территории первой Хлебной площади в Самаре. Территория находится в самой древней части исторической Самары, занимает важное положение в пространственно-планировочной структуре города, играет значимую роль и функцию в жизни города (рис. 1). Как ключевое для города место, участок рассматривается во множестве проектов реконструкции исторической части города. Среди них проект «Туристический комплекс Хлебная площадь», выполненный творческой мастерской под руководством С.А. Малахова, который подключается к общей концепции реконструкции района по проекту «Ленинпрогора» [2].

Согласно проекту «Ленгипрогора» на территории первой крепости Самары предлагается разместить торгово-развлекательный комплекс. Другое предложение связано с археологическими изысканиями на территории второй, земляной крепости: для сохранения результатов раскопок архитектором Д.Ю. Храмовым был разработан проект археологического музея на Хлебной площади. Кроме этого, М.Ю. Храмова и Д.Ю. Храмов предлагают концепцию историко-архитектурного и археологического парка «Хлебная площадь» [3]. Для территории Завода клапанов существует предложение по реновации крепости Самара, выполненное под руководством С.Г. Малышевой. Концепция предполагает воссоздание сооружений деревянной крепости в границах ул. Кутякова, ул. Князи Григория Засекина, ул. Водников [4].

Представленный проект реконструкции территории первой Хлебной площади в Самаре предлагает подход, основанный на формировании функциональной программы и создании объемной модели, регулирующей параметры будущей застройки, и предоставляющей при этом возможность проявления архитектурного разнообразия, характерного для исторической части города.

История места связана с основанием города в 1586 г. в виде деревянной крепости для охраны на восточных рубежах государства. В XVII в. город развивается – растут слободы, строятся монастыри, появляется каменная застройка и каменные церкви. Когда первая крепость Самары сгорела в 1703 г., в течение нескольких лет были возведены

новые оборонительные сооружения. Они расположились поблизости, но на новом месте, вне сгоревшего острога. Была построена крепость в форме ромба – земляной вал, расположенный вдоль оврага и усиленный со стороны степи сосновым забором с бойницами (рис. 1). С дальнейшим строительством цепочки крепостей от Самары до Оренбурга, значение Самары как города-крепости падало, укрепления не ремонтировались и уже в 1760-х гг. цитадель представляла собой остатки земляных валов. В 1782 г. город получил регулярный план, и ромбовидная форма земляной крепости осталась единственным следом дорегулярной Самары в новой структуре города (рис. 2).

Еще в середине XIX в. в центре земляного вала сохранялись постройки, однако в пожарах 1850-х гг. практически вся застройка была уничтожена. После этого территория начала преобразовываться. Окончательно сформировался ансамбль первой Хлебной площади со Спасо-Преображенской церковью (1685 г.), Казанским собором (1744 г.), Смоленской церковью (1873 г.) (рис. 3). Кроме церкви на площади какое-то время в 1860-е гг. существовал деревянный театр. На территории второй земляной крепости поначалу был пустырь, затем возник Александровский городской сад.

Конец XIX – начало XX вв. – точка наивысшей концентрации развития Самары как города хлебного предпринимательства, судоходства и торговли (рис. 4). В этот период в ансамблях площадей появляются общественные, административные, производственные здания. На территории второй

Рис. 1. Ситуационный план рассматриваемой территории (1 – первая Хлебная площадь; 2 – вторая (современная) Хлебная площадь; 3 – первая (1586 г.), деревянная крепость Самары; 4 – вторая (1705 г.), земляная крепость Самары)

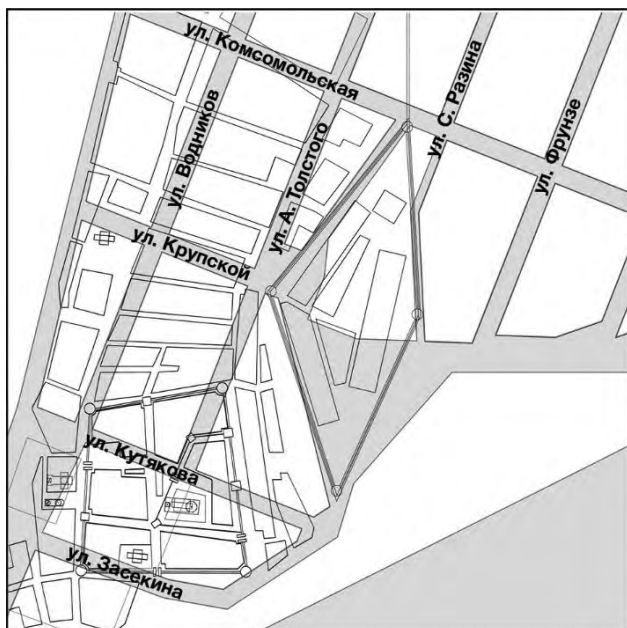

Рис. 2. Наложение слоев дорегулярной и современной планировки

Рис. 3. Наложение слоев дорегулярной и регулярной планировки (1 – Спасо-Преображенская церковь, 2 – участок Смоленской церкви, 3 – Казанский собор)

крепости в 1896 г. была построена пожарно-полицейская часть и оставшаяся часть площади получила название Полицейской. В 1898 г. рядом с пожарной частью было построено здание Хлебной биржи. Производственный характер южной части площади также был зафиксирован – в 1916 г. вдоль реки Самары, где всегда располагались хлебные амбары было возведено здание элеватора. С 1915 г., когда здесь была проложена линия трамвая, Полицейская площадь является транспортным узлом. Прилегающие улицы в

этот период были застроены каменными и деревянными городскими усадьбами.

Изменения начались с приходом в 1930-е гг. на территорию исторического города крупного производства – Завода клапанов и Электромеханического завода. Завод клапанов занял территорию первой крепости и Хлебной площади, сделал это место непроницаемым и из центра духовной и общественной жизни превратил его в промышленную зону. Электромеханический завод расположился на территории жилой застройки.

Рис. 4. Казанский собор на Хлебной площади и вид с колокольни Спасо-Преображенской церкви на Хлебную площадь и Казанский собор

Рис. 5. Перспектива улицы Алексея Толстого (Казанской) в конце XIX в. и в настоящее время

Многие усадьбы были уничтожены, единый фронт застройки вдоль площади теперь сформирован не лавками и купеческими домами, а корпусами завода. Промышленная застройка усугубила отчасти периферийный характер прибрежной части территории, превратив весь комплекс из двух площадей в производственный и транспортно-пересадочный узел. Название Хлебная площадь было перенесено на площадку на месте второй крепости, и так сохраняется до настоящего времени. Какое-то время здания церквей на бывшей Хлебной площади сохранялись в структуре заводских построек. Первым был уничтожен Казанский собор, затем при строительстве моста через реку Самару в 1940-е гг. окончательно были снесены Спасо-Преображенская и Смоленская церкви [5-8].

Новая история места началась в 2017 г., когда Завод клапанов начали сносить и остро встала проблема о необходимости проведения научных исследований и археологических раскопок. С 2013 г. ведутся раскопки на территории земляной крепости, открыты элементы деревянных

конструкций крепости или укреплений, связанных с ней, а также разнообразный культурный слой. В современном состоянии, после всех перемен, произошедших с территорией крепостей Самары в XX в., преемственность развития, передача идентичности прервалась. Место, как элемент структуры исторического центра, испытывает кризисную ситуацию – сегодня недоступно то смысловое и ментальное содержание, которое было еще в начале XX в., сохранилось на фотографиях, планах, в текстах, но не в городской среде [9] (рис. 5-6).

После сноса завода предлагаются различные программы развития для этой территории. Среди них проекты крупных торговых центров, а также многоэтажной жилой застройки. Кроме этого, существует предложение по строительству деревянного кремля в виде развлекательного и рекреационного объекта. Перечисленные проекты не продолжают историческую идентичность этой уникальной территории и не предлагают современного осмысления исторического места. В то же

Рис. 6. Улица Кутякова (Духовная) в конце XIX в. и в настоящее время

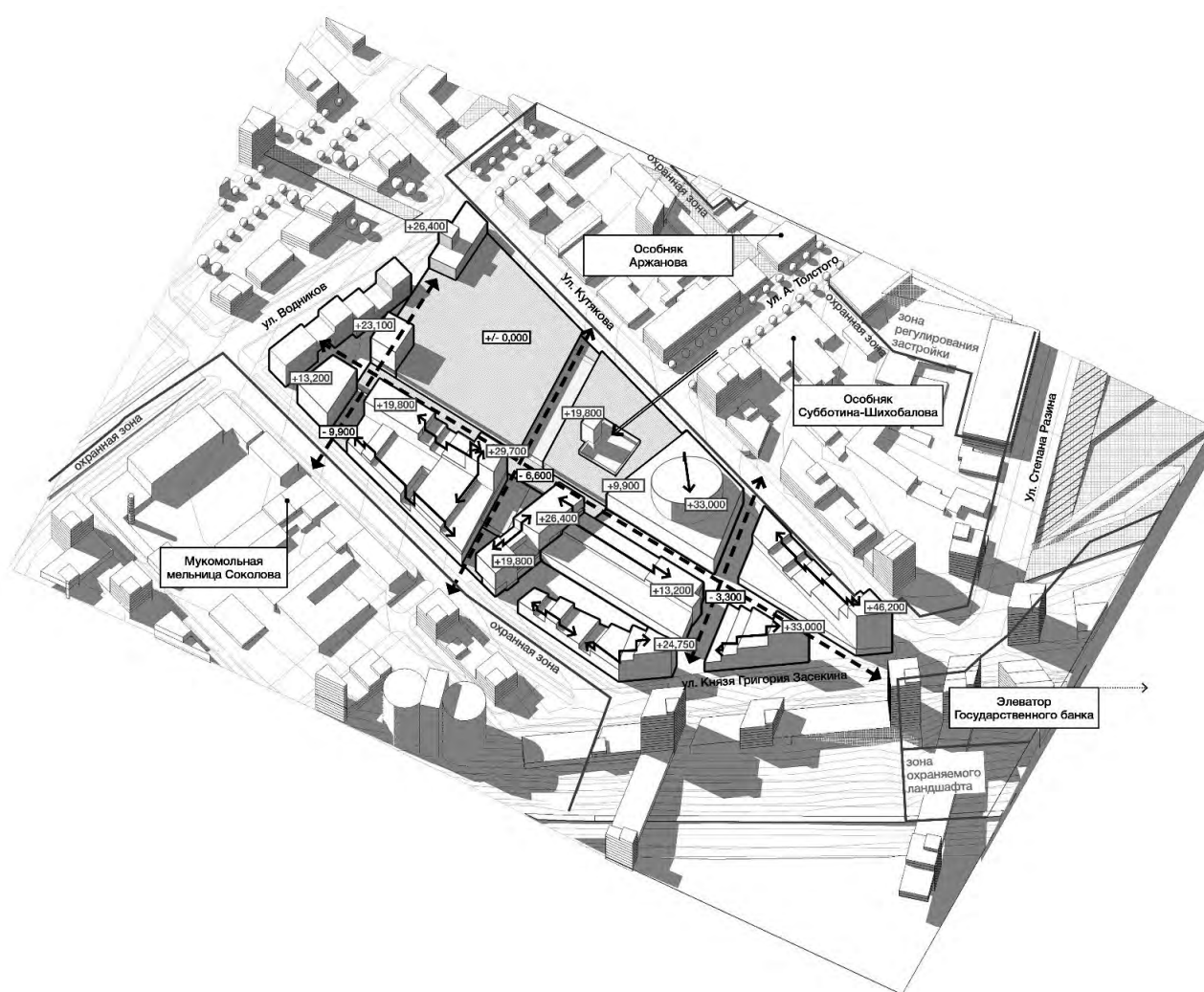

Рис. 7. Пространственный конверт застройки археологического музейного комплекса на Хлебной площади в Самаре

время анализ исторической эволюции показал, что идентичность сохраняется в функциях, объектах и пространствах, актуальных для своей эпохи, в результате наложения и преемственности [9]. Идентичность реализуется в общественных пространствах и зданиях, которые отвечают требованиям самоидентичности современного человека с этим местом.

Первая Хлебная площадь – духовный центр Самары купеческой. Проектное предложение основано на функциях современной духовной культуры: образовании, познании, просвещении. Основной элемент концепции – археологический музейный комплекс, посвященный истории и памяти города. Архитектурно-планировочное решение стремится воссоздать пустоту площади, которая существовала как общественное пространство до 1930-х гг., а также базируется на использовании следов планировки первой крепости, располагавшейся по гипотезе Е.Ф. Гурьянова на территории,

частично совпадающей с территорией Завода клапанов [5].

Функциональная программа комплекса направлена на формирование общественно-значимого места, носителя памяти и устойчивости и состоит из: археологического музея, расположенного в подземной части; общественной площади на кровле музея; музея-панорамы, посвященного стрелке рек и ландшафту Самары; института археологии с конференц-залами, лабораториями, кабинетами; библиотеки-медиатеки; творческого центра с мастерскими и лекционными залами; коворкинга с фаб-лабами и студиями; офиса медиа-индустрий; апартаментов; гостиницы; подземной парковки.

К участку проектирования примыкают охраняемые зоны объектов культурного наследия: особняк Субботина-Шихобалова, особняк Аржанова, элеватор Государственного банка, мукомольная мельница Соколова. Эти зоны имеют различные градостроительные регламенты. Так, для охранной

Рис. 8. Схема расположение застройки

зоны особняка Субботина-Шихобалова и особняка Аржанова предусмотрены четкие параметры для реконструкции дисгармонирующей, аварийной нейтральной застройки: предельная высота здания – 12 метров до конька кровли; при угловом размещении здания возможны высотные акценты до 15 метров; предельная протяжённость фасадов по линии застройки – 35 метров; максимальный процент застройки земельного участка – 50 % и другие. Для мельницы Соколова высота застройки в режиме регенерации, а также компенсации, в местах утрат регламентируется: по первой линии,

ул. Карбюраторная до трех этажей – 15 м от уровня отметки земли до конькового завершения кровли, с обязательным поддержанием высотных отметок карниза и оконных проемов; по ул. Водников в существующих высотных отметках. Для Элеватора Государственного банка высотные регламенты отсутствуют. В рассмотренных зонах также есть ограничения и условия для нового строительства, изменения планировочной структуры, применения материалов, структуры фасадов и другие регламенты [10]. В тоже время, на территории бывшего Завода клапанов отсутствуют охранные зоны

Рис. 9. Общий вид

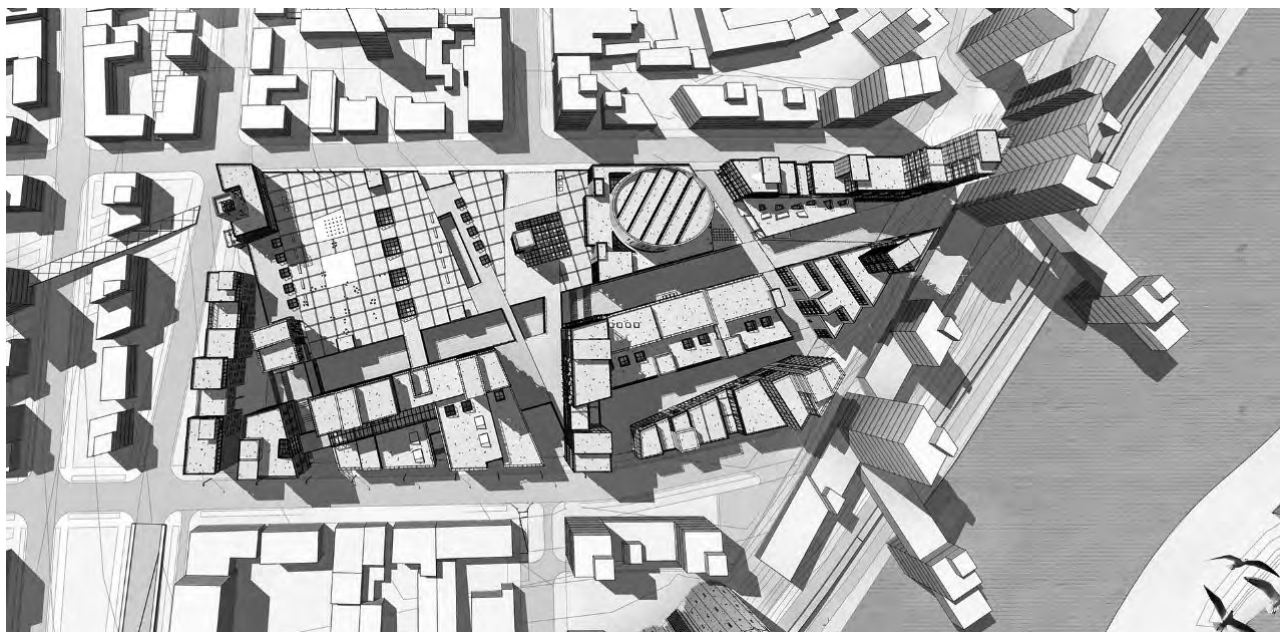

Рис. 10. Общий вид

и другие регулирующие механизмы. В этой связи проект археологического музейного комплекса предлагает создание пространственного конверта возможных габаритов застройки территории. Главные задачи конверта – воссоздание первой Хлебной площади; наложение следов крепости и формирование «внутренних улиц» комплекса на месте древних улиц; организация свободного пространства на месте Казанского собора для открытия результатов археологических раскопок или создания памятной инсталляции в зависимости от состояния найденных артефактов (рис. 7).

Планировочной основой конверта служит план первой крепости Самары, привязанный на местность согласно гипотезе Е.Ф. Гурьянова [5]. Кроме этого, конверт учитывает современные красные линии и предлагает продлить направление ул. Алексея Толстого в качестве линий регулирования застройки. Целью пространственного конверта является выявление «пустоты» площади. Для этого формируются границы застройки по красным линиям ул. Кутякова, ул. А. Толстого, по «линии застройки», проходящей с запада на восток внутри крепости. Отступ от линии застройки

Рис. 11. Проект археологического музейного комплекса на Хлебной площади в Самаре

Рис. 12. Проект археологического музейного комплекса на Хлебной площади в Самаре

в продолжении ул. А. Толстого обеспечивает возможность провести раскопки на месте Казанского собора и сделать найденные артефакты частью пространства площади. Планировка представляет собой наложение существующих красных линий и «следов» первой крепости Самары. Структура застройки формируется с целью создания плотной и насыщенной среды, артикуляции «пустоты» и «полноты» городского пространства (рис. 8).

Участок имеет перепад рельефа, что позволяет сформировать площадь и использовать пространство под ней для организации археологического музея. Уклон рельефа направлен в сторону стрелки рек Волги и Самары; от перекрестка ул.

А. Толстого и ул. Кутякова до пересечения ул. Водников и ул. князя Григория Засекина перепад составляет 12 метров. В результате открытое пространство площади и «улиц» комплекса сформировано в нескольких уровнях, улицы спускаются в сторону понижения рельефа (рис. 9).

Высотное зонирование основано на принципе сохранения масштаба исторических улиц, с возможным средне и многоэтажным строительством на отступе от исторических линий застройки, а также на углах кварталов и комплексов для создания локальных доминант. Основные высотные акценты, транслирующие расположение исторических доминант – это «колокольня»

на углу ул. Водников и ул. Кутякова, напоминающая о колокольне Смоленской церкви; часовая башня на месте колокольни Казанского собора в створе ул. А. Толстого; цилиндр панорамного зала, расположенный на месте купола Казанского собора. Высотную дифференциацию имеет каждый квартал-блок застройки. Среди наиболее ярких «новых» доминант можно выделить угловую башню комплекса апартаментов, выходящую к ул. Степана Разина и Хлебной площади, высотой 14 этажей. Вместе с 6 другими башнями на перекрестке ул. Князя Григория Засекина, ул. Кутякова, ул. Степана Разина, этот комплекс формирует площадь, своего рода «Потсдамер-плац» – пересечение нескольких дорог, артикулированное высотными акцентами. Максимальная высота башен – 16 этажей, определяющим панораму элементом остается модернистский вертикальный элеватор.

В качестве одного из принципов пространственного конверта застройки предлагается также использовать метод «трехмерной парцелляции». Единый фронт застройки расчленен на отдельные и разновысотные блоки или здания, иметь перепады, вертикальные и горизонтальные членения пространственной структуры. Первый уровень рассматривается как ключевой элемент улицы, выделяется в структуре комплексов в качестве отдельного артикулированного функционального и пространственного элемента. Такой подход направлен на создание активного периметра кварталов с ресторанами, магазина, галереями вдоль улицы (рис. 10).

В проекте для создания пространственной организации используется рельеф местности, формируются смотровые площадки с видом на пейзаж. Структура территории обогащается за счет наложения дорегулярной планировки Самарской крепости, продления существующих осей, формирования артикулированной общественной площади на месте первой площади Самары.

Функциональная программа направлена на создание насыщенной среды общественно-значимого места, центра культурной жизни города, учитывает ландшафтные, структурные, исторические особенности идентичности места. Развитие исторической преемственности связано с возвращением места в систему общественного городского пространства Самары: включением в структуру комплекса функций, отсылающих к истории и памяти, археологических артефактов, исторической планировки (рис. 11-12).

В статье рассмотрен подход формирования пространственного конверта застройки в условиях, когда на территории проектирования произведен снос всех построек и будущее развитие может происходить по совершенно разным сценариям. Подход опирается на характеристики пространственно-планировочной структуры и ее способность транслировать ключевые ценности территории, которые необходимо сохранить и приумножить в новых проектах застройки. На примере территории первой крепости Самары показано, что градостроительное предложение может содержать пространственный конверт застройки, представлена концепция археологического музейного комплекса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Книга о полезной и красивой архитектуре. Архитектурная политика как драйвер развития городов. М.: КБ «Стрелка», 2016. 368 с.
2. Туристический комплекс «Хлебная площадь». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://drugoigorod.ru/_khlebnaya.html (дата обращения: 28.12.2017).
3. Храмова М.Ю., Храмов Д.Ю. Хлебная площадь – исходная точка формирования каркаса культурного ландшафта Самары. Потенциал для создания историко-архитектурного и археологического парка // Innovative Project. 2016. Т. 1. № 2 (2). С. 12-16.
4. Крепость Самара. Возрождение. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://novayasamara.ru/news/433> (дата обращения: 28.12.2017).
5. Гурьянов Е.Ф. Древние вежи Самары. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1979. 80 с.
6. История Самары (1586 – 1917 гг.): монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Издательство «Самарский университет», 2015. 480 с.
7. Моргун А.Г. От крепости Самара до города Куйбышева: Заметки об архитектуре. Куйбышев: Кн. Изд., 1986. 224 с.
8. Синельник А.К. История градостроительства и заселения Самарского края. Самара: Издательский дом «Агни», 2003. 228 с.
9. Бакшутова Д.В. Хронотоп Хлебной площади в Самаре: в поисках идентичности // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Т. 2. М.: МАРХИ, 2018. С. 582-584.
10. Зоны охраны / Управление государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://nasledieold.samregion.ru/departament/activity/zoni_ohrani/ (дата обращения: 30.10.2018).

REFERENCES

1. The book is about the useful and beautiful architecture. Architectural policy as a driver of urban development. M.: KB «Strelka», 2016. 368 p.
2. The tourist complex "Khlebnaya Square". [Electronic resource.] - Access mode: <http://drugoigorod.ru/khlebnaya.html> (appeal date: 12.28.2017).
3. Khramova M.Yu., Khramov D.Yu. Bread square is the starting point for the formation of the frame of the cultural landscape of Samara. Potential for creating a historical-architectural and archaeological park // Innovative Project. 2016. V. 1. № 2 (2). Pp. 12-16.
4. Samara fortress. Revival. [Electronic resource.] - Access mode: <http://novayasamara.ru/news/433> (access date: 12/28/2017).
5. Guryanov E.F. Ancient milestones of Samara. Kuibyshev: Kuibyshev Book Publishing House, 1979. 80 p.
6. History of Samara (1586 - 1917): monograph / ed. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana, OB Leontiev. Samara: Samara University Publishing House, 2015. 480 p.
7. Morgun A.G. From the Samara fortress to the city of Kuibyshev: Notes on architecture. Kuibyshev: Prince. publishing house, 1986. 224 p.
8. Sinelnik A.K. The history of urban planning and settlement of the Samara Territory. Samara: Agni Publishing House, 2003. 228 p.
9. Bakshutova D.V. Chronotope of Khlebnaya Square in Samara: in Search of Identity // Science, Education and Experimental Design at MARHI: Abstracts of international scientific and practical conference of the faculty, young scientists and students. T. 2. M.: MARHI, 2018. p. 582-584.
10. Protection zones / Department of state protection of cultural heritage objects of the Samara region. [Electronic resource.] - Access mode: http://nasledieold.samregion.ru/departament/activity/zoni_ohrani/ (circulation date: 30.10.2018).

Для ссылок: Бакишутова Д.В. Пространственный конверт застройки в проекте реконструкции территории первой крепости в Самаре // Innovative project. 2017. T.2, №3. С. 45-54. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.6

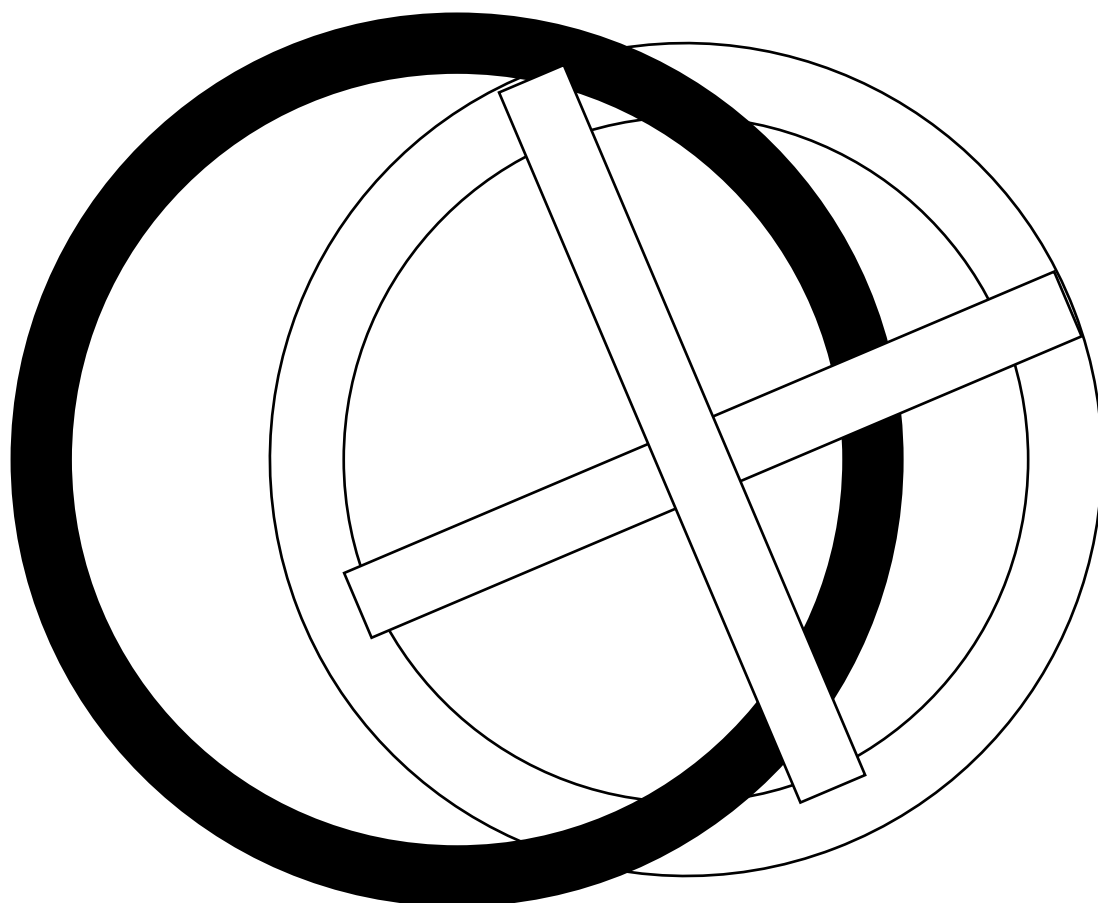
For references: Bakshutova D. V. Spatial environmental construction in the project of reconstruction of the territory of the first castle in Samara. Innovative project. 2017. Vol.2, No 3. p. 45-54. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.6

5

55–64

ГОРОД ВНЕ ГОРОДА

CITY WITHOUT THE CITY

Вологодина Наталья Николаевна, Александрова Ольга Юрьевна
Самарский государственный технический университет
Vologdina Natalya, Alexandrova Olga
Samara State Technical University

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРИРОДНОГО ОБЪЕКТА КАК ИМПЕРАТИВ
В МОДЕЛИРОВАНИИ И АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ
THE STUDY OF THE GEOMORPHOLOGICAL STRUCTURE OF A NATURAL OBJECT AS AN IMPERATIVE IN
MODELING AND ARCHITECTURAL DESIGN

В основе исследования лежит изучение генезиса геологической структуры, морфологии природного объекта, встроенные в такую «конструкцию», как время. Философия, как инструмент деятельности, является важной составляющей, сохранения феномена места. В результате утраты историко-информативных артефактов среды территория теряет свою идентичность, в связи с этим акцентируется внимание на необходимости восстановления нарушенных ландшафтов, оказывающих негативное воздействие на развитие градостроительных структур. Предлагается парадигма исследования, моделирования и проектирования территории и объектов, утративших свою природную, эстетическую и культурную сущность. Вводится понятие метода историко-генетической реконструкции как императива исследования, моделирования. Для этой цели разрабатывается операционная база.

The research is based on the study of the genesis of the geological structure, morphology of a natural object, embedded in such "structure" as time. Being an activity tool, philosophy is an important component of preserving the phenomenon of place. The loss of historical and informative artifacts of the environment resulted in the loss of territorial identity. Attention is drawn to the need to restore disturbed landscapes that have a negative impact on the development of urban structures. The paradigm of research, modeling and design of the territory and objects that have lost their natural, aesthetic and cultural essence is proposed. The concept of the method of historical genetic reconstruction as an imperative of research and modeling is introduced. An operating base is being developed for this purpose.

Ключевые слова: нарушенная территория, реконструкция, карьер, геоморфологическая структура, промышленные разработки, метод реконструкции, парадигма, историко-генетическая структура, феномен, символ, ассоциация, форма пространства

Keywords: disturbed territory, reconstruction, quarry, geomorphological structure, industrial development, reconstruction method, paradigm, historical-genetic structure, space methodology, territory genotype

В настоящее время ландшафт крупнейших агломераций представляет собой мозаичное сочетание земель различного состояния. Значительную долю их составляют нарушенные земли, которые демонстрируют предельно высокую степень деградации природных территорий, под воздействием не соответствующей возможностям их самовосстановления техногенной нагрузки. Промышленные разработки переродили среду, добавив в нее, как отрицательные, так и положительные качества. Почти в каждом городе мира, существуют такие объекты, которые нуждаются в преобразовании, анализе природной среды и реконструкции исторического прообраза. Исследование геоморфологической основы позволит воссоздать генотип территории и будет являться материалом для разработки аналитической и операционной базы, моделирования и проектирования.

Царев Курган, уникальная территория, насыщенная артефактами историко-культурного, биологического и геологического значения. Некоторые исторические данные, различные описания местности, позволяют проследить периоды освоения территории и разработать программу исследования. Жигулевский массив представлял собой равнину еще 450 млн. лет назад. После затопления начинается образование возвышенности и запускается процесс трансгрессии [1]. Природное образование является продуктом Жигулевского разлома – своеобразный взброс-надвиг, из-за сжатия земной коры. За 350 млн. лет толщина пород в некоторых местах достигла 3000 метров. Сформированные в период палеозоя разломы до сих пор являются растущей структурой (рис. 1).

Геологические слои, обнаруженные в 40-ых годах XX века, указывают на каменноугольные

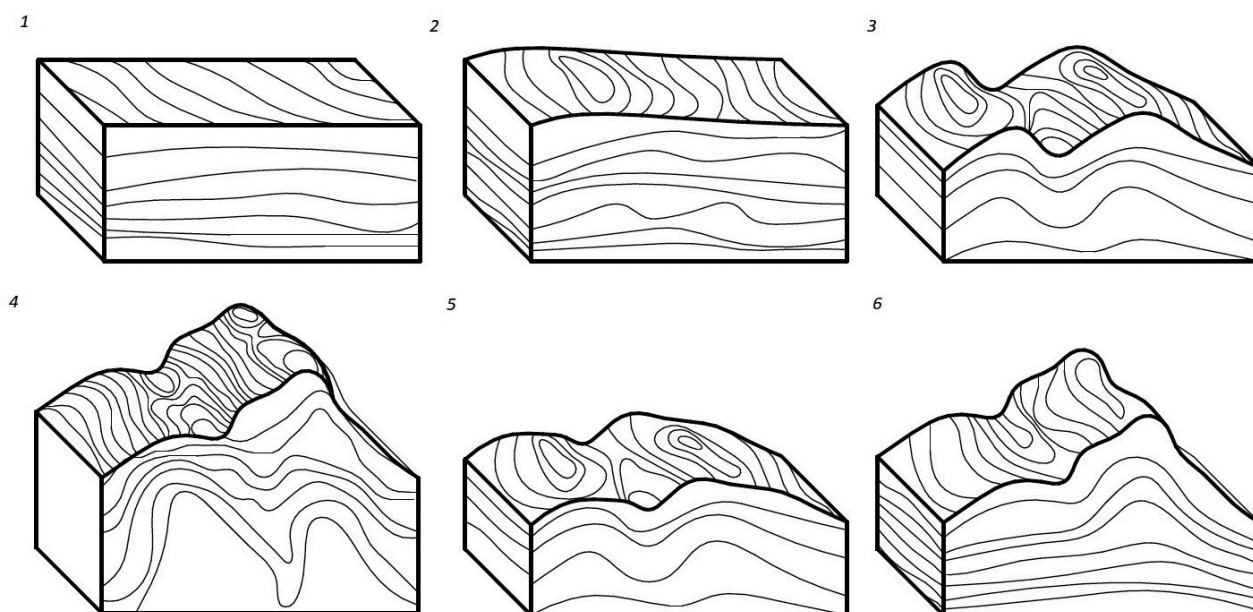

Рис. 1. Формирование Жигулевского массива (1-трансгрессия, 2-Палеозойский разлом, 3-нижний карбон, 4-верхний карбон, 5-сброс высот под влиянием внешних воздействий, 6-настоящее время, растущая порода)

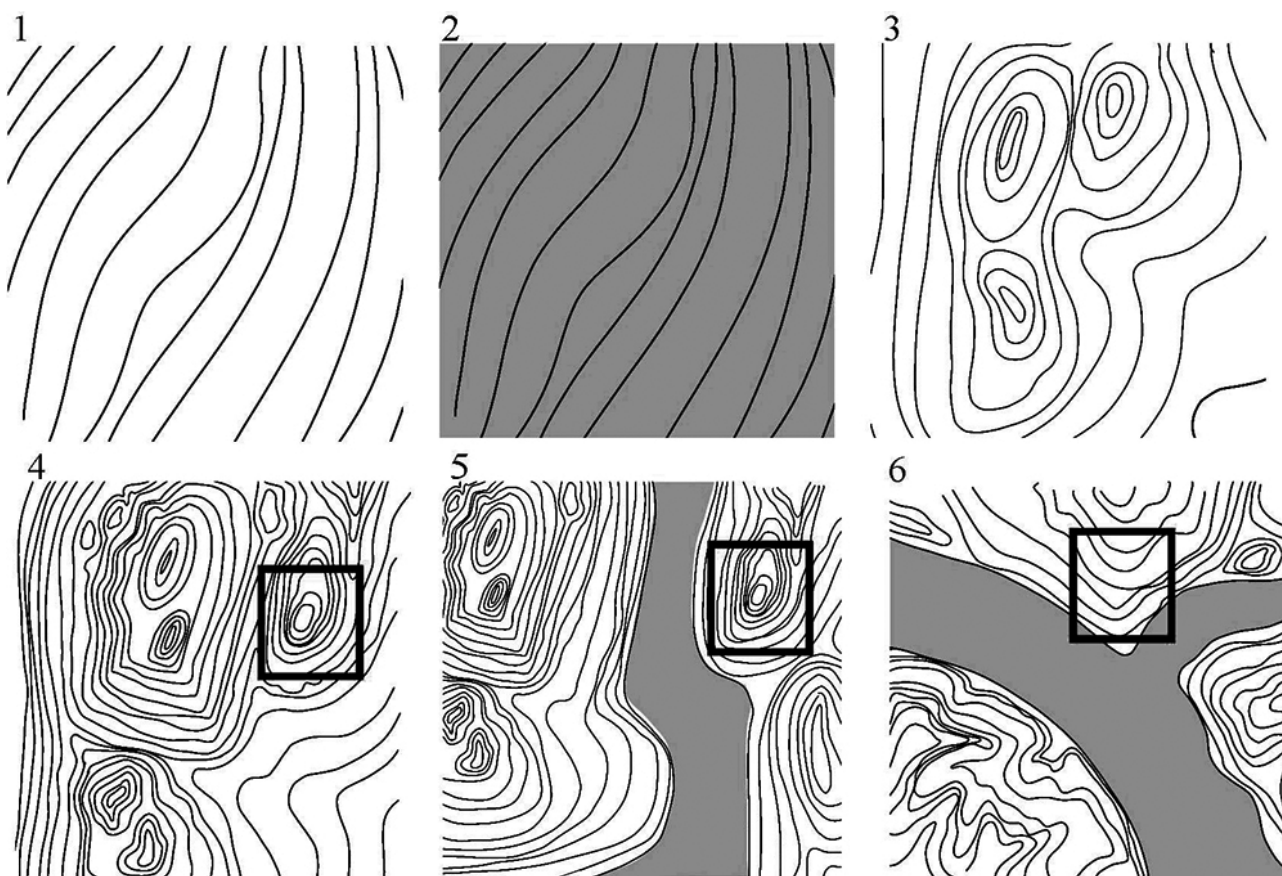

Рис. 2. Этапы формирования природного объекта Царев курган (1. равнинный рельеф 2. затопление 3. рост и развитие Жигулевских гор 4. нарастание массы горной породы 5. появление Волги 6. отделение останца)

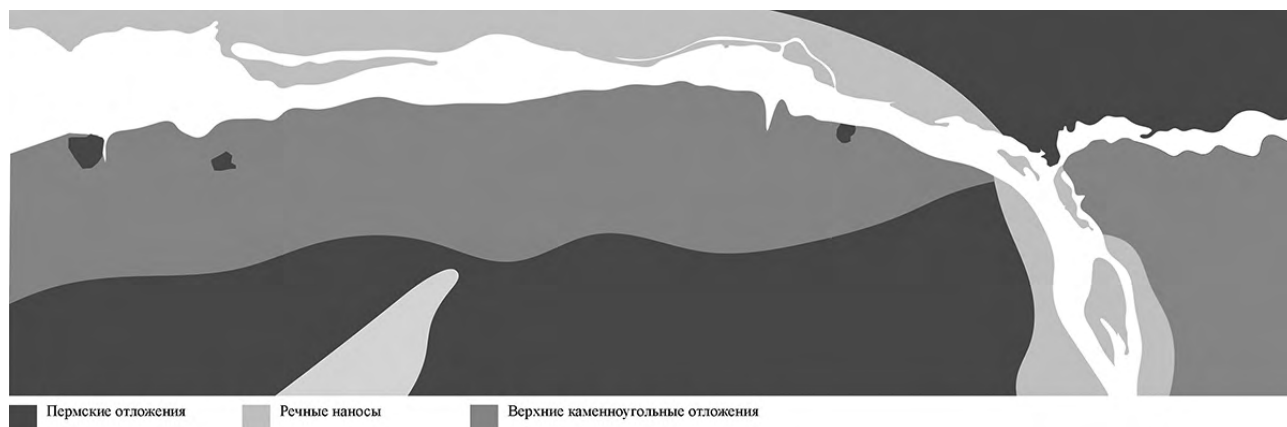

Рис.3. Геологические массивы фрагмента Самарской луки

отложения. Выделяют три этапа каменноугольного периода; нижний, средний, верхний.

Из исследований А.И. Спиридоновой: «В начале карбона происходит значительное опускание суши. В нижнем карбоне начинается интенсивный горообразовательный процесс. В среднем карбоне суша вновь опускается, но гораздо меньше, чем в нижнем. В межгорных котловинах накапливались мощные толщи континентальных отложений. В верхнем карбоне море вновь отступает. Значительно уменьшаются внутриконтинентальные моря» [2].

О современном виде жигулевских гор говорить еще рано, следующий этап формирования – это возникновение «Палео Волги», в начале миоцена [3]. Примерно в первой трети миоцена и происходит откол части горной системы и образуются «Жигулевские ворота» (Рис.2). Река отводит осколок горной гряды на левую сторону Волги. Существуют различные мнения, о том, что участок современного массива является единственным сохранившимся эпизодом древнего русла [4]. В данный момент на жигулевской возвышенности смыты отложения палеогена, высотой не менее двухсот метров. Так же с высокогорья смыты и пермские породы, учитывая мощность и глубину отложений, ученые полагают, что средняя высота в плиоцене составляла 900 м [5].

Интересные заметки о Жигулевских горах оставил путешественник П.С.Паллас: «Хребет известковых гор, как здешней берег, так и превысокую часть гористого берега Волги составляющих, начинается насупротив Ставрополя при устье реки Усы. На сих горах везде находится лес, и вершины их обыкновенно покрыты соснами. С речной стороны видны у оных гор одни только голые каменные стены, и множество разделявшихся разных камней, представляющих приятный вид

зрению» [6]. В современную эпоху Жигулевские горы и соответственно Царев курган являлся объектом исследования многих ученых и путешественников. Основой для исследования послужили научные работы П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Ученый описывает это место, как уникальное и не имеющее аналогов: «Рельеф этой, вытянувшийся вдоль северного края Самарской луки, непрерывной гряды Жигулевских гор и необычной резкая противоположность берегов Волги в этой части течения настолько оригинальны, что на всей остальной равнине площади Европейской России подобных им не встречается» [7]. Непрерывное падение слоев и смена геологических напластований более древних (палеозойский), новыми (мезозойский), должны были вынести на поверхность еще более юные отложения (третичные и т.п.). Именно это не наблюдается в Жигулях, выход неожиданно мощных массивных пород каменноугольного известняка (рис.3), предопределил формирование рельефа местности. Это во многом стало ключевым фактором для природы Жигулей.

Геология происхождения Царева кургана подтверждается и другими исследованиями: «Северное и северо-восточное – обратное жигулевскому падение пластов говорит о антиклинальной складке, которая некогда была двусторонней, имела не только левое и правое крыло, но кроме этого небольшого остатка, не сохранилось» [8].

В различные периоды в Самарском крае, в районе Жигулевских гор обитали только кочевые племена и позднее волжские разбойники. Так же территория имела значение в военных действиях. Это получило отражение в мифах, литературных образах, религиозных писаниях. Множество легенд связано с рукотворностью Царев Кургана, а не его природным происхождением. В этом можно увидеть определенный смысл, для человека

Рис 4. Вид на Царев курган (открытка 1900-х гг.)

XVI века, такая горная структура казалась геометрически верной, не имеющей ничего общего с природными ландшафтами. Правильная куполообразная форма и отстраненность от общего массива Жигулевских гор давали основания для создания неких символов. Именно поэтому на вершине была построена церковь (рис. 4).

Одна из легенд гласит, что перед битвой на Кондурче, Тамерлан приказал своему войску приносить камни, и так велика была его армия, что

из принесенных камней, образовалась гора - Царев курган. Упоминание о Царев Кургане можно встретить в описании Адама Олеария, который совершал путешествие по Волге. «... Мы увидели на левой стороне, недалеко от берега, круглую, голую, песчаную гору, лежащую на совершенно гладкой равнине и называемую русскими Царев курган. Нам рассказывали, что под этой горой погребен один татарский князь по имени Мамаон, который с семи татарскими царями плыл по Волге вверх и

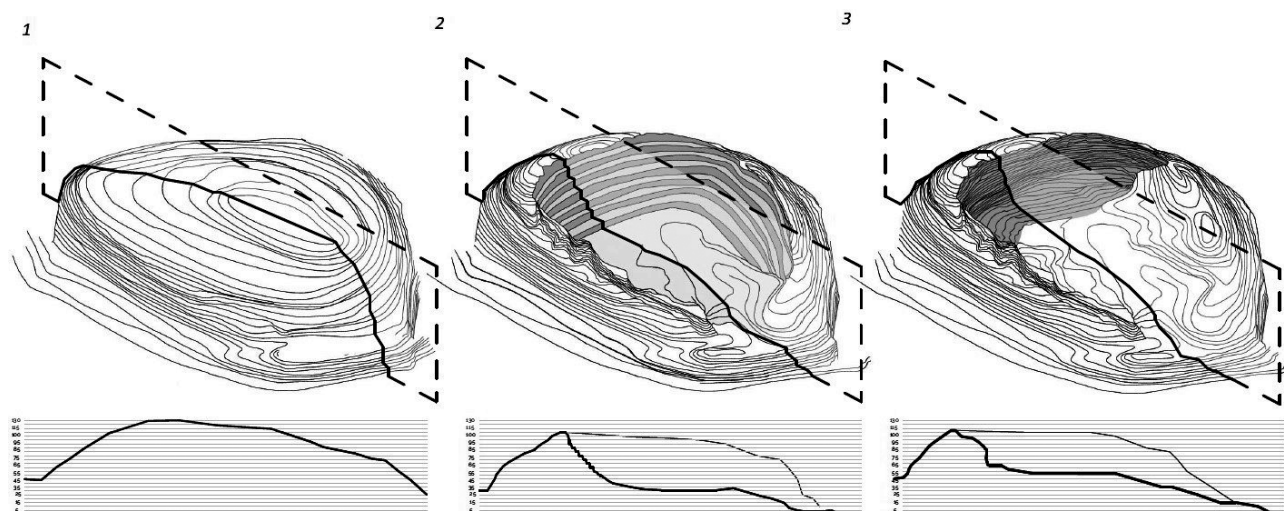

Рис. 5. Модели, характеризующие этапы трансформации структуры природного объекта: 1. Сформированный объект, 2. Разработка карьера, 3. Текущее состояние

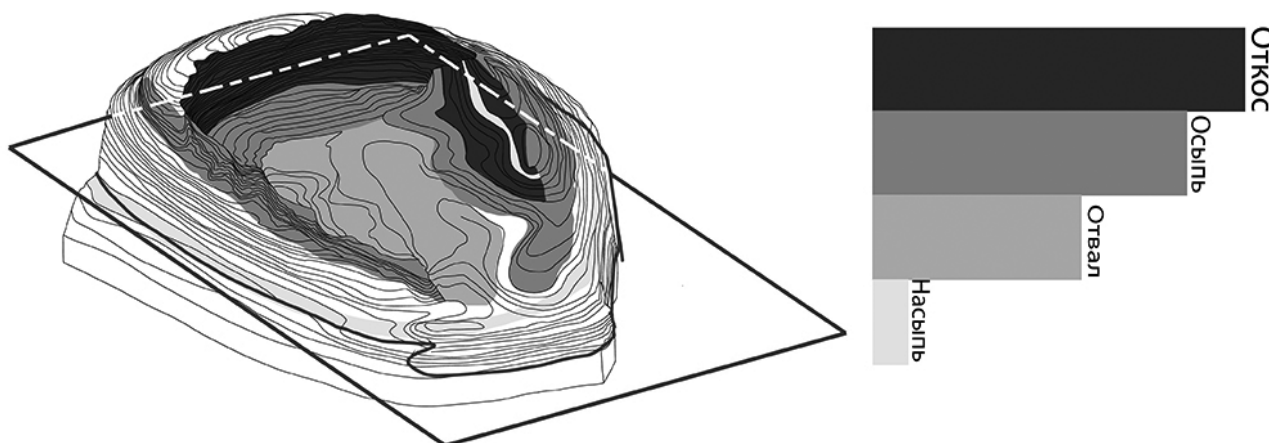

Рис.6. Структурные элементы выработки

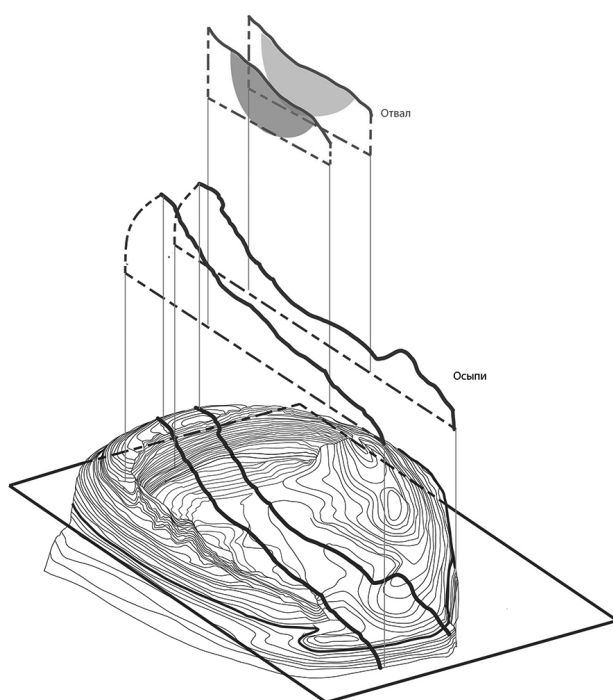

Рис 7. Сечения выработки

хотел пройти и покорить всю Россию, но здесь умер и похоронен, и будто бы воины его, которых было несчетное множество, сносили сюда на его могилу землю шапками и щитами и оттого образовалась гора» [8]. Варианты происхождения названия немного разнятся, но также связаны с молвой о Ханах, похороненных под толщей гор, возможно название так же закрепилось за местом, благодаря особой чести со стороны правительства. Долгие годы останец продолжает существовать без внимания со стороны ученых. В XIX веке все легенды разрушаются, благодаря исследованиям и описанию П.П. Семенова-Тянь-Шаньского, который связывает появление возвышенности только с геологическими изменениям планеты. Так же в XIX

веке царев Курган получает некоторое практическое значение для горожан, как пункт наблюдения. «На Царевом Кургане в конце 19-го века стояла вышка для наблюдения за пожарами в лесных дачах. Но ее свалило бурей. В 1897 году было принято решение о постройке новой вышки. Плотники-крестьяне села Курумоч построили на вершине Царева Кургана вышку высотой около 15 метров. Над ее верхней площадкой развевался Российский флаг. 8 июля 1901 года был подписан акт о готовности вышки» [9]. Революционные бури первых советских лет практически обошли стороной поселения Самарской Луки.

Патриархальная идиллия в этом волжском краю закончилась только в конце 30-х годов XX века, с началом разведки и промышленной добычи. В советское время запускается процесс урбанизации территории. Большинство изменений в структуре самого Царева Кургана произошло во время создания промышленных узлов в самарской области, таких как ГЭС, Сызранский железнодорожный мост. В 1938 г. начинаются первые работы на карьере Царев Курган. Позднее карьер доходит до пика своей выработки. Дно карьера в период строительства Куйбышевского гидроузла достигает своего предела (отметка около 0-5 м. к уровню моря), принимается решение засыпки карьера до приемлемого уровня.

В 1980-е гг. строительство и промышленные разработки приходят к завершающей стадии, и карьер засыпают мусором и остатками выработки с Сокского карьера до уровня 45-55 метров. Полная засыпка старых карьеров согласно современным методам ведения данной деятельности производится очень редко. В большинстве случаев (Царев курган не исключение) засыпка осуществляется неоднородной смесью, данная смесь не является

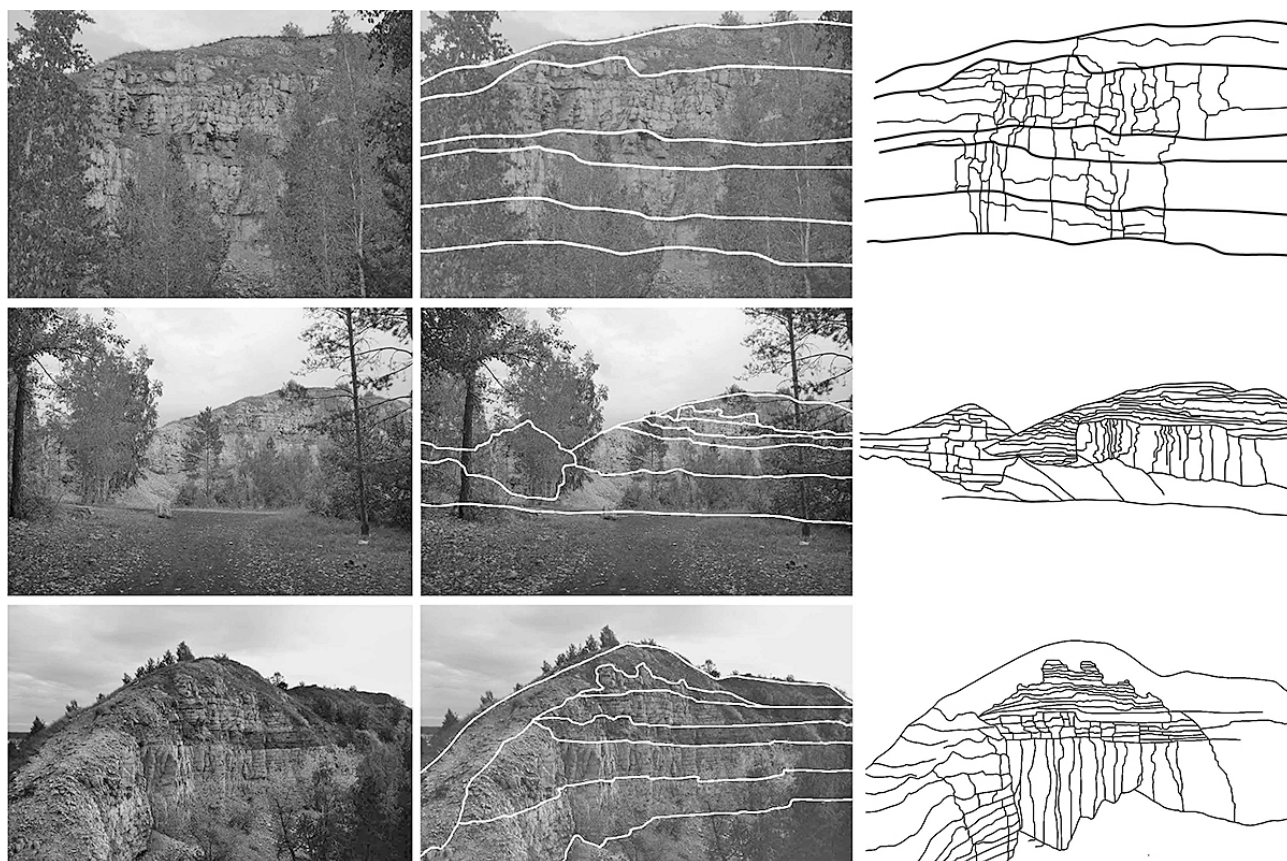

Рис.8. Типичные элементы откосов. Геометрия геологических пластов

уплотненной и подвержена постоянной усадке, поэтому при будущем проектировании учитывают подвижность дна карьера, или же производят контроль и возможную реконструкцию плотности засыпки до состояния консолидации [1].

Карьер, являющийся зоной временной выработки сырья, с большими масштабами добычи со временем теряет свою продуктивность, ценность и перестает существовать, как производство. В то же время восстановление карьера до первичной структуры невозможно, происходит естественное замещение природной составляющей. Для исследования генетического типа объекта необходимо создать модель. В ходе работы выявлены ключевые состояния и этапы модификации. (Рис. 5)

В настоящее время по достоинству оценивается важность этого объекта природы для культуры и истории края. Царев курган является памятником природы, транслирующим историю ландшафта. Поскольку добыча щебня открытым способом неотвратимо влечет за собой техногенное разрушение и преобразование естественных ландшафтов как непосредственно при добыче щебня, так и при развитии компонентов инфраструктуры горно-обогатительного комплекса в целом, то возникает необходимость построения единой модели всей

зоны техногенного воздействия. Вся горная порода после использования человеком подразделяется на части, которые можно разложить на определенные группы нарушенных компонентов: локальные каменные осыпи, отвалы, откосы, насыпи (рис.6,7).

Основные детали выработки на территории Царев Кургана уже стерлись, мы можем наблюдать лишь остаточные явления в виде уступов и бровок. Характерные элементы выработки – это комбинация отвалов и выемок. Вместе с формированием макросистемы самого карьера формируется локальная микросистема, где важную роль играют атмосферные факторы. Развитие внутренней экосистемы позитивно отражается в дальнейшем пути рекультивации. Вместе с выветриванием на почвенный покров, нарушенной территории переносятся семена растений («пионерные группировки»), которые в будущем смогут укрепить рельеф, таким образом происходит естественная сукцессия [10]. В данном исследовании наиболее важным является выявление основных качеств рельефа, которые способствуют будущим преобразованиям. Территория выработки включает в себя компоненты геологических структур, отражающих морфологию, а также типичные элементы, такие как почвы, состав, пластичность пород (рис. 8,9).

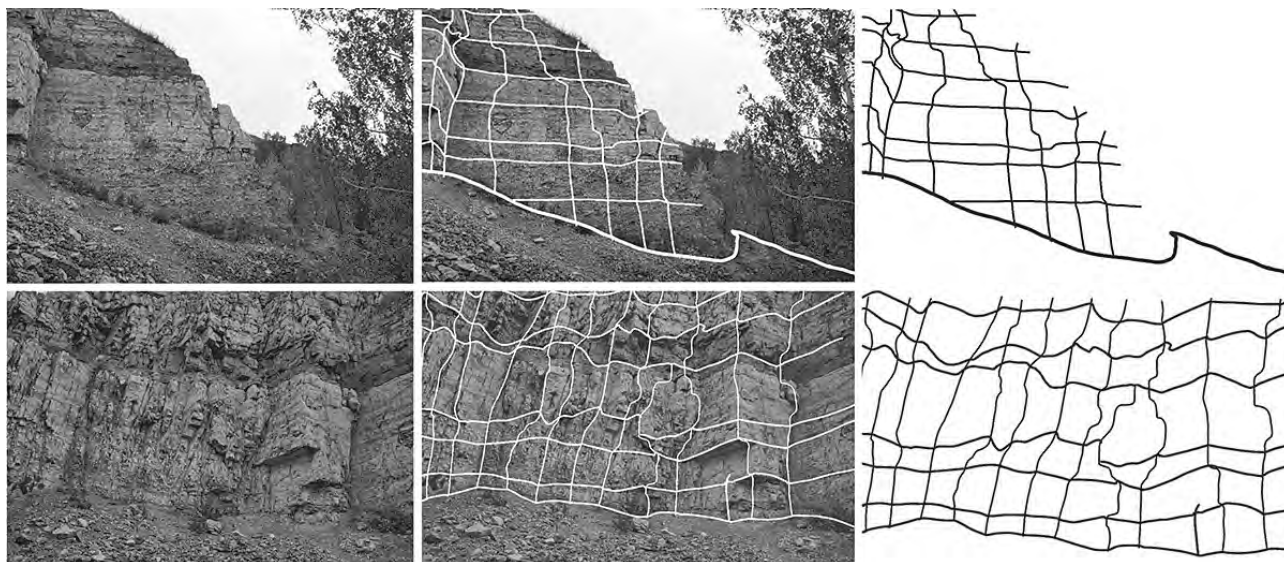

Рис.9. Структурные элементы осыпей. Характер элементов

Представленные фрагменты среды показывают процесс конструирования природных форм.

Объекты антропогенной деятельности играют двоякую роль в жизни общества: с одной стороны, нарушают первозданную территорию, определенную сформировавшуюся экосистему, с другой стороны не могут не вызывать восхищения рукотворность и масштаб объектов, поражает и «механическая» красота в природе. Через пространство, стоящее на грани между «живым» и «неживым» проявляется диссонанс и в то же время понимание гармонии руин. В труде Хоскинса можно проследить подобного рода противоречия, называя Ланкаширский угольный массив «ландшафтами ада», он пишет одновременно с этим о рудниках в Корнуэлле - «на фоне заката, они выглядят меланхоличными и таинственными» [11]. Важность визуального восприятия подтверждает и К.Уолворк «Нельзя преуменьшать важность визуального впечатления от облика поврежденных территорий и от бросающихся в глаза неблагоприятных социальных и экономических последствий...» [12].

Представление о карьерах, как пространствах для коммуникаций между деятельностью человека и природой позволило расширить границы исследования. Изучая пространство карьеров Самарской области, можно выявить некоторые особенности их взаимосвязи с метафизическим переживанием человека. Объект несет в себе не только сочетание природных элементов, но и эстетико-символическую составляющую. В данной схеме мы рассмотрим геологические напластования, как фенотипы мышления, сочетающие

в себе образ, «текст», символ, взаимосвязь с миром (рис.10-12).

В исследовании создаются фактические основы для моделирования и проектирования. Метафизический и эстетический контекст, является основой дальнейших действий.

Предлагается парадигма исследования, моделирования и проектирования территории и объектов, утративших свою природную, эстетическую и культурную сущность.

В основе теории лежит исследование генезиса геологической структуры, морфологии природного объекта, их пространственно-временной вернакуляр.

В формате исследования философия, понимаемая, как инструмент, является важной составляющей сохранения феномена места.

В качестве объекта исследования выбрана уникальная форма природно-антропогенного происхождения, структура которой в настоящее время находится в нарушенном состоянии.

Предложен метод историко-генетической реконструкции природного объекта, как императив исследования, моделирования и проектирования.

Выявление основных критических моментов истории, геологии, и геоморфологии, рассматриваемого объекта, создает операционную базу теоретических знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник -М.: Мысль 1990[2] с: ил. табл., карт. схемы. граф. с 637.

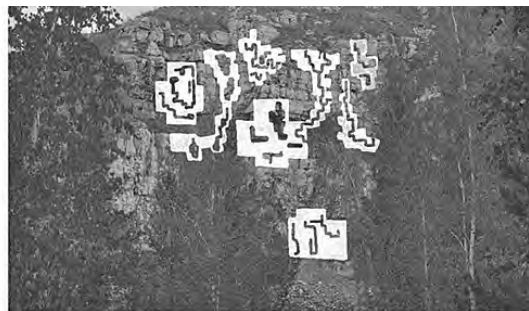

Рис. 10. Символические элементы геологической структуры

Рис. 11. Символические элементы геологической структуры

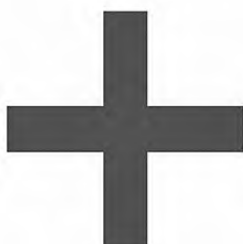

Рис. 12. Символические элементы геологической структуры

2. Спиридонов А.И. Геоморфология европейской части СССР: М.: Высшая школа, 1978. — 170 с.с.110.

3. Палео-Волга. История великой реки. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/geologia/paleovolga/volga.htm>

4. Конева Н.В. Глафира Витальевна Обедиентова и ее работа о происхождении природы Жигулей. Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии, 26 (3), 43-47. 2017 с.30-35.

5. Обедиентова Г.В. Из глубины веков. Куйбышев: Книжное издательство, 1988. — 216 с. С.35-46

6. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1 / - Вторым тиснением. - СПб.: Имп. АН, 1809. - 657 с., 116 с. С.75.

7. Семенов В.П. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей, том 6 - СПб.: А. Ф. Девриен, 1899-1914. с.599 с.29-32

8. Происхождение природы Жигулей. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2013/35/tsarev-kurgan/

9. Царев курган. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://xn--p1aee5d.xn--p1ai/?page_id=255

10. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983, с. 328

11. Hoskins.W.G. The Making of the English Landscape: Hodder & Stoughton, 1955- p.147

12. Уоллворк К. Нарушенные земли. М.: Прогресс, 1979. 269 с.

13. Краткий толковый словарь по рекультивации земель / Отв. ред. С. С. Трофимов, Л. В. - Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1980. - 34 с.

14. Бичуров Г.В. Самара в открытках и фотографиях - Старая Самара. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://oldsamara.samgtu.ru/>

REFERENCES

1. Reimers N.F Nature management: Reference dictionary -M.: Thought 1990 [2] c: il. tabl., maps. scheme. graph. from 637

2. Spiridonov A.I. Geomorphology of the European part of the USSR: M.: Higher School, 1978. - 170 pp. P.110
3. Paleo-Volga. The history of the great river. [Electronic resource.] - Access mode: <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/geologia/paleovolga/volga.htm>
4. Koneva N.V. Glafira Vitalievna Obedientova and her work on the origin of the nature of Zhiguli. Samara Luka: Problems of Regional and Global Ecology, 26 (3), 43-47. 2017 p.30-35
5. Obedientova G.V. From the depths of the ages. Kuibyshev: Book Publishers, 1988. - 216 p. C.35-46
6. Pallas P.S. Travel to different provinces of the Russian Empire. Part 1 / - Second embossed. - SPb.: Imp. AN, 1809. - 657 p., 116 p. C.75
7. Semenov V.P. A complete geographical description of our fatherland: Desktop and road book for Russian people, volume 6 - SPb.: A. F. Devrien, 1899-1914. c.599 c.29-32
8. The origin of the nature of Zhiguli. [Electronic resource.] - Access mode: http://expert.ru/russian_reporter/2013/35/tsarev-kurgan/
9. Tsarev Kurgan. [Electronic resource.] - Access mode: http://xn--p1aee5d.xn--p1ai/?page_id=255
10. Alaev E.B. Socio-economic geography: Conceptual and terminological dictionary. M: Thought, 1983, p. 328
11. Hoskins.W.G. The Making of the English Landscape: Hodder & Stoughton, 1955- p.147
12. Wallwall K. Disturbed Lands. M.: Progress, 1979. 269 p.
13. Concise Dictionary on Land Reclamation / Ed. ed. S. S. Trofimov, L.V. - Novosibirsk: Science: Sib. Department, 1980. - 34 p.
14. Bichurov G.V. Samara in postcards and photos - Old Samara. [Electronic resource.] - Access mode: <http://oldsamara.samgtu.ru/>

Для ссылок: Вологодина Н.Н., Александрова О.Ю. Исследование геоморфологической структуры природного объекта как императив в моделировании и архитектурном проектировании // Innovative project. 2017. T.2, №3. С. 56-64. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.7

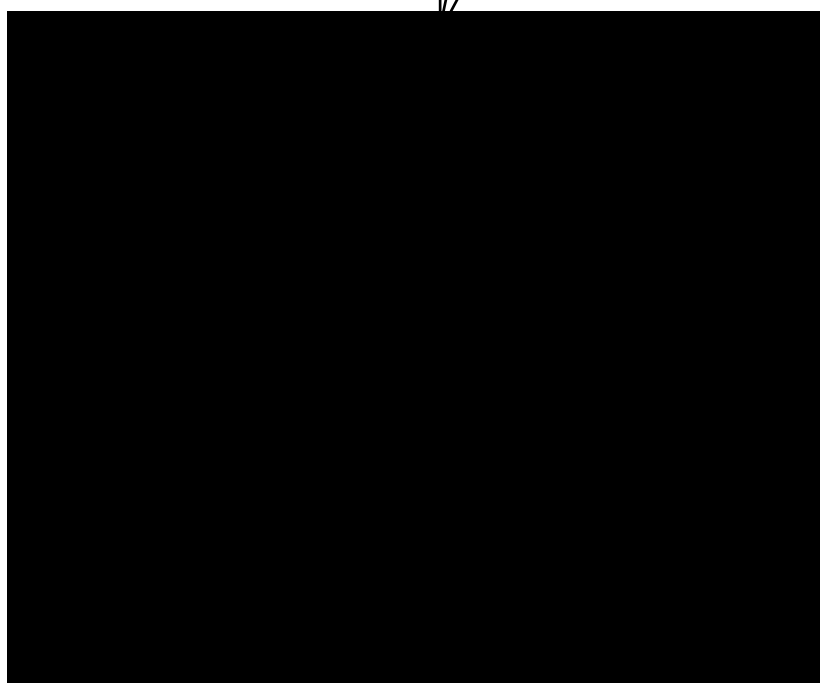
For references: Vologdina N.N., Alexandrova O.Yu. The study of the geomorphological structure of a natural object as an imperative in modeling and architectural design. Innovative project. 2017. Vol.2, No 3. P. 56-64. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.7

6

65–96

МАСТЕРСКАЯ

WORKSHOP

Малахов Сергей Алексеевич, Боранов Сергей Сергеевич
Самарский государственный технический университет
Malakhov Sergey, Boranov Sergey
Samara State Technical University

АКСОНОМЕТРИЯ КАК МЕТОД АРХИТЕКТУРНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ AXONOMETRY AS A METHOD OF ARCHITECTURAL FORMING

В статье выдвигается гипотеза метода архитектурного формообразования, в целом обусловленного воздействием на поисковый процесс типа применяемых моделей и проекций. Рассматривается роль аксонометрической проекции в аспектах рационального и художественного осмысления архитектурной формы. Рациональное применение аксонометрии насчитывает несколько тысячелетий, в то время как ее судьба как особого художественного жанра, напрямую относящегося к архитектуре, ассоциируется, в первую очередь, с экспериментами авангарда, в первую очередь – с супрематизмом Малевича, Эль Лисицкого, неопластицизмом группы «Де Стиль». Предметом особого внимания в статье является переход от рационального применения аксонометрии к художественному, и возникающее в результате этого процесса воздействие на метод поискового моделирования и, соответственно, - на пространственно-пластические свойства архитектурной формы.

The article puts forward a hypothesis of the architectural shaping method generally caused by the impact on the search process such as the used models and projections. The role of axonometric projection in the aspects of rational and artistic understanding of the architectural form is considered. Rational use of axonometry dates back several millennia, while its fate as a special artistic genre directly related to architecture is associated primarily with avant-garde experiments, primarily with Malevich's Suprematism, El Lissitzky, Neoplasticism of the De Stijl group. The article highlights the transition from the rational application of axonometry to the artistic, and the resulting effect on this method of search modeling and, accordingly, on the spatial-plastic properties of the architectural form.

Ключевые слова: аксонометрическая проекция, умозрительная реальность, авангард и аксонометрия, аксонометрия как жанр искусства, аксонометрия как метод поискового моделирования

Keywords: axonometric projection, speculative reality, avant-garde and axonometric, axonometric as a genre of art, axonometric as a method of search modeling

В дискурсе исследования, посвященного композиционному методу¹, важное место отводится понятию архофункции, то есть функции, понимаемой как следствие выбранной архитектурной формы. Во многих теоретических работах сам по себе принцип приоритета формы над функцией принимается в качестве важнейшей составляющей этоса архитектурной профессии. Но то, какими способами достигается этот приоритет, и чем, собственно, он проявляется в свершившемся функциональном сценарии объекта, - все еще остается недостаточно разработанным разделом теории. В ряде проектных экспериментов и публикаций, предпринятых авторами статьи, рассматриваются несколько разных типов архитектурных проекций и способов их творческой трансформации с целью образования особого уровня архофункции, на котором начинают проявляться такие интригующие

качества архитектурной формы – как приключение в пространстве, метафизические ассоциации, парадоксальные девиации привычных действий.

Предмет данной статьи – действие аксонометрии как формообразующей процедуры, достигающее уровня метода. Особое значение аксонометрии в аспектах теории и практики архитектуры рассматривал также известный архитектурный критик – Алан Колкьюхаун [1].

Путь аксонометрии² как архитектурного метода можно представить в виде последовательной эволюции от объясняющей, рациональной модели к художественной, и далее – к формообразующей – непосредственно в системе архитектурного поиска. Структура настоящей работы, в этой связи, включает аналитические комментарии по следующим ключевым вопросам: 1) в связи с чем в античной и средневековой культуре применялись

1 Композиционный метод архитектурного проектирования является темой докторской диссертации профессора архитектуры Малахова С.А.

2 Аксонометрическая проекция (от др.-греч. ἄξων «ось» + μέτρον «измеряю») — способ изображения геометрических предметов на чертеже при помощи параллельных проекций

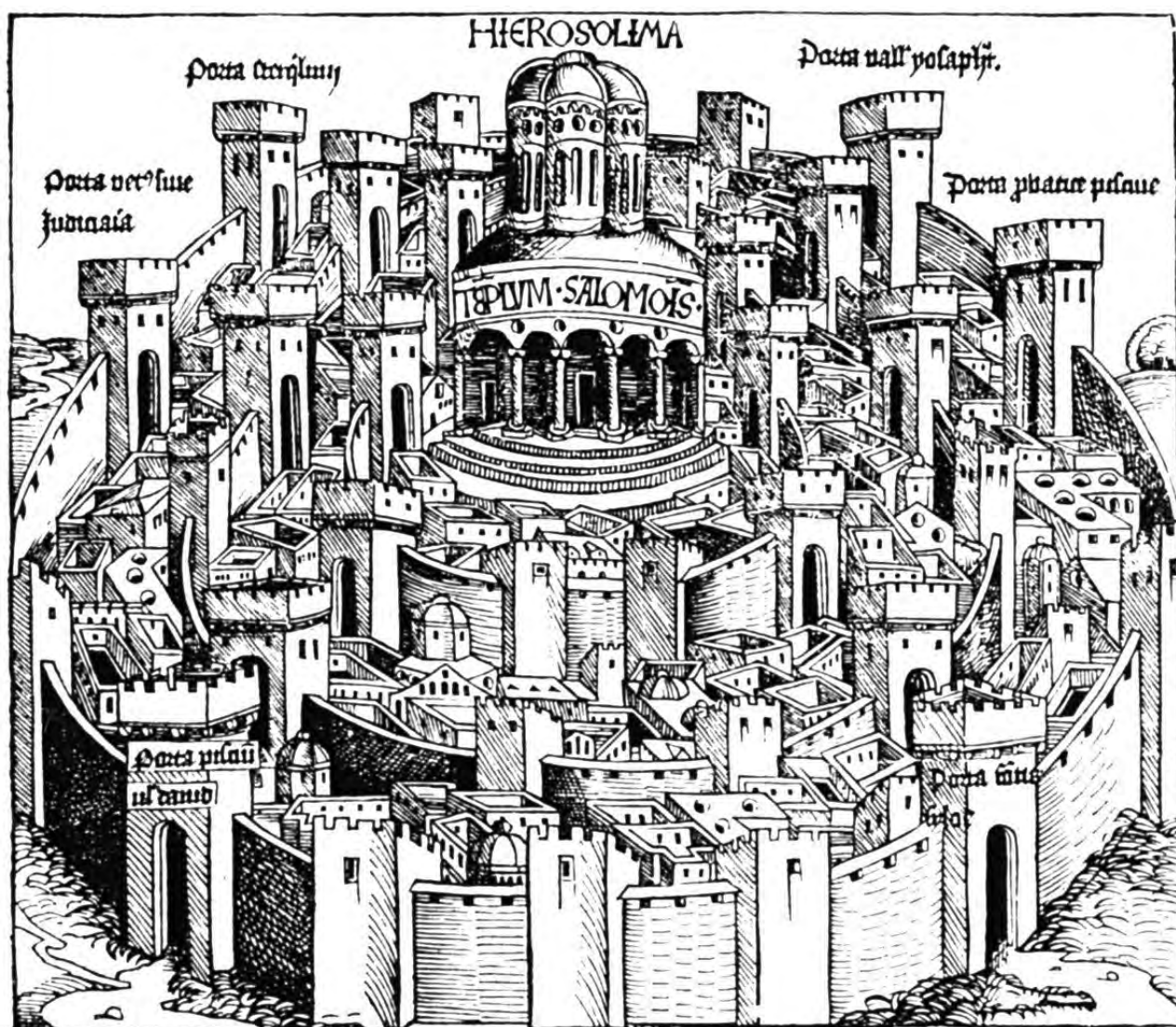
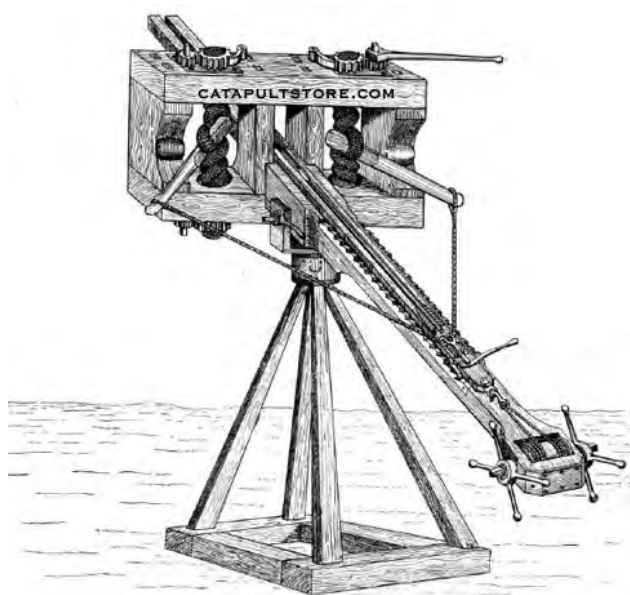

Рис. 1. Средневековое изображение Иерусалима. Гравюра. Применение аксонометрии для концептуальной демонстрации устройства Священного Города

аксонометрические изображения самых разных объектов?; 2) почему в Эпоху Возрождения отказались от аксонометрий («умозрительной реальности») и перешли к перспективным изображениям («видимой реальности»)?; 3) какими мотивами можно объяснить возврат к аксонометриям в эпоху авангарда?; 4) как связаны аксонометрия с художественными экспериментами в супрематизме и неопластицизме?; 5) как сосуществуют два дискурса аксонометрии: объяснительный и формообразующий?; 6) насколько эффективным является применение аксонометрии как инструмента формообразования (выявления архофункции) в практике современной архитектуры?; 7) какие свойства современного применения аксонометрии позволяют утверждать о ее методологическом статус-кво?

В связи с чем в античной и средневековой культуре применялись аксонометрические изображения самого различного типа объектов?

Во времена античности и средневековья для передачи «достоверных сведений» об объекте, возникла необходимость в аксонометрии - специальном типе проекций, разъясняющих общее устройство объекта с демонстрацией его «правильных» размеров. «То, что мы подразумеваем под аксонометрией, в архаическом контексте является созданием «изображения» трехмерного мира на двумерной плоскости, без уменьшения размеров объектов при их удалении от наблюдателя» [1]. Для выполнения подобной задачи оказалось необходимым одновременно включать в изображение как фасады, так и планы какого-либо устройства, или городских сооружений с окружающим

THE BALISTA
FIG. 13.—BALISTA FOR DISCHARGING HEAVY ARROWS OR JAVELINS.
Approximate scale: $\frac{1}{2}$ in. = 1 foot.

Рис. 2. Аксонометрия, демонстрирующая устройство баллисты

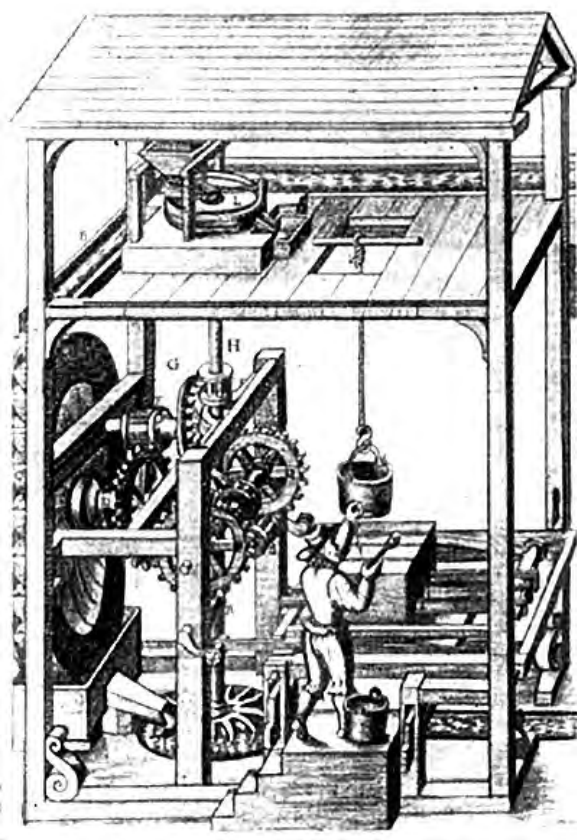

Рис. 3. Механизмы, описанные Агостино Рамелли 1488 г.

их пространством. В своей оригинальной статье Алан Колкьюхаун³ [1] разбирает вопрос «достоверности аксонометрии», ссылаясь на анализ Эрвина Панофского⁴.

Одной из наиболее важных сфер её применения на тот момент были оборонительные сооружения, а также различные механизмы и орудия (рис.1-3). Такими «орудиями», изображаемыми в аксонометрии, были, например, катапульты разного рода: баллисты, онагры и требушеты. Такой вид чертежа помогал обеспечить полный образ, сохраняя истинные размеры объекта или вещи. Аксонометрия в прошлой исторической эпохе служила визуальным доказательством функционирования и «работоспособности» объекта.

На протяжении всей современной истории наряду с аксонометрией (параллельной проекцией) применялось и перспективное изображение. Эрвин Панофский сравнивает эти два типа трансляции сведений об объекте, сопоставляя два типа реальности: видимой и умозрительной. Панофский не дает аксонометрии точного определения, но приводит аргументы против использования перспективы. «По мнению древних, ее применение осуждается, потому что, говоря словами Платона, она не показывает «истинного размера» вещей, и превозносит видимость над реальностью» [2]. При этом «реальность» аксонометрии есть проекция умозрительного видения (идея «внутреннего глаза»). Далее мы, однако, получим подтверждения тому факту, что и аксонометрия может становиться своего рода концепцией «видимой реальности».

Почему в Эпоху Возрождения отказались от аксонометрий и перешли к перспективным изображениям?

Скорее всего, такая перемена стала возможной, благодаря трансформации парадигмы объективного (и в этом смысле – рационального) отражения происходящего. Постепенно целью изображения стало отражение объективной реальности в ином ее понимании, по сравнению со Средневековьем. «Красота передавалась в результате подражания

3 Colquhoun, Alan. Collected essays in architectural criticism. Introduction by Kennet Frampton. Black Dog Publishing. London. UK. 2009.

4 Исследования Панофского в области античной и средневековой архитектуры признаются как одни из самых фундаментальных. Колкьюхаун ссылается: «Система, о которой намекает Панофски, получила определение «параллельная или ортогональная проекция», а одно из ее направлений - «наклонная проекция», чаще называемая «аксонометрия».

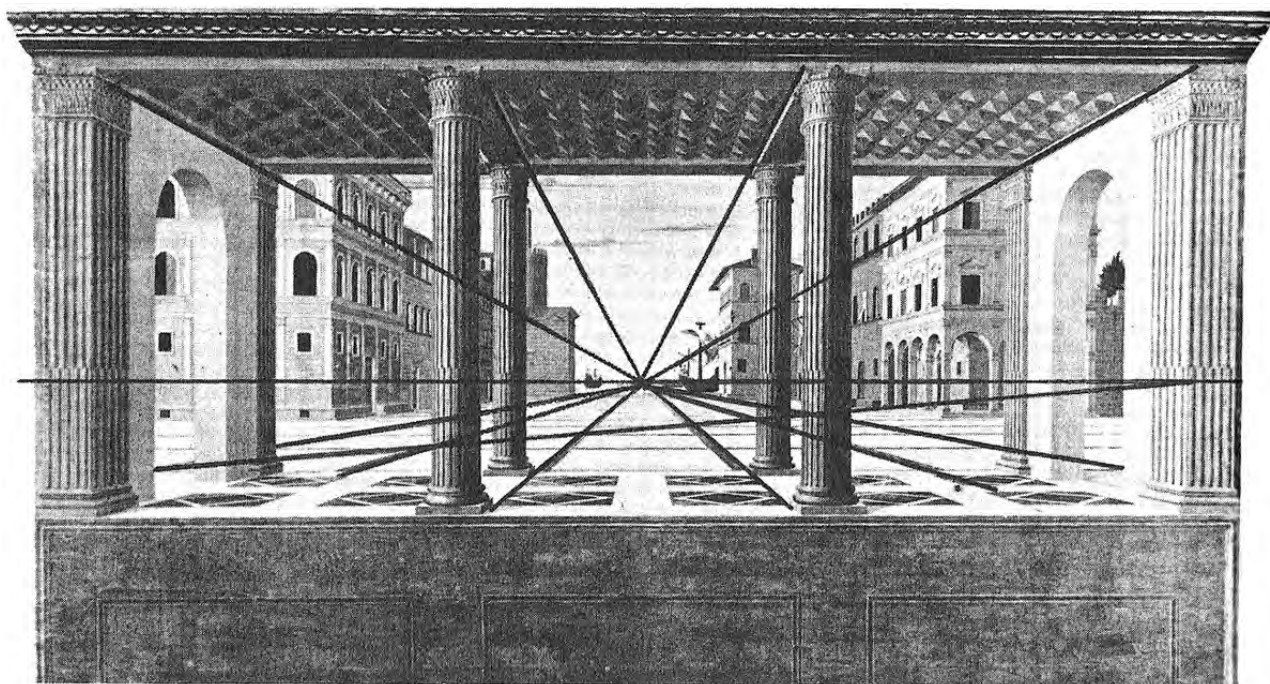

Illustration iv-3: Perspective reconstruction: Unknown Italian artist, *Architectural view*, c. 1470. Staatliche Museum, Berlin.

Рис. 4. Перспективное изображение городской улицы, 1470 г. (Неизвестный итальянский художник)

(буквального или идеализированного) тому, что было видно внешнему, а не внутреннему глазу» [1]. В перспективном изображении человек становится свидетелем происходящего, перед ним разворачивается сцена реальности, зритель как бы существует внутри разворачивающегося на сцене действия (рис.4). Пространство и объект в перспективном изображении впервые занимают равноправное положение в живописи, о чем впервые свидетельствуют фрески «предренессансного» художника Джотто ди Бонде [3].

В развитии виде этот вид проекции проявляется в изображениях архитектурных сооружений, включенных во фрески и картины на библейские сюжеты конца 15-го века. Именно в этот период Альберти и Пьеро делла Франческа заложили теоретическую и практическую основу для проектирования «через перспективное видение». Насколько нам известно, Филиппо Брунеллески подвел под эти изыскания теоретическую основу в аспекте архитектурного моделирования. «Далее импульс, направленный к исследованию перспективы, начал развиваться в науку о проекции», в которую были включены как параллельная проекция (аксонометрия), так и перспектива» [1]. Перспектива служила изображением «сцены для человеческой жизни в картинах», а аксонометрия в

большей степени нужна была для концептуализации архитектурного произведения⁵ [4]. Пространство с помощью перспективы становится в Эпоху Возрождения сценой для презентации городских событий, что ознаменовало усиление роли общественной жизни и общественного городского пространства: площади, парадной улицы и главного нефа собора.

Чем объяснить возврат к аксонометриям в эпоху авангарда?

Объясняя этот культурный феномен, Колкьюхаун определяет: «Идея, к которой Виоле отнес и технику Шуази (рис.5), что архитектурные изображения должны не только создавать условную картину здания, но также иллюстрировать его внутреннюю структуру, стала основополагающей в использовании аксонометрии авангардными архитекторами. Эта позиция разработана в рамках исторической традиции, согласно которой определенный вид чертежа – параллельная проекция во всех ее формах – был зарезервирован для технических изображений. Но идея придала этой традиции новый смысл. Техника, иллюстрирующая

⁵ Показателен пример концептуализации архитектурного произведения с помощью аксонометрии, продемонстрированный Огюстом Шуази

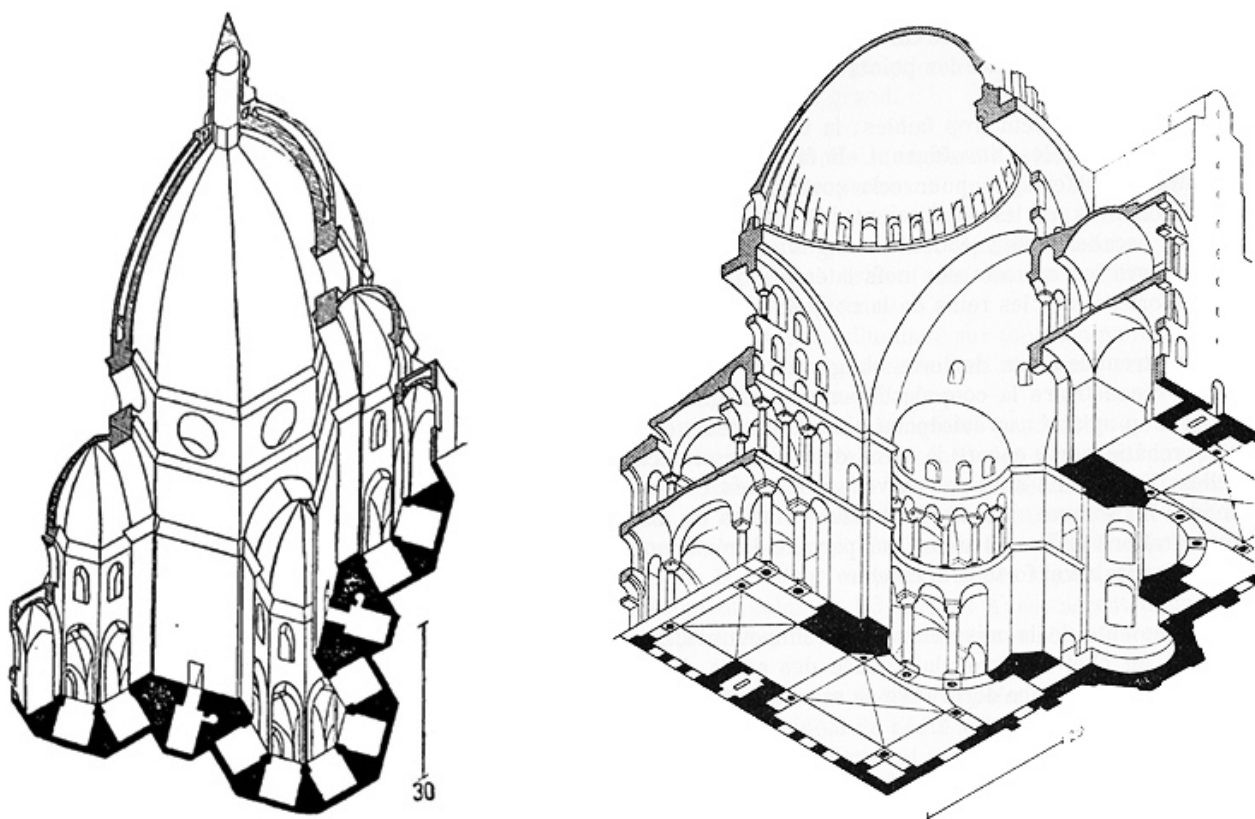

Рис. 5. Иллюстрации из книги Огюста Шуази «История архитектуры»

работу объекта, становится не просто полезным инструментом для построения чего-либо, а образцом и метафорой идеи самого построения. Произведение искусства в настоящее время рассматривается не как внешняя форма красоты, а как «рабочий чертеж» реальности. В каком-то смысле, больше нет нужды в объекте» [1].

Последнее замечание очень важно. Оно определяет возникновение нового отношения к понятию архитектурного объекта. Аксонометрия объединяет живописное полотно Малевича с его объемными моделями архитекторов, а также с проектами архитекторов, осуществленными, прежде всего, в реальности самой модели. По мере того, как происходила интеграция художественного и архитектурного экспериментов, объектом в рассматриваемом контексте становилась сама аксонометрия. Архитектура с помощью этой проекции переживает возникновение своей самостоятельной реальности до наступления самого факта строительства. В этом заключена «новая концептуальность» параллельной проекции.

Долгое время аксонометрия играла лишь роль технического рисунка, но в эпоху авангарда аксонометрия выступает уже не как «определённый вид чертежа» – параллельной проекции во

всех её формах, художественные движения той эпохи заложили в неё новый смысл. «Техника, иллюстрирующая работу объекта, становится не просто полезным инструментом для построения чего-либо, а образцом и метафорой идеи самого построения. Произведение искусства в настоящее время рассматривается не как внешняя форма красоты, а как «рабочий чертеж» реальности» [1].

Проясним далее, какую роль играла аксонометрия в экспериментах супрематического авангарда и неопластических произведений группы «Де Стил»?

Художественный взгляд авангарда и движения «Де Стил» отражается в работах Казимира Малевича (рис.6), Эль Лисицкого Тео ван Дуйсбурга и других представителей этих художественных и архитектурных движений. Указанные авторы были первопроходцами среди тех, кто превратил аксонометрическую проекцию в вид искусства. В экспериментах, подобных моделям проунов Эль Лисицкого (рис.7), и аксонометрии «Дом художника» (рис.8), созданной Дуйсбургом в 1923 г., в условном пространстве куба, изображенного в аксонометрии, под прямыми углами друг к другу (или почти под прямыми) пересекаются цветные объемы и плоскости, подразумевающие

объект в виде абстрактного сгустка геометрической материи. В этих изображениях мы имеем дело не просто с концепцией дома, а с новым типом архитектурного отношения к функции, когда живописный эксперимент с формой разрушает стереотипные представления о функциональной программе архитектурного сооружения. В результате подобных экспериментов, осуществимых в автономной реальности аксонометрии (картины), или в макете (скульптуры), пространство и форма – в концептуальном плане – становятся главной функцией объекта, то есть, возникает феномен архофункции [5].

Разумеется, аксонометрия позволяет контролировать развитие и взаимодействие двух существенных дискурсов формы: объяснительного (аналитического) и формообразующего. Подобный тип проектного моделирования является наиболее доступным способом демонстрации хода мыслей автора архитектурного проекта. Сохранение реальных размеров приводит к уяснению устройства объекта более доходчиво, чем с помощью двухмерных проекций. С другой стороны, сам процесс создания аксонометрии может носить абсолютно творческий характер, то есть, осуществляться как эксперимент по свободному формообразованию. Работая с аксонометрией как с формообразующей моделью, мы осуществляем постоянную и удобную связь между различными проекциями (план, разрез, фасад). Таким образом, у нас появляется возможность одновременно проектировать внешний облик (оболочку) и внутреннюю структуру здания одновременно. Такой метод позволяет достигать пластической и функциональной целостности модели. При этом сам принцип свободного моделирования формы дает многочисленные шансы для возникновения спонтанных эффектов, чрезвычайно необходимых для возникновения уникального сценария архофункции.

Насколько эффективным является применение аксонометрии как инструмента формообразования (выявления архофункции)?

В отличие от плана или разреза, – проекций, определяющих характер формы в двухмерном изображении, аксонометрия охватывает все пространство объекта, что позволяет производить непрерывные манипуляции с формой во всех трех измерениях. Дополняя и одновременно опровергая определение Панофского, заметим следующее: в процессе подобных манипуляций с помощью аксонометрии само пространство поисковой модели вновь перестает существовать как умоизобразительное,

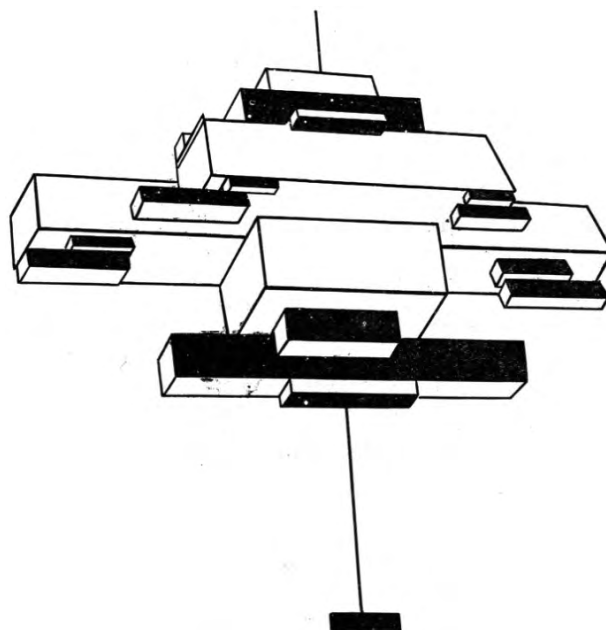

Рис. 6. Казимир Малевич. Планинты

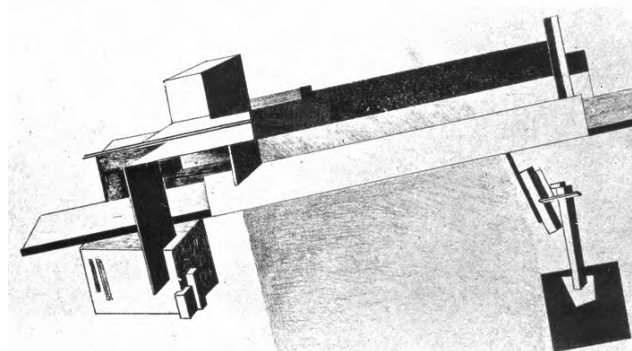
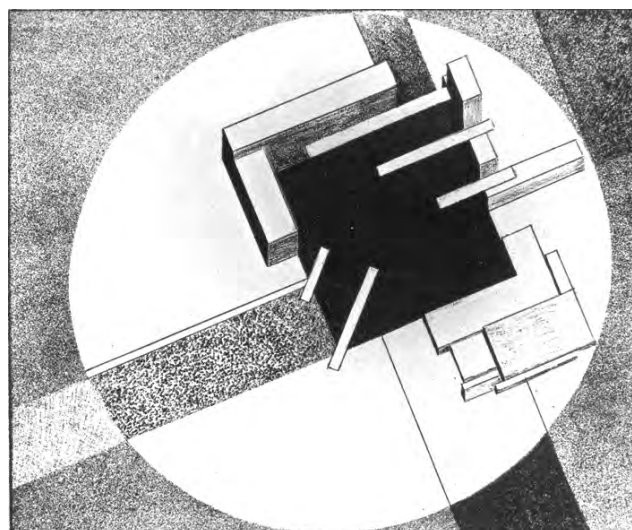

Рис. 7. Проуны Эль Лисицкого

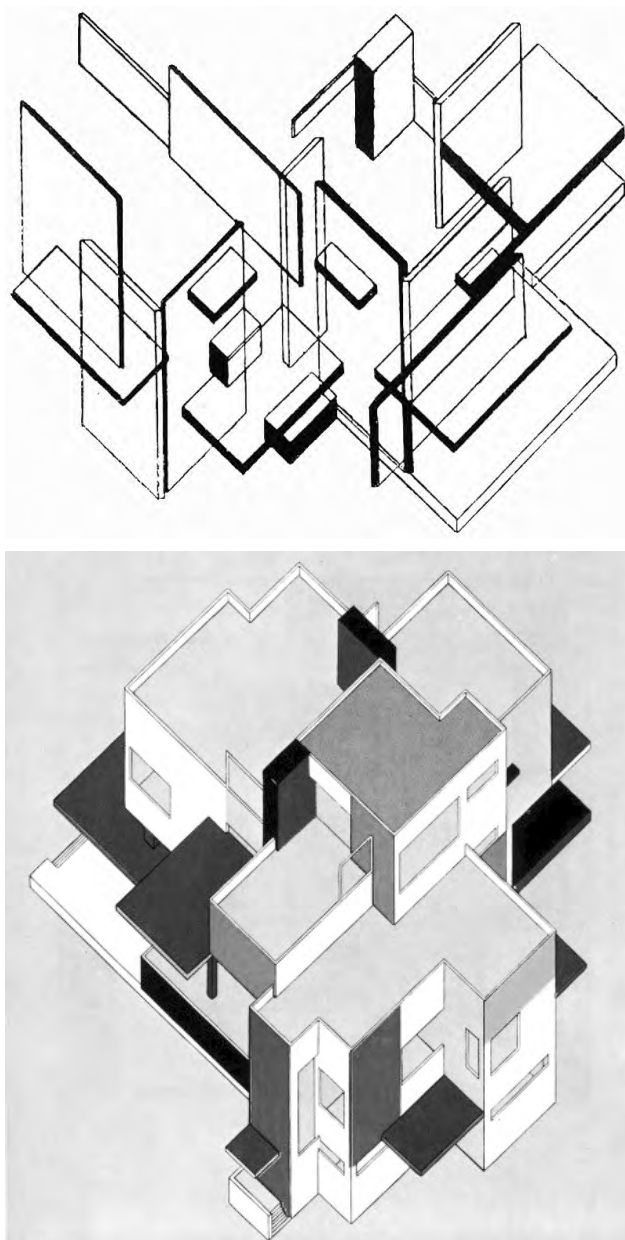

Рис. 8. «Дом художника», 1923 г., Тео ван Дуйсбург. Две модели: пересечения плоскостей и параллелепипедов

а преобразуется в видимую реальность. Но только этот новый тип «видимой реальности» включает два типа «видимого дискурса»: «реальность модели» (и это есть новый жанр искусства!) и трансформированную под специфическим воздействием аксонометрии форму будущего сооружения.

Рассмотрим специфические особенности поисковой работы над архитектурной формой с вовлечением аксонометрии и как жанра искусства, и как метода архитектурного формообразования.

Поисковые модели основываются, согласно концепции композиционного метода, на выявлении формы в условном пространстве ритмического куба

на основе т. н. Стартовой Функциональной Композиции (СФК) - бинарной оппозиции «супрематической структуры» - («креста с эксцентриситетом») и предполагаемой оболочки. При этом действия руки, буквально создающие видимую форму, достаточно, как утверждается в композиционном методе, автономны от умозрительных построений.

Аналитический метод, в отличие от композиционного, настаивает на развитии формы «от функции» (от программы любого рода). В «аналитических моделях» - умозрительная основа аксонометрии продолжает оставаться в качестве приоритетной.

В композиционном методе аксонометрия сохраняет линии ритмического куба, позволяя контролировать дистанции между элементами с помощью непрерывной ритмической соорганизации, принимая, или моментально изменяя решение. Сохранение поисковых линий пространственной ритмической сетки увеличивает количество образующихся вариантов, складываемых или вычитаемых, проговариваемых на уровне возможных пунктов спонтанно образующейся программы одновременно с уточнением размеров и материалов.

Следующим этапом - вслед за этапом интерпретации исходной модели Стартовой Функциональной Композиции (СФК) в жанре моделей Эль Лисицкого и Дуйсбурга, - становится совмещение простых инвариантных кодов формы со сценарными элементами: «городом» разного типа. В исследовании, подтверждающем смысл и приоритеты композиционного метода [5], актуализируется особый - третий уровень архофункции, когда в пространстве объекта возникают необычные последствия формального эксперимента, то есть, появляется атмосфера приключения.

Примеры использования аксонометрии как инструмента выявления архофункции в практике современного архитектурного анализа и проектирования можно увидеть в источниках, в первую очередь, посвященных авангарду, а далее - произведениям архитекторов модернизма и эпохи постмодерна.

Проверку действия аксонометрии на архитектурную форму не в состоянии игнорировать авангард, восторги в адрес которого, все же не обязаны заслонять его весьма специфическую природу: авангард родился на фоне революционного безрассудства и жестокости, но и так же легко превратился в свою противоположность (contrarium),

– сталинский ампир, – как только поменялись реалии конъюнктуры.

Как бы то ни было, про форму мы только и приготовились говорить, когда перед глазами складываются матрицы архитекторов, проунов, барельефов и самых немислимых пространственных коллажей, – все вместе настоящее архитектурное событие: праздник отвлеченной формы, позже втиснутый в рамки конструктивистского языка. Как ни странно, но все художественное, скульптурное, телесное, состыкованное так же, как стыкуются жизненные эпизоды, – примером тому барельефы Родченко, – из этого языка было изъято. Но при этом в оставшемся сгустке формы правила были прописаны так, что интрига геометрического сюжета до сих пор остается образцом для современного пассивного, лишенного энергии бесконечно компромиссного «чувства формы».

В серии маленьких книг – «микроповестей» про выдающихся представителей авангарда Хан-Магомедов не забывает отвести место и аксонометрии. В одних случаях – что особенно показательно! – аксонометрия привлекается для стадии эскизной проработки концепции: наброски буквально скапливаются на листе, меняя технику, масштаб и степень проработки, и все это выполнено рукой без применения инструментов черчения. В других, наиболее распространенных версиях иллюстраций, – аксонометрии посвящают нас в суть «архитектурного организма» (термин И. Голосова [11]).

Убедительным примером эффективности аксонометрической проекции служит чертеж вертикальной башни с частично срезанной оболочкой к проекту Московского отделения «Ленинградской правды» Ильи Голосова – конкурсный проект 1924 г (рис.9). На «крохотном участке 6 x 6 метров», – как пишет Хан-Магомедов, – Голосов сумел выстроить функциональное пространство, используя принцип совмещения и поворота в плане двух квадратов относительно друг друга под углом в 45 градусов, чередуя остекленные и глухие окончания восьмиконечной звезды. На аксонометрии, таким образом, в единственно возможном способе эффективного изображения сложного внутреннего пространства, раскрывается сущность «башенного устройства». Выглядит это так, будто именно аксонометрическое представление башни станет для потребителя способом ее осознания как пространственной формы. И в этом смысле – начерченные архитектором фасады – куда менее информативны, а точнее – информируют «о другом»! [11]

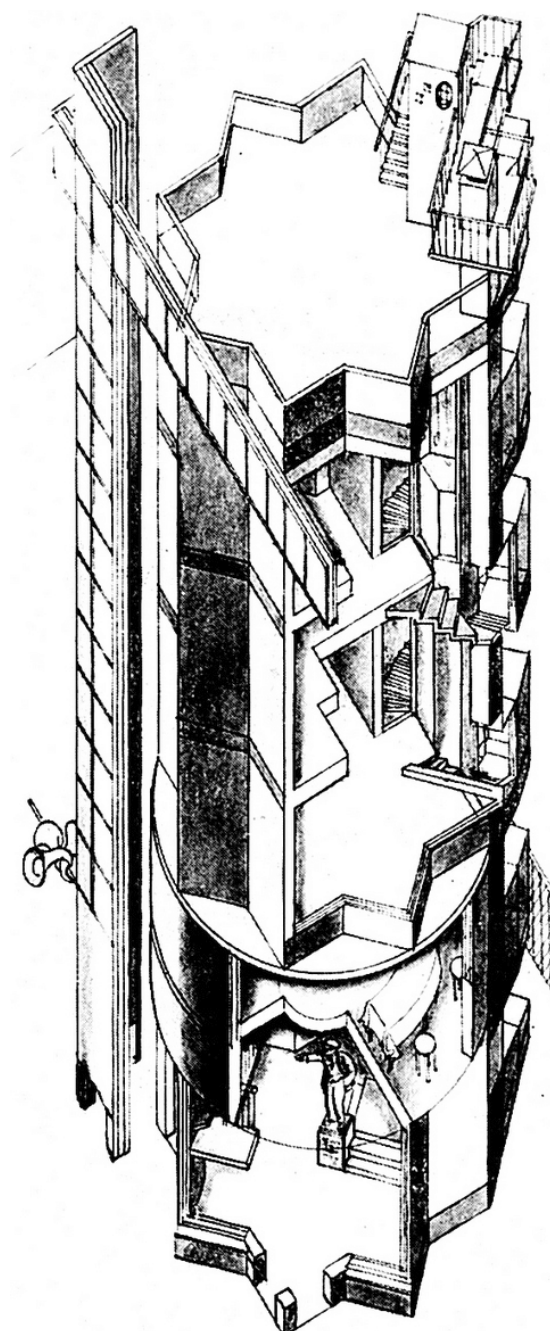

Рис. 9. Чертеж к проекту Московского отделения «Ленинградской правды», Илья Голосов, конкурсный проект, 1924 г

Прежде чем упомянуть аксонометрические модели социальных проектов – «домов-коммун» Ивана Николаева и Моисея Гинзбурга⁶ [12, 13] (рис.11), – в связи с их абсолютно примечательной артикуляцией огромного и узкого линейного жилого блока с последующим пересечением с объемным модулем соцкультбыта, – необходимо определить их источник. Предвестниками проектов архитекторов-авангардистов являются супрематические

⁶ Также рассмотренные в «повестях об авангардистах» С.О. Хан-Магомедова [12], [13]

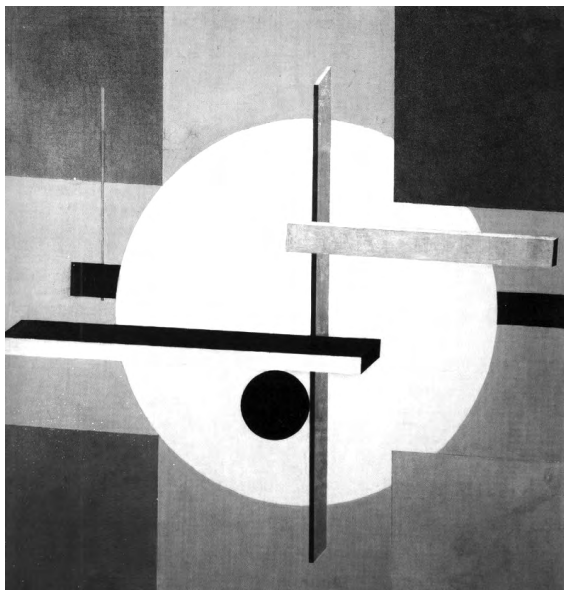

Рис. 10. «Проун R.V.N. 2» 1923 г., Эль Лисицкий

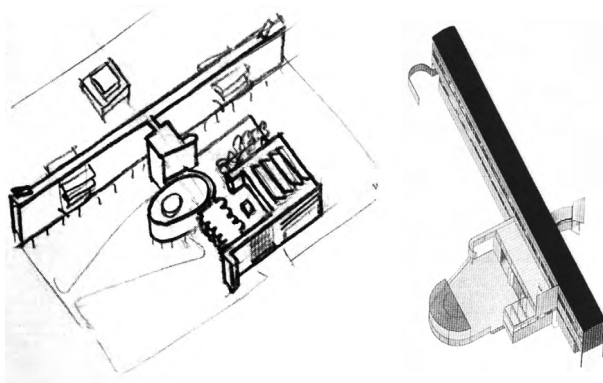

Рис. 11. «Дома-коммуны», эскизы и проекции.
И. Николаев и М. Гинзбург

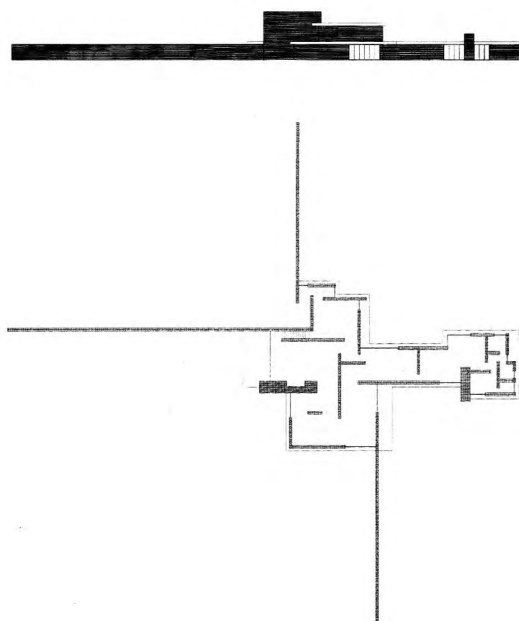

Рис. 12. План кирпичной виллы, Мис ван дер Роэ.
Демонстрация принципа «CWE»

картины Казимира Малевича и выдающиеся по своей выразительности и пространственным парадоксам проуны Эль Лисицкого.

Конкретно – назовем «Проун R.V.N. 2» 1923 года (рис.10): именно он предвосхищает формальную и космогоническую прелембулу удивительных формальных находок авангардистов, быть может, включая и Ивана Леонидова.

Так, как у Эль Лисицкого, в полной мере трансляция «преамбулы» в архитектурную форму – маловероятна: ведь у него вообще все пространство – маловероятно, и в то же время – существует как факт! Трансляция «как у него» в архитектурные проекты получается неточной, но во многом отражающей и «напоминающей» прототип, в целом – благодаря применению аксонометрии. Ключевая формальная идея, объединяющая проуны и архитектуру, кроме темы «зависания в космосе сгустка геометрических форм», «медленного вращения» и «полета» – суть CWE- Cross With Eccentricity – крест с эксцентриситетом (за счет смещения центра от «центра», собственно, и происходит «вращение» всей гигантской фигуры)⁷. Похоже, что Мис ван дер Роэ в планах «кирпичных вилл» не сумел избежать влияния этой темы (рис.12).

Лазарь Хидекель в воспроизведении и интерпретации супрематического кода в архитектуре преуспел, пожалуй, больше других. Хан Магомедов пишет в этой связи: «Через все 1920-е годы проходят объемно-пространственные эксперименты Хидекеля, связанные с поисками путей выхода из плоскостного супрематизма в архитектуру, начатые с расплывчатых горизонтальных композиций и затем продолженные разработками объемных горизонтальных построений – «сооружений» как стоящих на земле, так и парящих над землей или даже в космосе (рис.13), и вертикальных построений, в том числе и многоярусных» [14].

Анализ аксонометрий, - эскизных, аналитических, презентационных, - показывает, что в диапазоне от поиска до демонстрации создается, кроме этих известных целей, свой специфический «менталитет аксонометрического видения». Среди наиболее очевидных проявлений этого менталитета мы можем определить следующие: 1) **превращение стандартного планирования «по этажам» в выявление интригующего «приключенческого**

⁷ Упрощенная трактовка термина и понятия «эксцентриситет», метафоризирующая художественную форму по аналогии с явлениями космических орбит.

пространства: по сути это означает вовлечение «третьего» (вертикального) измерения и «четвертого» (времени) измерения – так, что возникает почти кинематографический эффект; 2) **усиление роли «вглядывания в объект сквозь крышу»** («пятый фасад»), что означает подготовку соответствующего сценария, как бы отвечающего ожидаемому интересу; 3) **достижение «транспарентности» формы**: мы «видим сверху и сбоку» больше, чем при использовании стандартного проектного алгоритма; «транспарентная форма» есть следствие применения структурного и прозрачного рисования линиями в процессе тактильного «нащупывания» формы (на базе условного ритмического куба) в аксонометрии; 4) **стремление к пластической интеграции объекта и окружающего пространства**, что обуславливается возможностью визуального контроля над формой окружения как телесной субстанции; ландшафт в аксонометрии – есть как бы визуализированное продолжение самого объекта в его в его объективированной массе (в отличие от перспективы, которой отдавал предпочтение Райт). При этом может существенно усложняться общая конфигурация плана за счет элементов, интегрируемых в окружение. 5) **намерение сохранить аксонометрию как самостоятельный жанр искусства**: здесь фиксируются любопытные для культуры структуралистские и мифологические мотивы; автор предлагает свой собственный «мир аксонометрии», наследующей в несколько рафинированном виде предшествующие и живущие в пространстве искусства проуны Эль Лисицкого, но спустя пятьдесят с лишним лет.

По пунктам 3 и 4 из установленного выше списка влияния аксонометрии на проект, отметим, в частности, удивительную по своей выразительности аксонометрию Альберто Сарториса (Alberto Sartoris), 1931 г., которая посвящена церковному центру, но при этом содержит в самом названии прямую ссылку на свое родовое происхождение от соответствующего способа изображения – «Axonometric project for Notre-Dame du Phari – church and religious centre» (рис.14).

Можно предположить, что экстраполяция «CWE» в форму Notre-Dame du Phari подтолкнула Сарториса к обновлению пластического кода формы, воспринимаемой, благодаря аксонометрии, сверху и сбоку. В результате пластических и колористических метаморфоз, случившихся с корпусом исходного блока, мы обнаруживаем мультиплицирование черно-синих (или темно-серых) крестов от основания и до верхушки. «Кресты»

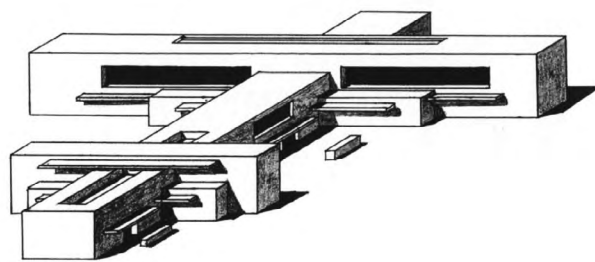

Рис. 13. Горизонтальная объемная архитектурная композиция «Аэроклуб». Аксонометрия. 1922-1924гг. Л. М. Хидекель

заполняют условный куб дуйсбургского «Дома художника» (пространственного сгустка), превращаясь из плоских элементов в объемные; при этом, оставаясь все в той же мондриановской бело-серо-желто-сине-красной гамме, светлосерые поверхности уступают место монотонным сеткам и перфорациям витражей. Аксонометрия показывает, что пространство дуйсбургского куба остается актуальным и неизменным, и в этом смысле – экстравертный захват окружающего пространства – как пространственный сценарий – все же не так очевиден – по сравнению с «интровертным построением сгустка» [15]. Таким образом, прищурив глаза, мы все же находим, что от исходной аксонометрии «сгустка» Дуйсбурга («Дом Художника» в пространстве условного куба) автор проекта

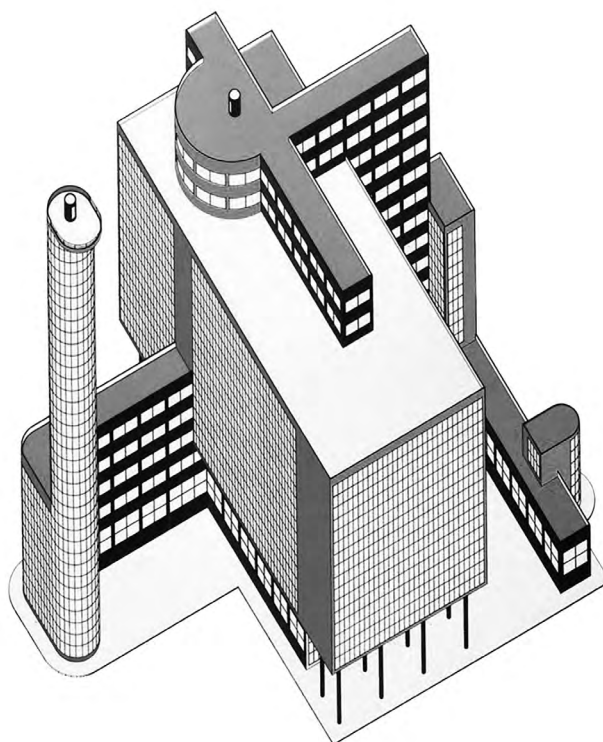

Рис. 14. «Axonometric project for Notre-Dame du Phari – church and religious centre», арх. Альберто Сарторис

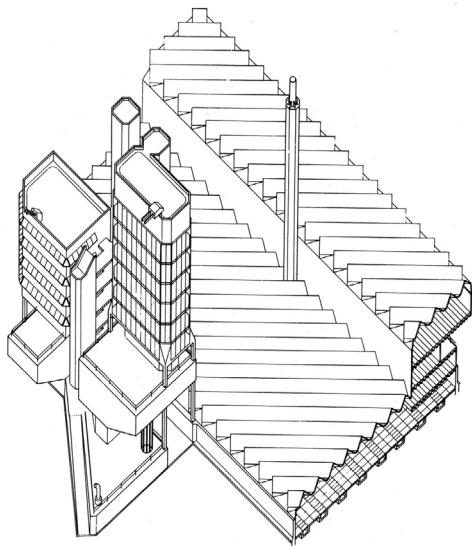

Рис. 15. Аксонометрия здания инженерного факультета
Лестерского университета в Великобритании, арх.
Д.Стирлинг, Д. Гоуэн

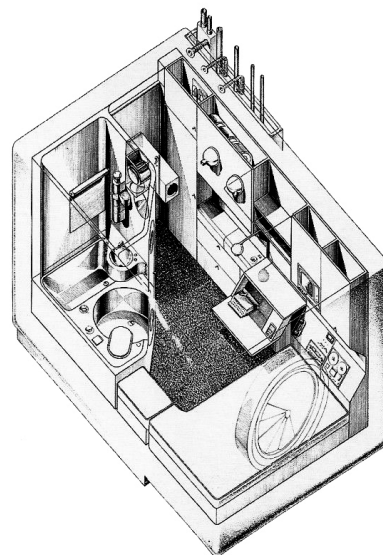

Рис. 16. Аксонометрия кабины для проекта «Дом
Накагин», арх. Кисё Курокава

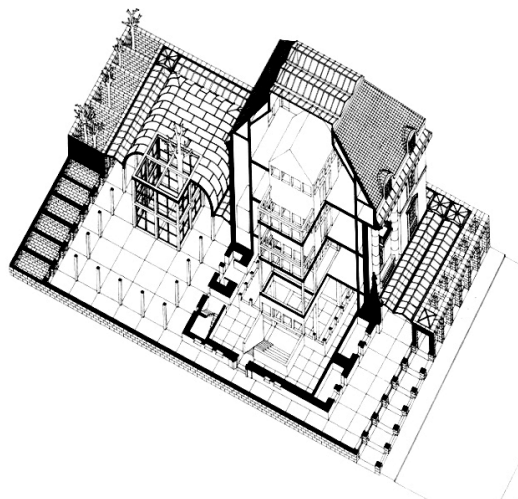

Рис. 17. Архитектурный музей во Франкфурте-на-Майне,
арх. О. М. Унгерс

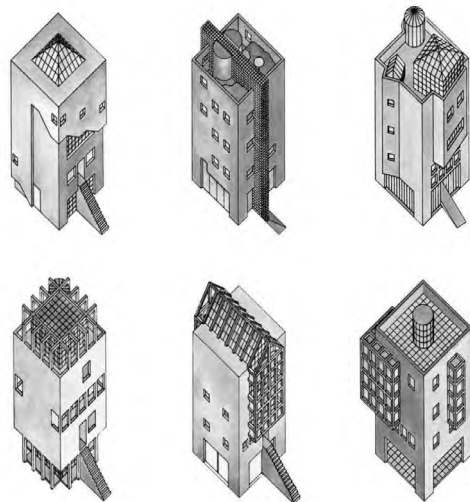

Рис. 18. Проект жилищного строительства,
Риттерштрассе Марбург, 1976г., арх. О. М. Унгерс

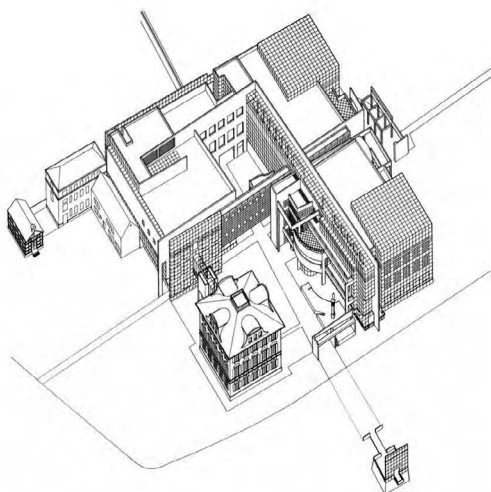

Рис. 19. Аксонометрии «Атенеум» в Нью-Хармони, США,
арх. Ричард Мейер

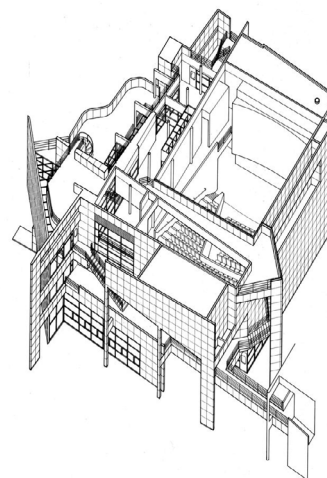

Рис. 20. Музей декоративного искусства во Франкфурте-
на-Майне, арх. Ричард Мейер

не продвинулся далеко: принятые «Де Стилем» коды формы сохранены, но при этом жанр аксонометрического представления, порождающего трехмерную пластику, сохранен и дополнен.

Замечательный опыт аксонометрического представления архитектурной формы наследует не только авангардные разработки Эль Лисицкого и Дуйсбурга, но и исторические прототипы этого жанра, в большей степени отражающие не столько задачи формального поиска, сколько идеи владения и устройства. К последним относятся аксонометрические изображения античной баллисты, или средневекового Нюрнберга. На протяжении XX века аксонометрию как метод, транслирующий задачи формального поиска, применяли Вальтер Гропиус, Александр Веснин, Ханнес Майер, Ле Корбюзье, Джеймс Стирлинг, Питер Эйзенман, и другие выдающиеся фигуры модернизма и постмодернизма.

В постмодернистской истории архитектуры следует отметить влияние аксонометрического моделирования на проект Джеймса Стирлинга и Джеймса Гоуэна – здание инженерного факультета Лестерского университета в Великобритании (1960-1963) (рис.15). «Романтизация техники, заявленная в Лестере, – резюмирует Иконников, – обратилась в фантасмагорический гротеск» [16]. Аксонометрия кабины для Дом «Накагин» (рис.16), архитектора Кисё Курокавы (1972) позволяет увидеть архитектурный объект как космический обитаемый агрегат. Наибольшего расцвета и высшего уровня эффективности в формировании архофункции аксонометрии достигают в постмодернистской практике Фрэнка Гери (офис фирмы «Тойота»), Бруно Райхлина и Фабио Рейнхарта («Каза Тони-ни»), Освальда Матиаса Унгерса (Архитектурный музей во Франкфурте-на-Майне) (рис.17), Роберта Крие (Шинкельплатц в Берлине), Ричарда Мейера («Атенеум» в Нью-Хармони, США и музей декоративного искусства во Франкфурте-на-Майне) (рис.19-20), Мико Хейкинена и Маркку Комонена (научный центр «Хеурека» в Хельсинки), Энтони Предока (центр искусств им. Нельсона в Аризоне) [16] и многих других архитекторов. Во всех этих работах мы смотрим на изображения объектов в ракурсе «сверху и сбоку», и тогда становится понятным, что авторы уже отказались от представления об объекте как о дискретном наборе фасадов, планов и крыши, а сумели представить объект как своего рода архипелаг, упакованный и бесконечный одновременно.

Рационально выведенные цветные и черно-белые, «кубоидные» аксонометрические чертежи в экспериментах и проектах Унгерса, ещё один яркий пример использования аксонометрий, как некоего инструмента для создания необычных, интересных форм и сценариев (рис.18).

Аксонометрия применяется также в аналитической работе, продемонстрированной Питером Айзенманом в иллюстрациях к книге «Десять канонических зданий». Айзенман в своей книге в качестве инструмента для анализа использует аксонометрические диаграммы, которые разрезаются поэтажно и трансформируются во взрыв-схемы. С помощью подобных изображений автор преследует цель обнаружить особенности архитектурного замысла этих зданий [17].

С помощью аксонометрии с вырезом (“sectional axonometry of main interior living spaces”) (рис.21) Квинси Джонс и Фредерик Эммонс в “Case House # 24” (1961, Лос Анджелес) насыщают условный абстрактный куб Дуйсбурга-Ритвельда сценами миролюбивого быта достаточно обеспеченной американской семьи («играют» Джек Леммон и Ширли Маклейн...). «Куб» воспроизводится в срезанном и вскрытом виде, явившись в образе «ящика» с прозрачными стенами – в духе всей программы “Case Study”. Зеленое окружение и скалистый рельеф образуют интегрированную оппозицию

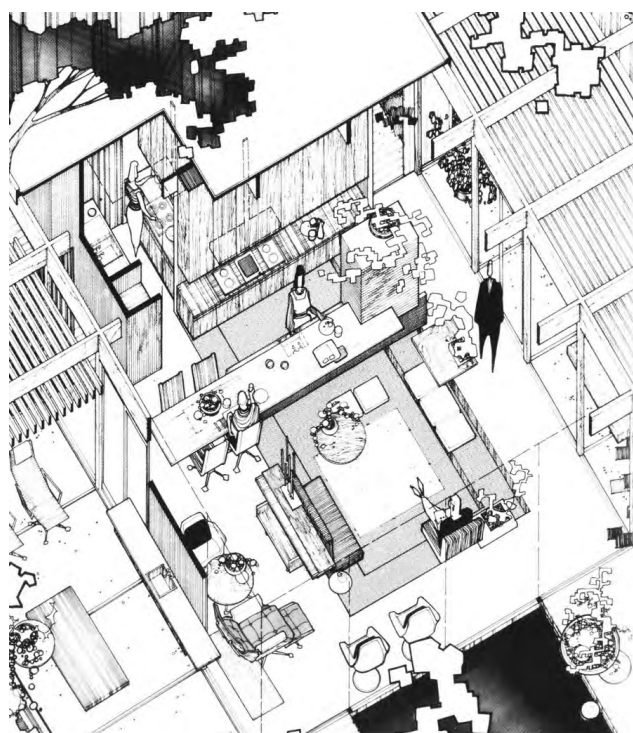

Рис. 21. «Sectional axonometry of main interior living spaces», арх. Квинси Джонс и Фредерик Эммонс

бесконечному геометрическому фракталу. Изображение детализировано на уровне ритмической сетки, материальных поверхностей, конструкций, вещей и субъектов, «оживляющих» происходящее: «Джека», «Ширли» и пары расслабившихся гостей, показанных, правда, весьма условно. Аксонометрия «ящика» имеет, скорее всего, не столько проектное, сколько демонстрационное происхождение и фактически оповещает о способе решения архитекторами двух задач: организации пространства и концепции интерьера гостиной [18].

Кампо Баеза – знаковая фигура современного «органического минимализма», архитектурный подход которого наследует световые, пластические и пространственные коды, предложенные Лоосом и Андо. Об этом упоминает Кеннет Фремптон в предисловии к изданию, посвященному мастеру [19]. При этом провозглашенная Баезой как бы слегка переосмысленная итерация знаменитого слогана Миса ван дер Роэ (“less is more”) в виде “Neo-Miesian manifesto, “Essentialism: More with Less” – становится в его работе своего рода «формулой Архитектуры Вне Времени». Архитектурное пространство для Баезы, как отмечает Коллет Хаузе, является «тишиной» и одновременно способом «сопротивления времени» [19]. Аксонометрические чертежи, приведенные в книге, проясняют «рациональную логику» объектов Баезы, пространства которых образуют визуальную «метафору сопротивления». Такими метафорами изображены проекции Gaspar House в провинции Кадис (рис.22) [19] («абсолютный квадрат» – объект без вещей), а также дома Гарсии Маркос в Вальде-моро, общественной школы “Drago”. Хотя в аксонометрии публичной библиотеки в Аликанте сюжетом изображения становится метафизическая

интерпретация площади в «тесном окружении стен». Хрупкость мироздания едва компенсируется комплексом создаваемых Баезой белоснежных «платонических тел-укрытий». Тишина – это пауза внутри фантазмагии происходящего. Аксонометрия Баезы – это крайне нежное тело. Соответственно, возникает вопрос: является аксонометрия Баезы способом передачи нежности, тишины и идеи «платонического укрытия»? И еще больше: методом размышления о подобных идеях?

Два современных архитектора, успешно работающие над сюжетом, связанным с интеграцией дома и природного склона, Лакруз Мигуенс Прати [20] и Джеймс Катлер [21], казалось бы, однозначно – не должны избежать аксонометрического моделирования просто по той причине, что природная форма, прежде всего, – это тело, рассматриваемое сверху и в ракурсе, что позволяет увеличить именно интеграционные мотивы – «элементы проникновения» в сложную природную морфологию. Однако, складывается впечатление, что Катлер, не применяющий аксонометрию как способ видения и репрезентации, в отличие от Прати, все же приходит к другому пониманию интеграции дома и природного окружения, чем это могло бы стать в случае, если бы аксонометрия вошла в его метод. Прати в доме “House in Maine” (рис.23) и в доме “House in Gorriti Street” [20] с помощью аксонометрии не просто переводит в свой замысел пространственную интригу «мисовского проуна» эпохи «Немецкого павильона», но и задает материальное вторжение веток «креста с эксцентриситетом» (КСЭ) в скульптурную пластику ландшафта. В подобной же ситуации Катлер избегает погружения объекта в рельеф, так как его пространственное видение формы происходит, в

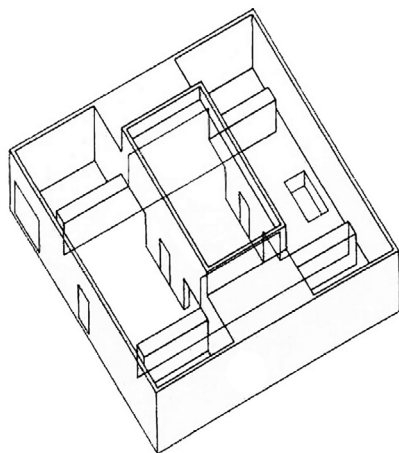

Рис. 22. Gaspar House в провинции Кадис, арх. Кампо Баеза

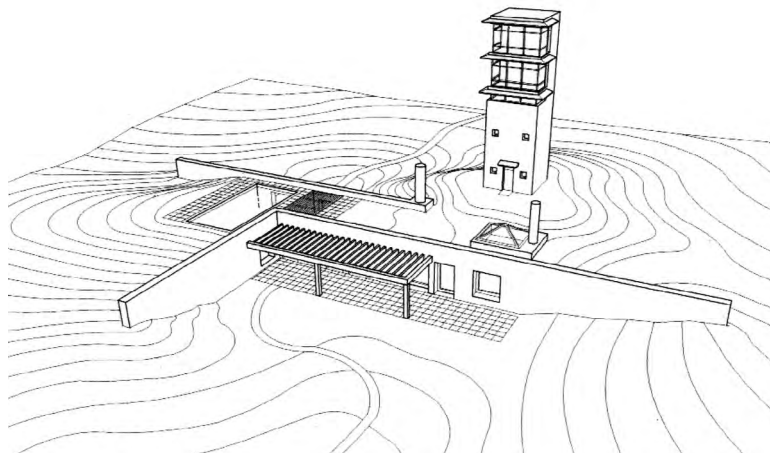

Рис. 23. House in Maine, арх. Лакруз Мигуенс Прати

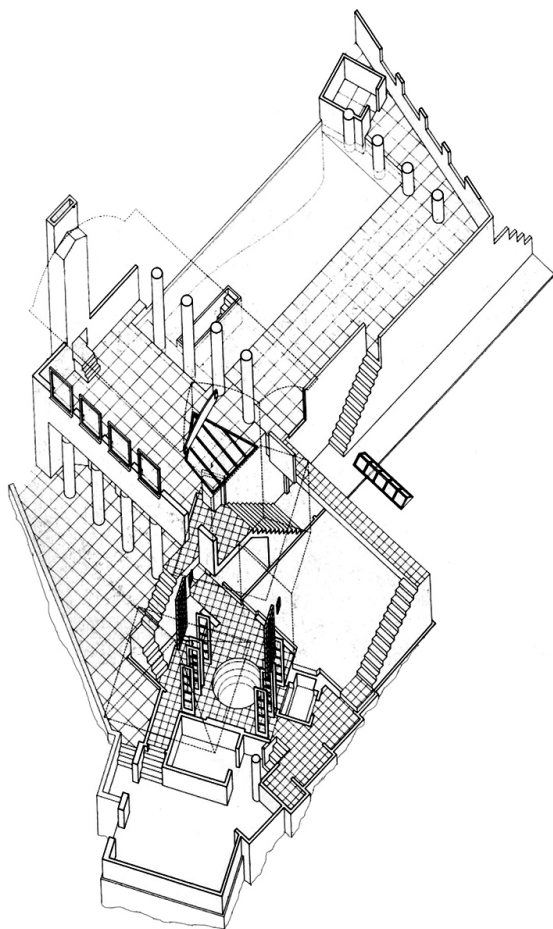

Рис. 24. Аксонометрия к проекту «Cohen Residence» группа «Morphosis»

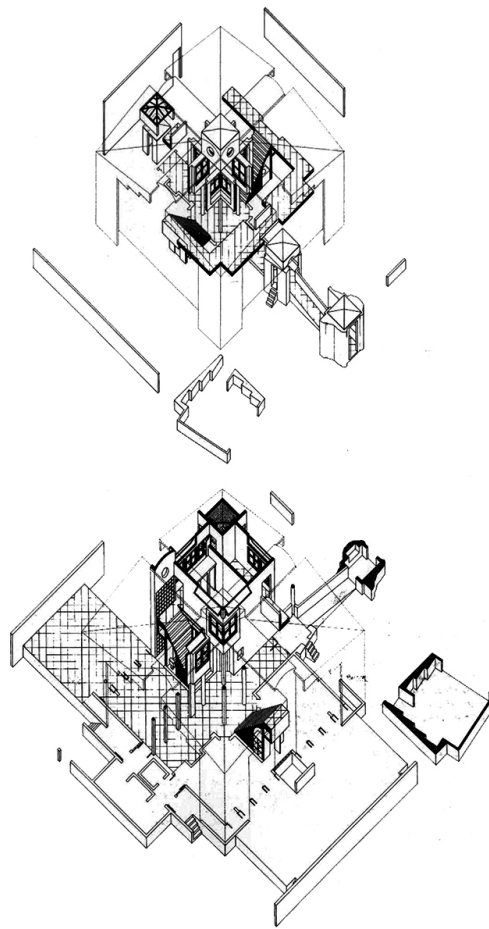

Рис. 25. Аксонометрии к проекту «Modebe House» группа «Morphosis»

большей степени, из лирических прорисовок разверток и перспектив [21].

Исключительную изысканность рассматриваемого жанра демонстрируют художественно-аналитические аксонометрии Тома Мэйна и Джорджа Рэнда, группа «Morphosis». Сквозная тема моделей, выполненных «Морфозисом» в 80-х - не здания как таковые, а особенная «архитектурная химия» (термин Питера Кука, написавшего предисловие к книге), основанная на столкновении самостоятельных сюжетов, своего рода «архитектурных диаграмм». (рис.24-25) «Классический город» (улица, площадь, базилика, городские ворота и стены) намеренно преобразуются в заброшенные руины космических станций или внутренности гигантских остановившихся моторов, или вымерших доисторических монстров.

Такой представлена художественная фабула аксонометрических проекций «Морфозиса», единых и расчлененных, всегда как будто серьезных, и выполненных так, будто Рэнд и Мэйн – участники научного форума, полемизирующие

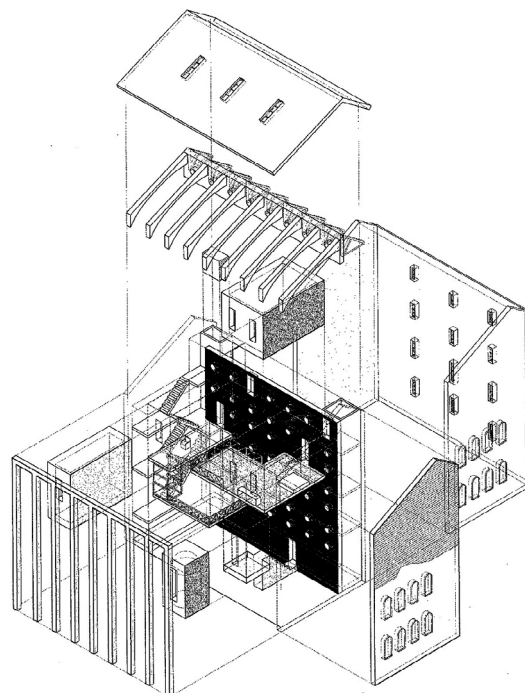

Рис. 26. «Палаццо Массимо Иори», авторы – Сергей Малахов и Евгения Репина, программа «Постпроект»

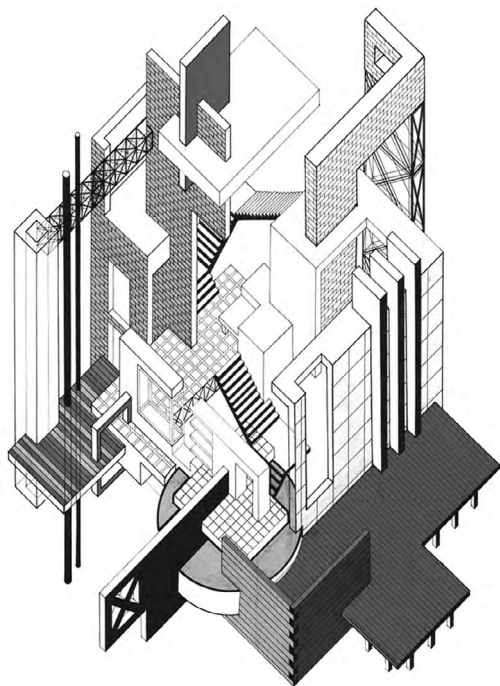

Рис. 27. «Кабинет Кена». Преобразование абстрактных плоскостей СФК в «архитектурную форму» с помощью визуализированных ссылок на конкретные конструкции и материалы. Автор модели – Кирилл Никонов

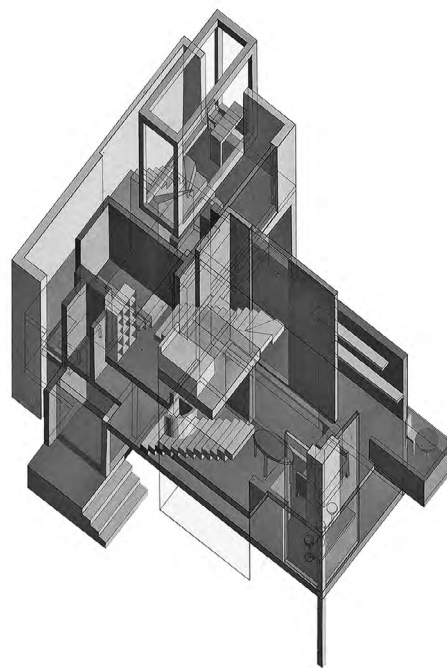

Рис. 28. «Дом-тетрис», внутренняя структура модуля. Обогащение пространственного сценария квартиры в результате отвлеченного ритмического моделирования с учетом заданных кодов. Автор модели – Скрынникова Елена

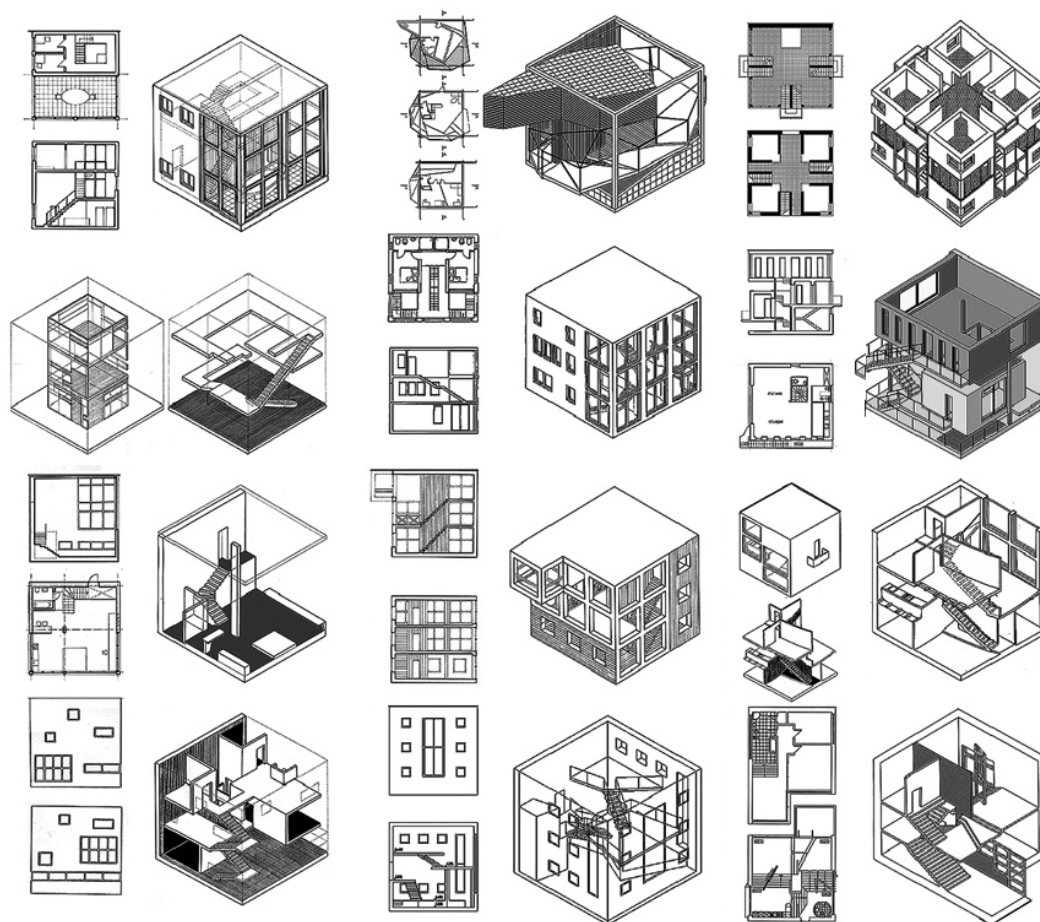

Рис. 29. Куб - квартира в проекте «US – House». Коллективный проект – группа 213, АФ. Руководители С.А. Малахов, Е.А. Репина. С участием М. С. Малахова

с Картером или Шуази. А на самом деле, они серьезные лос-анджелесские шутники, - таким, собственно, было то время [22]. Интерес заключался именно в ироничном содержании при внешне серьезной форме.

В подобном жанре иронии выполнена аксонометрия модели «Дом-Город» (Проект «Архетипы на Полке», авторы Сергей Малахов и Евгения Репина) (рис.30) и к проекту «Палаццо Массимо Иори» (авторы – Сергей Малахов и Евгения Репина, программа «Постпроект») (рис.26), - интрига которого заключалась в совмещении архитектурного и кинематографического пространства. Поэтому аксонометрия разыгрывает «сюжет аксонометрии» как образ аналитического разбора «химических составляющих» сложной смеси сценарных «веществ» (автор чертежа – Лидия Колоярская). Слои объекта представлены как самостоятельные эпизоды сценария, соединение которых одновременно выявит нечто целое и простое, но с намеком на драматическое прочтение архитектурного палимпсеста.

Использование аксонометрической проекции в создании объекта опробовалось в студенческих проектах, таких как «Дом Барби и Кена» (рис.27) [23], «US – House» (рис.29) [23], «Дом-тетрис» (рис.28).

В данных проектах аксонометрия позволяла связать внутреннее пространство объекта с его оболочкой и конструктивными особенностями,

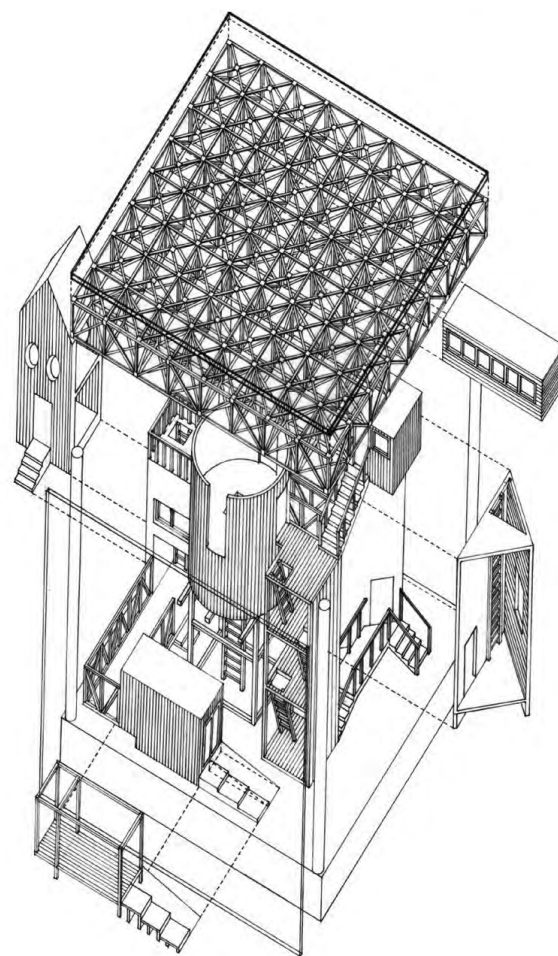

Рис. 30. Аксонометрия к модели «Дом-Город» (Проект «Архетипы на Полке», авторы Сергей Малахов и Евгения Репина)

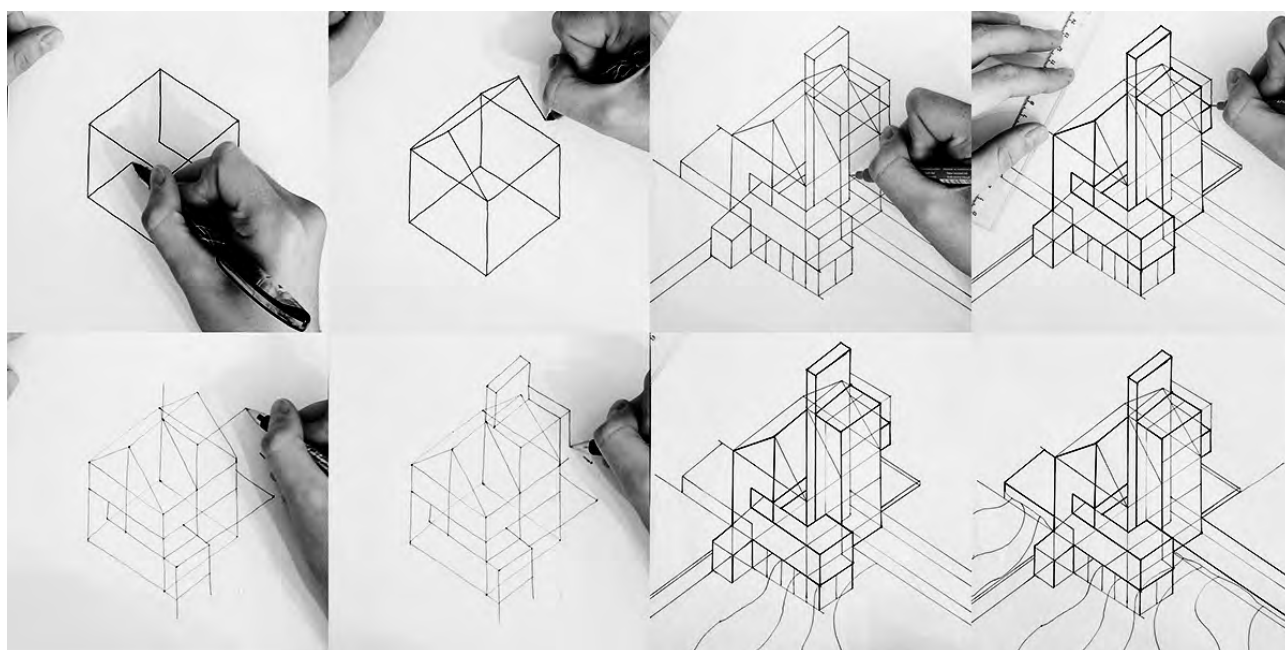

Рис. 31. Использование аксонометрии при поисковом моделировании позволяет одновременно отобразить внешний вид объекта, его внутреннюю структуру, а также выявить взаимосвязь между внутренней структурой, оболочкой, и окружающей средой, тем самым создавая более целостную архитектурную систему

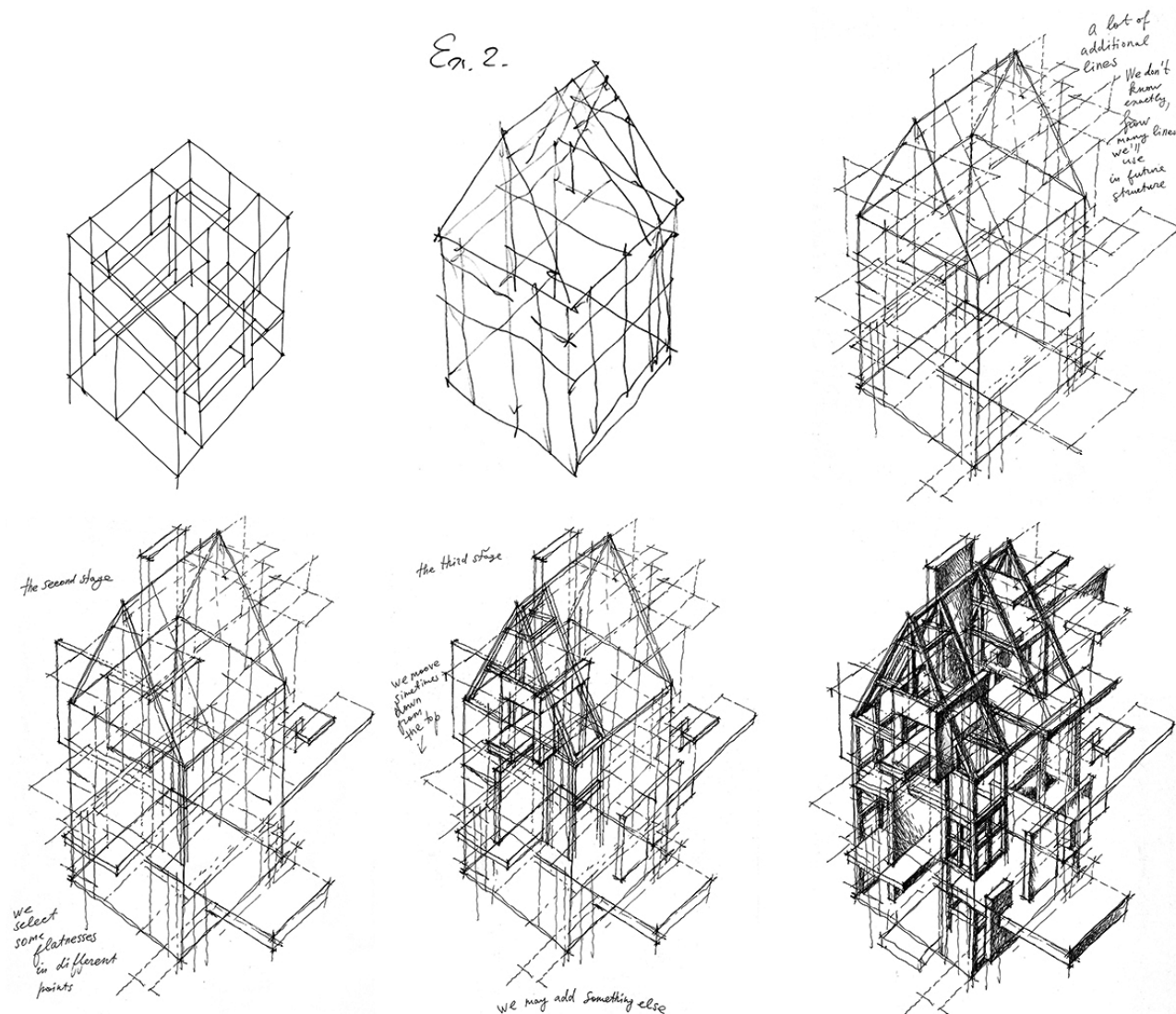

Рис. 32. Упражнение с преобразованием ритмического куба в СФК и объект наглядно демонстрирует серия аксонометрических моделей, зафиксированных на нескольких этапах преобразования куба

тем самым концентрируясь на общей композиционной целостности. В проекте «Дом Барби и Кена» общий ритмический характер композиции порождается при помощи конструктивных элементов, вещей и различных материалов [23].

Работа с аксонометрией во многом позволяет преобразовать стандартный алгоритм проектирования архитектурной формы. Если в стандартном алгоритме мы просто поэтажно транслируем план, то в аксонометрии мы проникаем взглядом во все уровни, тем самым предсказывая дальнейшее развитие пространства во всех его проекциях. Мы концентрируемся на взаимосвязи всех проекций. Аксонометрия даёт возможность заглянуть в самую глубину объекта, при этом мы контролируем целостность модели и ее транспарентность

(прозрачность), как физическую, так и подразумеваемую, используя в эскизах, например, различную толщину линий.

В ряде учебных и проектных экспериментов разворачивается картина эффективного применения аксонометрических проекций в интересах усиления сценария архофункции. Таковыми представляются модели преобразования исходного ритмического куба (рис. 31, 32), а также эскиз жилого дома «Джонни-хаус», выполненный в рамках разработки концепции экологического поселения «Дэй Гилберт» (рис.33).

Суммируя проведенный анализ применения аксонометрической проекции в концептуальном и практическом проектном процессе, отметим следующие основные положения:

Рис. 33. Аксонометрический эскиз к проекту жилого дома «Джонни-Хаус» в экологическом поселении «Дэй Гилберт» демонстрирует процесс насыщения формы жилого модуля необходимыми функциональными элементами

1) аксонометрия является эффективным методом разработки проектного решения в условиях доминирования формального эксперимента над функциональным программированием объекта; 2) историческими преимуществами аксонометрии являлись такие факторы как достоверность изображения и «мыслимый контент» (неоптическая традиция, «внутренний глаз»); 3) в эпоху авангарда в силу многочисленных художественных экспериментов на основе синтеза методов искусства и архитектуры аксонометрия приобрела самостоятельную архитектурную реальность, позволяющую выстраивать богатый архитектурный сценарий (архифункцию), преисполненный духом пространственного и метафизического приключения; 4) современное применение аксонометрии особенно эффективно при создании поисковых моделей архитектурной формы за счет подвижного и развивающегося во времени контакта ритмического куба, графической сетки, инвариантных кодов, интерпретируемых прототипов, ассоциативных сценариев, пластических метаморфоз, бинарной оппозиции внутреннего построения («города») с внешней оболочкой («домом») с последующим переходом к конструкциям, материалам и оборудованию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Colquhoun, Alan. Collected essays in architectural criticism. Introduction by Kenneth Frampton. Black Dog Publishing. London. UK. 2009.
- Panofsky, Erwin, Die Perspektive Als Symbolische Form, 1924-1925.
- Раушенбах Б.В. Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы
- Шуази, Огюст. История архитектуры. Изд.-во «Академия», М.: 1937.
- Малахов С.А. Композиционный метод как эксперимент по возникновению новой функции и нового языка // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура, 2012, №4 (8), С. 48-52.
- Bois, «Lissitzky, Malevich and Questions of Space».
- El Lissitzky, «K und Pangeometrie», in Europa Almanach, Potsdam, 1925.
- Эль Лисицкий «Проуны». Proun-mappe. Москва. Уновис, 1921.
- Бугаев С. С. От подражания к воплощению свободных символов. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bugaeff.ru/domashnij-muzej/ot-podrazhaniya-k-voploshheniyu-svobodnyx-simvolov/> (дата обращения: 15.03.2019).
- Хан-Магомедов С.О. Николай Ладовский. М.: Архитектура-С., 2007., 88 стр.
- Хан-Магомедов С.О. Илья Голосов. М.: Архитектура-С., 2007., 104 стр.
- Хан-Магомедов С.О. Иван Николаев. М.: Фонд «Русский авангард», 2008. 180 стр.
- Хан-Магомедов С.О. Моисей Гинзбург. М.: Архитектура-С., 2007., 136 стр.
- Хан-Магомедов С.О. Лазарь Хидекель. М.: Фонд «Русский авангард», 2008. 130 стр.
- Frampton, Kenneth. Modern Architecture. A Critical History. Thames and Hudson, 1996, 376p.
- Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Издание в двух томах Том II. М.: Прогресс-Традиция, 2002 -672 с.
- Eisenman, Peter. Ten Canonical Buildings, 1950-2000. Rizzoli. 2008.
- Smith, Elizabeth A.T. Case Study Houses. 1945-1966. The California Impetus. Taschen, 2006, 96 с.
- Campo Baeza. Rockport Publishers, 1997, 132 с.
- Prati, Lacroze Miguénos. Ten houses. Edited by Oscar Riera Ojeda. Rockport Publishers, 1997, 108 с.
- James Cutler. Rockport Publishers, 1997, 132 стр. 136.
- Cook, Peter; Rand, George. Morphosis. Rizzoli, NY, 1989, 240 p.
- Малахов С.А., Репина Е.А. Учебная мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной. 1999-2014. Екатеринбург, "TATLIN", 2014

REFERENCES

- Colquhoun, Alan. Collected essays in architectural criticism. Introduction by Kenneth Frampton. Black Dog Publishing. London UK 2009.
- Panofsky, Erwin, Die Perspektive Als Symbolische Form, 1924-1925.
- Rauschenbach B.V. Systems perspectives in the visual arts. General Perspective Theory.
- Choisy, Auguste. The history of architecture. Publishing House «Academy», M.: 1937.
- Malakhov S.A. Compositional method as an experiment in the emergence of a new function and a new language. Vestnik SGASU. Town planning and Architecture, 2012, No.4 (8), pp. 48-52.
- Bois, «Lissitzky, Malevich and Questions of Space».
- El Lissitzky, «K und Pangeometrie», in Europa Almanach, Potsdam, 1925.
- El Lissitzky «Prouny». Proun-mappe. Moscow. UNOVIS, 1921.
- S. Bugaev. From imitation to the embodiment of free symbols. [Electronic resource.] - Access mode: <http://bugaeff.ru/domashnij-muzej/ot-podrazhaniya-k-voploshheniyu-svobodnyx-simvolov/> (appeal date: 03/15/2019).
- Khan-Magomedov S.O. Nikolay Ladovsky. M.: Architecture. -S., 2007, 88 p.
- Khan-Magomedov S.O. Ilya Golosov. M.: Architecture. -S., 2007, 104 pages.
- Khan-Magomedov S.O. Ivan Nikolaev. M.: Russian

Avant-garde Foundation, 2008, 180 pages.

13. Khan-Magomedov S.O. Moisei Ginzburg. M.: Architecture. -S., 2007, 136 pages.

14. Khan-Magomedov S.O. Lazar Khidekel. M.: Russian Avant-garde Foundation, 2008, 130 pp.

15. Frampton, Kenneth. Modern Architecture. A Critical History. Thames and Hudson, 1996, 376 p.

16. Ikonnikov A.V. The architecture of the XX century. Utopia and reality. Edition in two volumes Volume II. M.: Progress-Tradition, 2002 -672 p.

17. Eisenman, Peter. Ten Canonical Buildings, 1950-2000. Rizzoli. 2008.

18. Smith, Elizabeth A.T. Case study houses. 1945-1966. The California Impetus. Taschen, 2006, 96 pp.

19. Campo Baeza. Rockport Publishers, 1997, 132 pp.

20. Prati, Lacroze Miguenos. Ten houses. Edited by Oscar Riera Ojeda. Rockport Publishers, 1997, 108 pp.

21. James Cutler. Rockport Publishers, 1997, 132 p. 136 p.

22. Cook, Peter; Rand, George. Morphosis. Rizzoli, NY 1989, 240 p.

23. Malakhov S.A., Repina E.A. Training workshop of Sergey Malakhov and Evgenia Repina. 1999 - 2014. Ekaterinburg, "TATLIN", 2014.

Для ссылок: Малахов С.А., Боранов С.С. Аксонометрия как метод архитектурного формообразования // Innovative project. 2017. Т.2, №3. С. 66-85. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.8

For references: Malakhov S.A., Boranov S.S. Axonometry as a method of architectural forming. Innovative project. 2017. Vol.2, No.3. pp. 66-85. DOI: 10.17673/IP.2017.2.02.8

Базина Анна Николаевна, Репина Евгения Александровна
Самарский государственный технический университет
Bazina Anna, Repina Evgenia
Samara State Technical University

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА В УЧЕБНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ PHENOMENOLOGICAL ARCHITECTURE IN DESIGN TEACHING

Безликость современной российской городской среды отчасти объясняется тем, что архитекторы и дизайнеры не владеют методами создания гармоничного образа, способного вызывать отклик. Для понимания методологии проектирования гуманной среды, образы которой дают человеку чувствовать свою связь с миром, авторы исследуют феноменологическую архитектуру. Данное направление объясняется тем, что именно такая архитектура среди всех современных подходов осознанно оперирует категориями образа. Результаты исследования способствовали созданию теоретической модели источников феноменологической архитектуры. На основе модели разработана методика, направленная на развитие у проектировщиков навыков необходимых для феноменологического проектирования. В статье так же представлены результаты применения методики в учебном проектировании.

Anonymity of modern Russian urban design partly stems from the fact that architects and designers are not familiar with methods of creating a harmonious image that resonate with audience. The authors of the article focus on studying phenomenological architectural approach for better understanding of methodology applicable for designing human-oriented environment which will let people feel their connection with the world around. This approach to architecture design stands out among others as it consciously handles image categories. The study results enable the authors to create a theoretical model of sources of phenomenological architecture. This model is used as a basis for teaching approach focused on developing skills that are necessary for phenomenological urban design. The article also shows the results of practical application the abovementioned teaching approach.

Ключевые слова: феноменология, феноменологическая архитектура, чувственная архитектура, субъективное, тело, подлинность

Keywords: phenomenology, phenomenological architecture, sensual architecture, subjective, body, authenticity

Современная российская городская среда в большинстве случаев является безликой и скучной, здания не имеют образа, не несут никакого смыслового сообщения. На это влияют не только быстрые сроки проектирования и желание девелоперов снизить себестоимость с целью повышения прибыли, но и отчасти слишком рационалистический подход архитекторов. Проектировщики либо не думают об образе будущего здания, либо не владеют методами создания гармоничного образа, способного вызывать отклик.

Такие методы следует искать в феноменологической архитектуре, так как именно она среди всех современных подходов осознанно оперирует категориями образа. Её образы укоренены в экзистенциальном опыте человека и уникальных качествах места. Такая архитектура находит отклик у людей, так как апеллирует к значимым человеческим ценностям. Среди зарубежных образцов - это подходы Стивена Холла и Питера Цумтора. Юхани Палласма определяет их как современных практиков

феноменологии. В России к ним можно отнести Евгения Асса, Александра Бродского, мастерскую Сергея Малахова и Евгении Репиной.

В учебном процессе необходимо уделить особое внимание изучению феноменологической архитектуры, выявить принципы проектирования, определить основы. Это важно для понимания методологии проектирования гуманной среды, образы которой дают человеку чувствовать свою связь с миром.

ТРИ ИСТОЧНИКА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

На основе изученных теоретических трудов исследователей и практиков феноменологии было выявлено, что феноменологическая архитектура базируется на трёх составляющих: субъективном опыте автора, объективных качествах средового контекста и искусстве (рис. 1) [1, 2, 3, 4, 5]. Субъективный опыт относится к внутренним факторам личности автора. Объективные

качества средового контекста связаны с внешними факторами – природными, географическими, культурными, социальными предпосылками. Искусство относится как к внутренним факторам, так и к внешним.

С.А. Малахов в диссертации «Композиционный метод архитектурного проектирования» в пространстве поисковой модели выделяет несколько типов реальности, которые обуславливают детерминацию формы архитектурного объекта: физическое пространство проектной модели или реальность телесно-чувственного опыта; собственную реальность автора; реальность культурного пространства. Все эти пространства образуют Большую Реальность, то есть пространство реализации элементов модели. Отдельно обозначено пространство трансцендентной реальности [4].

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОПЫТ

Альберто Перез-Гомес, теоретик архитектуры, сторонник феноменологического подхода, пишет, что именно субъективное «я» архитектора, его личная интерпретация окружающей действительности, пропущенной через собственное поле представлений и убеждений, позволяет рождать поэтические произведения архитектуры как ответ на вопрос о достойном обитании. В этом процессе важную роль играет воображение [2]. Юхани Палласмаа представляет архитектуру как философское осмысление человеческого бытия [5, с. 129], как особый вид художественного мышления, которое в свою очередь подразумевает внутреннее чувственное понимание жизни, состоящее из восприятия, памяти и мечты [5, с. 131].

Теоретик архитектуры Адам Шарп отмечает, что в основе проектирования Питера Цумтора лежат не абстрактные идеи, статистические данные и тому подобное, а его личный жизненный опыт, воспоминания и ассоциации [6]. Цумтор, создавая атмосферу будущего места, отталкивается от образов и настроений из воспоминаний, однако интерпретирует их по-новому [7, с. 8]. Важную роль в этом процессе играет интуиция и личные ощущения: «Когда я позволяю объективному течению процесса проектирования быть сбитым с курса субъективными и необдуманно идеями, я допускаю важность личных ощущений в моей работе» [8, с. 18].

Воспоминания и жизненный опыт составляют основу архитектуры Александра Бродского, поэтому образы её кажутся близкими и знакомыми. Он говорит, что в своих произведениях пытается

повторить ощущение, вызванное в детстве анонимной архитектурой подмосковного посёлка, расположенного рядом с дачей его семьи [9].

Стивен Холл, как и Цумтор, использует интуицию в своей работе. Рисование акварелей для него является интуитивным актом поиска пространственных и концептуальных идей. В этом процессе Холл отмечает важность связи руки и мысли [10]. Юхани Палласмаа пишет, что в процессе рисования цепочка «рука-глаз-мысль» образуется наиболее естественно, позволяя подключить воображение и представить проектируемое пространство, его образ как материальную реальность, доступную всем органам чувств [5, с. 66].

Сергей Малахов, разделяя идеи Палласмаа, подчеркивает необходимость телесного переживания будущего объекта для создания гармоничного чувственного образа. На начальной стадии проектирования он использует модели телесно-пластического образа, создание которых основывается на интерпретации «опыта тела», тактильном контакте с материалом модели, пластических приемах формообразования и чувственных оценках взаимодействия объекта и окружения [11].

В проекте «Русские дачи: пространство, люди, ритуал» (2006) студенты под руководством Репиной, Малахова и голландского художника Еруна Бодевица после тщательного дневникового исследования дачного феномена создавали объект-скульптуру, в которой в ассоциативном порядке сочетались субъективные переживания, полученные как во время исследования, так и в течение всей жизни. На основе этой скульптуры создавались проекты загородного дома [12].

Опора на личный экзистенциальный опыт авторами феноменологической архитектуры помогает создавать поэтические архитектурные образы, вызывающие воспоминания и ассоциации, транслирующие смыслы понятные большинству людей даже на уровне чувств, вне зависимости от их интеллектуального развития или социальной принадлежности. Субъективный опыт может включать в себя пространственные переживания, воспоминания, интуицию, воображение, игру, телесно-чувственную рефлексия, бессознательное, сны, мечты.

ОБЪЕКТИВНЫЕ КАЧЕСТВА СРЕДОВОГО КОНТЕКСТА

Личность автора и окружающий мир тесно связаны в феноменологической архитектуре.

А продукт творчества архитектора, по мнению Палласмаа, содержит в себе одновременно и то и другое, и в конечном счёте является выражением внешнего мира, воспринятого и пропущенного через себя [5]. Под «объективными» условиями, подразумевается внешний мир, объективная реальность.

В феноменологии среда понимается как целостность, состоящая из природного, культурного, социального, архетипического и других слоёв, которая проявляется в «пространстве жизненного опыта» человека. Архитектор выявляет скрытые смыслы, особенности и качества среды, отражает их в объекте проектирования. Таким образом он высказывает своё понимание мира на языке архитектуры – конструкции, материала, формы, ритма т.д.

В феноменологической архитектуре существует особое отношение к месту и контексту, которое основывается на философской концепции «обитания» Мартина Хайдеггера. Архитекторы пытаются проникнуть в культурную и духовную ауру места, подчеркнуть его уникальность, придать ему индивидуальное и современное значение. Используя естественный свет, фактуру материала, свойства воды они создают пространства, повышающие чувство обитания и связи с окружающим миром во всех слоях. Работа с внешними «объективными» условиями подробно рассмотрена в статье А. Базиной «Аспекты феноменологического подхода в архитектурном проектировании и дизайне среды» [13].

ИСКУССТВО

«Искусство» представляет собой действительность, отражённую в художественных образах других авторов, и его источником также является внутренний мир автора. Искусство вдохновляет, способствует пониманию мира и подсказывает приёмы художественного выражения восприятия реальности. Феноменологическая архитектура не только учитывает существующий культурный контекст, но и сама его производит. Художественный образ архитектурного объекта, заложенные в него смыслы и символы, становятся частью культурного пространства.

Стивен Холл использует музыкальную композицию как основу для проекта Дом Стретто. Он выражает контраст тяжелых бетонных блоков и легких конструкций крыш по аналогии с тяжелыми ударными и лёгкими струнными партиями композиции Белы Бартока. Он пишет, что музыка

Бартока обрела материальность через выражение её архитектурными средствами. Такое сочетание тяжелой и легкой тектонических концепций направлено на слияние ландшафта с архитектурой. «Дом струится как ручей», - пишет Холл [14].

Питер Цумтор в книге «Думающая архитектура» проводит параллель между музыкой и архитектурой, он считает, что современная архитектура должна соответствовать современной музыке [7, с. 12]. Что касается других видов искусств, то Цумтор вдохновляется работой с материалами Йозефа Бойса и художников течения Арте Повера (итал. Arte Povera — бедное искусство): «Что впечатляет в их работе, так это точный и чувственный способ использования материала. Элементарные знания об использовании материалов человеком кажутся укорененными в древности, сама их сущность лежит вне всякого культурного контекста» [7, с. 10].

Архитектура Бродского берёт своё начало в его деятельности как современного художника. Ему удаётся мыслить одновременно и как архитектору и как художнику, вследствие этого его язык обладает особой поэтичностью. Евгений Асс пишет: «Бродского ведёт интуиция художника – его пространственные и пластические идеи принадлежат скорее сфере современного искусства, чем архитектуры. Прежде всего благодаря бескомпромиссности высказывания, свежести образного языка, свободе обращения с материалом» [15, с. 73].

МЕТОДИКА РАБОТЫ С ТРЕМЯ ИСТОЧНИКАМИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В результате проведённого исследования создана теоретическая модель источников феноменологической архитектуры, представленная в виде диаграммы на рисунке 1. Источники разделены на три типа:

- связанные с субъективным опытом автора, включают в себя телесно-чувственную рефлексию, пространственные переживания, интуицию, проявления бессознательного, воспоминания, сны, мечты и т.д.;
- связанные с объективными качествами средового контекста - природные, географические, культурные, социальные предпосылки;
- связанные с искусством, которое представляет собой произведения других авторов как источник вдохновения; общекультурную сферу, частью которой является проект; художественно-поэтическое осмысление реальности как часть проектного процесса.

Рис. 1. Источники феноменологической архитектуры

На основе теоретической модели разработана методика, направленная на развитие у студентов навыков необходимых для феноменологического проектирования:

- применения чувственного опыта;
- опоры на внутренние духовные идеалы и ценности;
- использования техник, основанных на интуиции;
- создания объектов как части целостной среды;
- понимания специфики места;

- представления архитектурного проекта как части общекультурной сферы;
- художественного осмысления реальности.

Работа с субъективным опытом начинается с личной идентификации. Перед студентом ставится задача обнаружить миф, отражающий его как личность. Подразумевается, что молодому человеку, находящемуся в начале жизненного пути ещё сложно идентифицировать себя как полноценную личность и миф в данном случае является своего

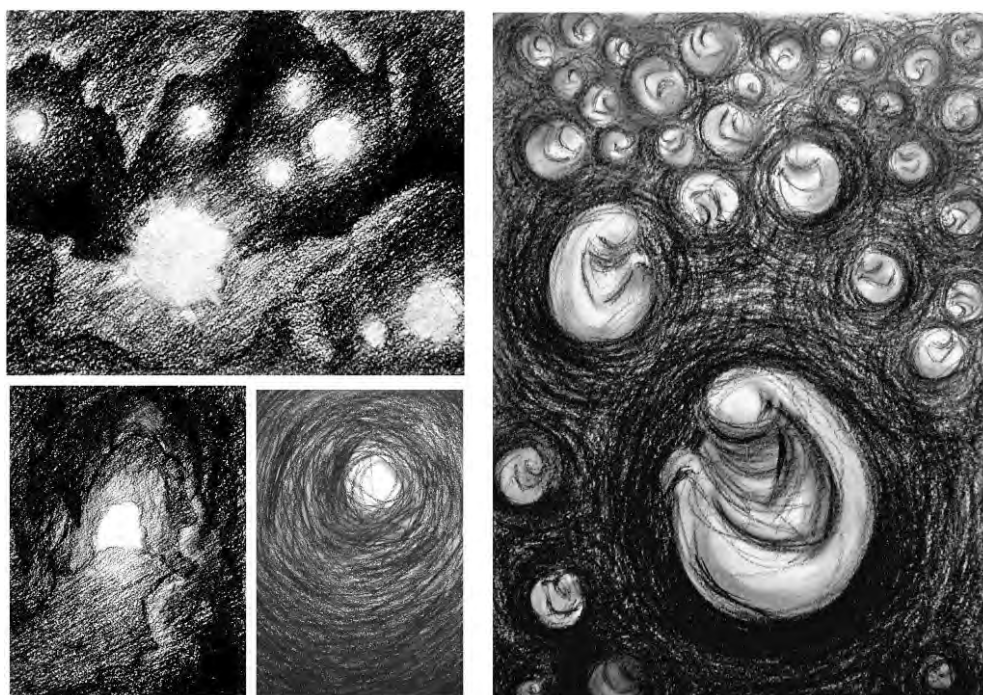

Рис. 2. Упражнение «Миф», Дарья Пожидаева

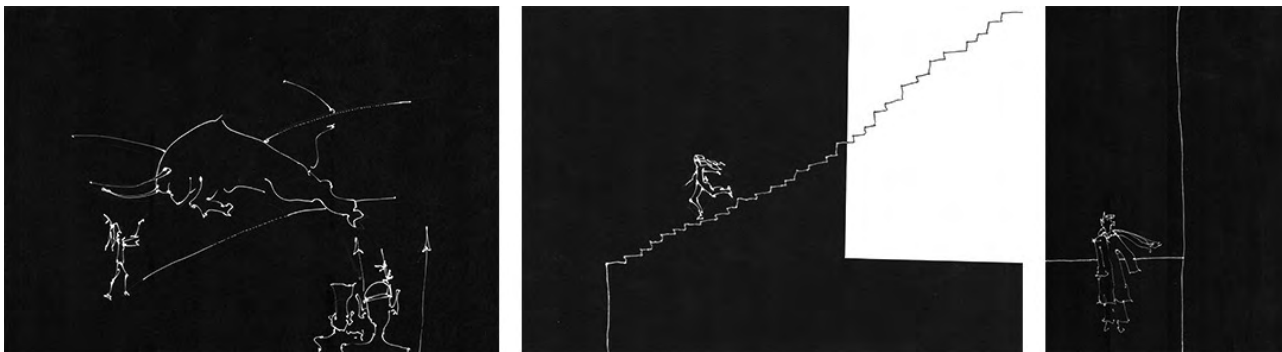

Рис. 3. Упражнение «Сны», Алсу Махмудова

рода полигоном, на котором отрабатываются различные сюжеты внутренней драмы. Так же миф, содержащий по Юнгу определённый архетип, является связующим звеном с коллективным бессознательным. Идентификация себя с архетипом помогает индивидуализации личности, пониманию собственных ценностей и идеалов. Затем студент пространство мифа, являющееся представлением реальности в виде символов, переводит в архитектурное. Таким образом, он учится воплощать личные ценности в проектной форме.

Некоторые техники работы с бессознательным заимствованы у сюрреалистов – автоматическое письмо, обращение к снам. Студенты зарисовывают атмосферу своих снов, пытаются выразить ощущения с помощью графических техник. Данные упражнения помогают учиться прислушиваться к бессознательному, интуитивному, мистическому, без чего не может быть по-настоящему творческого процесса.

В упражнении «Детство» студенты выполняют серию рисунков и рассказов воспоминаний из детства. Используя графические техники, они выражают свои детские ощущения, состояние природы, звуки, запахи и т.д. Цель данного упражнения - научиться переходить с рационального на феноменологический уровень восприятия реальности. Известно, что в детстве особенно сильно чувственное восприятие, которое во взрослом со-

стоянии подавляется мышлением.

Также студенты делают попытку почувствовать и передать макетными средствами феноменологию элементов архитектурного словаря – стены, окна, двери и т.д. Обозначенные элементы являются «кирпичиками» профессионального языка. Важно переосмыслить их чувственно, чтобы в проектной практике оперировать не только их ментальными значениями, но и чувственными образами.

Серия упражнений по работе с субъективным опытом, позволяет студентам развивать способность образного переживания реальности, прислушаться к своим ощущениям, чувствам, проявлениям бессознательного, воплощать субъективный опыт в проектной форме. В целом данные упражнения способствуют реабилитации роли телесно-овеществлённой личности автора в проектном сознании.

Методика работы с объективными качествами средового контекста направлена на восстановление связи природы и человека, развитие целостного восприятия среды. Это имеет значение для проектирования объектов, взаимосвязанных со своим окружением, отражающих специфику территории. Данная методика представлена в виде предпроектного исследования места. Студентам предлагается почувствовать его атмосферу, сосредоточиться на качественных характеристиках, включая материал, цвет, свет и т.д. В основе

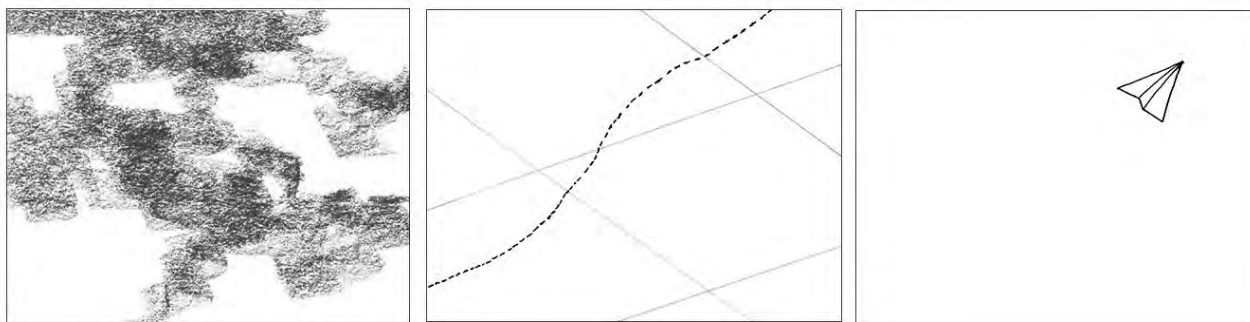

Рис. 4. Упражнение «Детство», Данил Титов

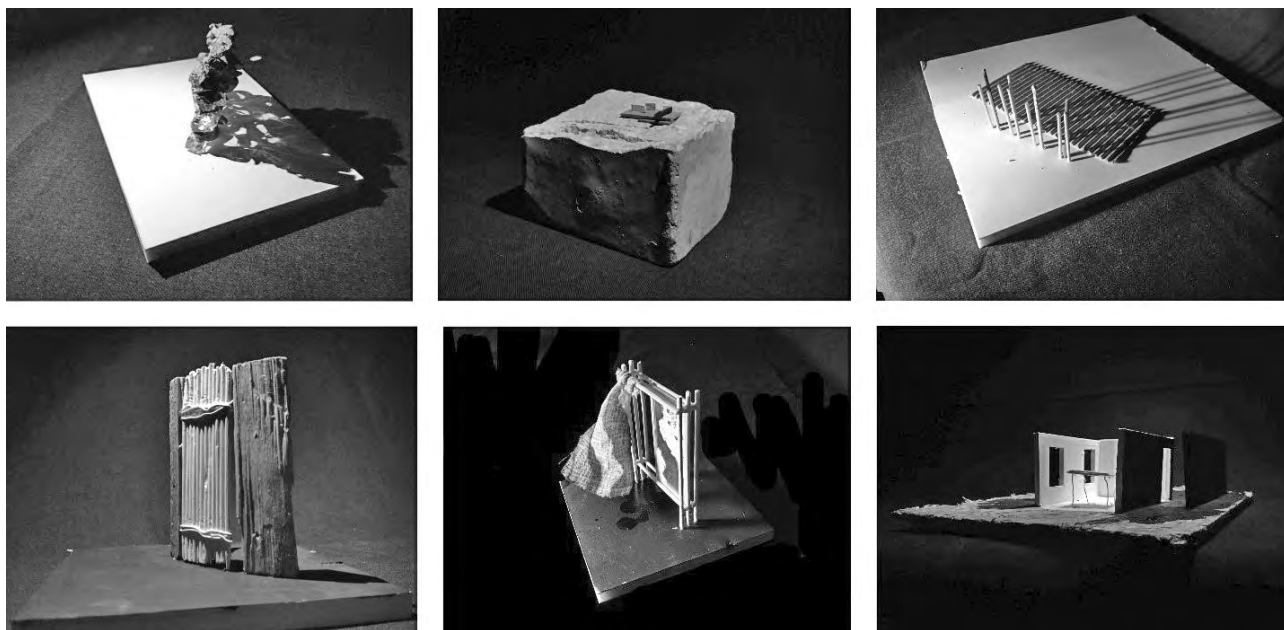

Рис. 5. Упражнение «Феноменология элементов архитектурного словаря», Данил Титов

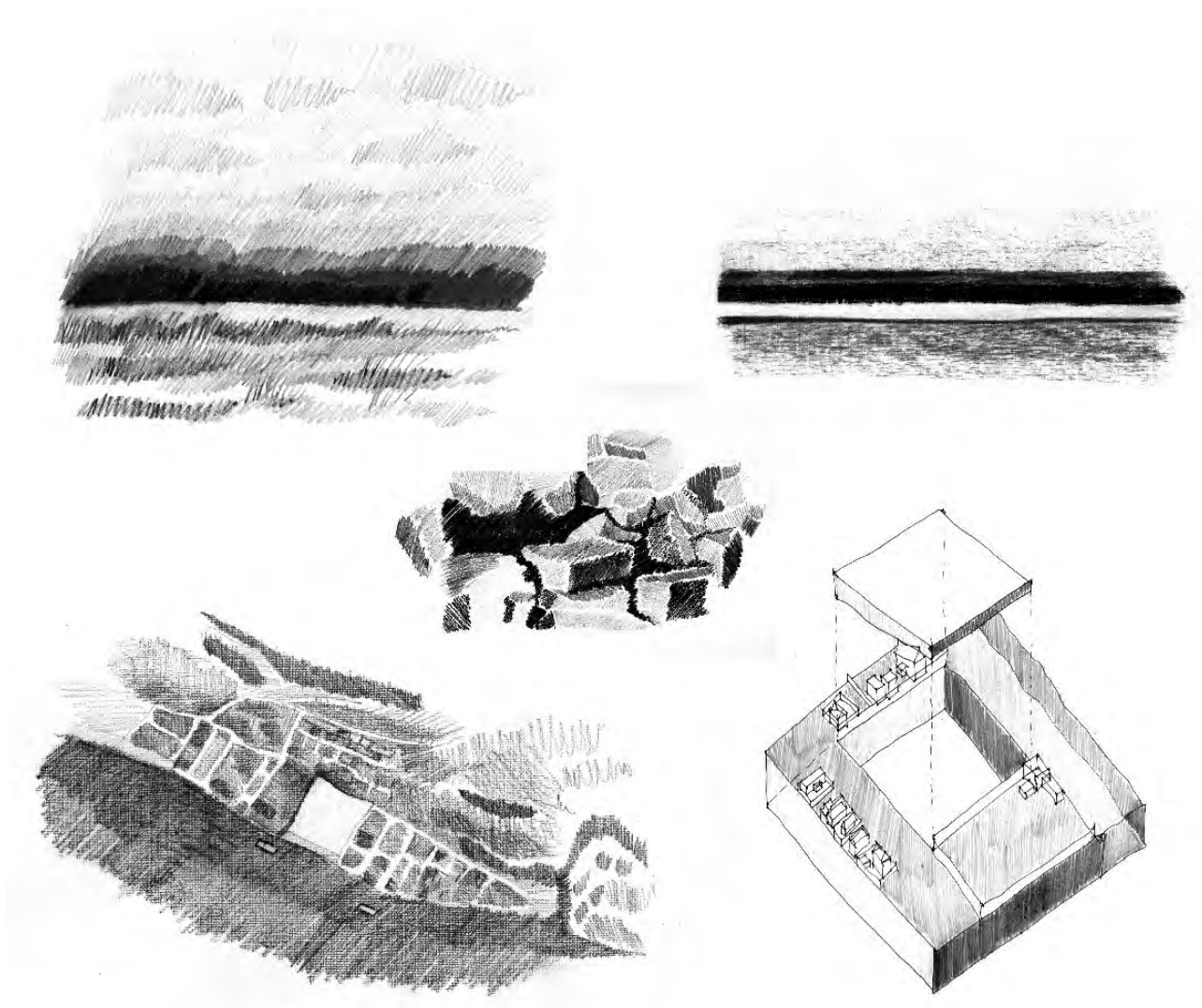

Рис. 6. Предпроектное исследование места, Алсу Махмудова

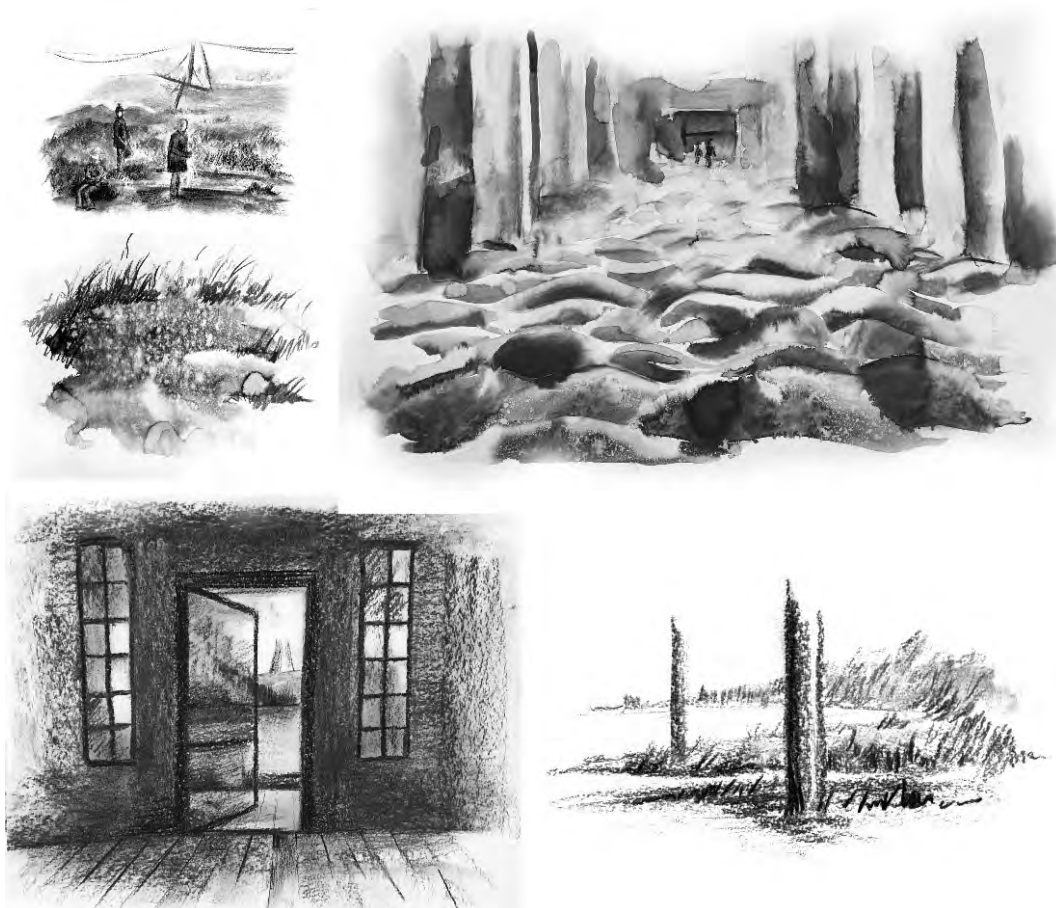

Рис. 7. Иллюстрации к фильмам Андрея Тарковского «Сталкер» и «Зеркало»

первичного восприятия должна быть феноменологическая редукция – «чистое смотрение», исключающее аналитическое и рациональное, т.е. «смотрение» телом, а не разумом. Образ места зарисовывается в минималистичных абстрактных эскизах. Цель данного упражнения – научиться понимать контекст, улавливать и отражать идентичность места, его особенные и уникальные качества.

Последний блок упражнений направлен на реабилитацию роли искусства в средовом проектировании. В данном блоке студентам предлагается поработать с произведениями режиссёра Андрея Тарковского, известного своей поэтической интерпретацией действительности, особыми приёмами моделирования кинематографического пространства при помощи разных средств. Студенты выполняют серию эскизов отдельных кадров из фильмов «Сталкер» и «Зеркало». Загадочность присутствующей в них атмосферы побуждает к различным интерпретациям, как правило пропущенным через личный опыт зрителя. Данное упражнение знакомит студентов с феноменологическими приёмами работы с пространством,

способствует развитию навыков репрезентации, а главное – учит художественному осмыслению реальности – неоднозначной, порой противоречивой, субъективной реальности авторского кино. Однако объективная реальность в действительности обладает такими же характеристиками, хотя в современной технократической цивилизации привычно трактуется плоско и однобоко. Поэтому применение фильмов Андрея Тарковского обосновывается ещё и необходимостью сломать стереотипы и привычные механизмы восприятия и интерпретации окружающего мира.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В УЧЕБНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

Описанная методика была опробована с группой №279 студентов Самарского государственного технического университета архитектурного факультета в 2018 году. Её применение помогло студентам овладеть навыками феноменологического подхода, которые затем были использованы ими в курсовом проекте.

Данный проект является продолжением серии трансформаций усадьбы на берегу Волги в районе

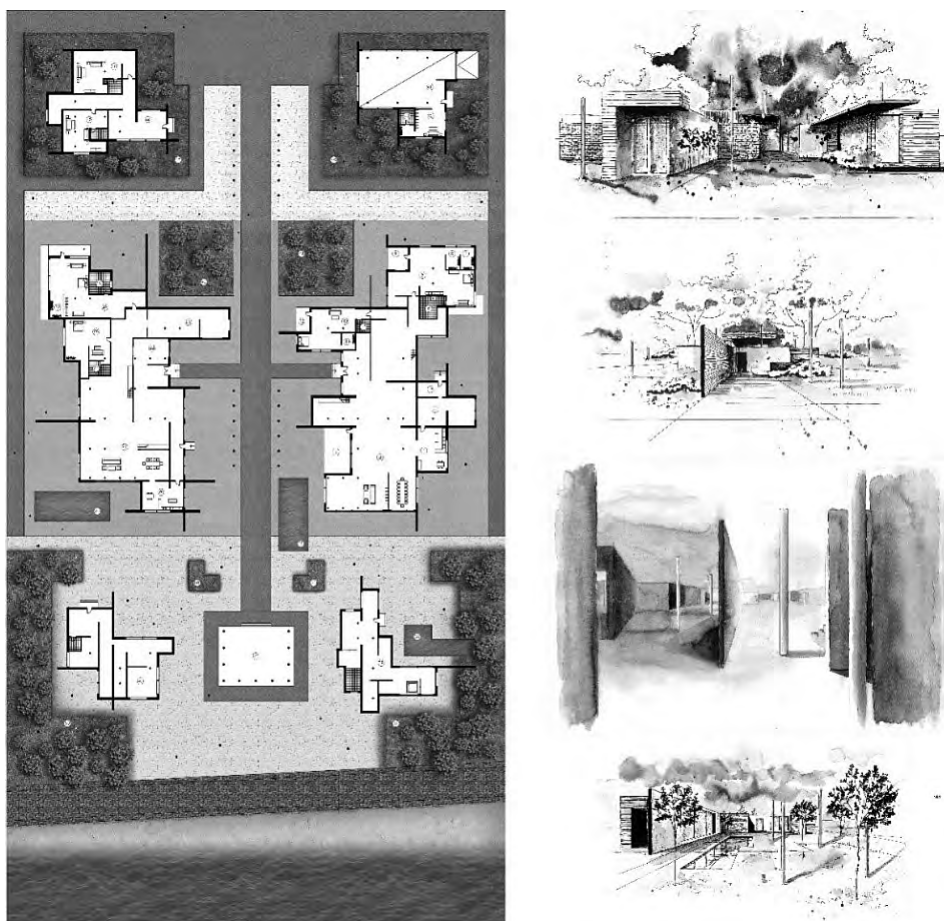

Рис. 8. Проект усадьбы. Алсу Махмудова. Руководители Е.А. Репина и А.Н. Базина

Малой Царевщины. Изначально проект был создан студентами с опорой на модернистский канон, затем первично преобразован на основе постмодернистской неразрешимости («undecidability» - термин, введенный Питером Айзенманом [16]). Цели курсового - вторично преобразовать пластическую конструкцию усадьбы, опираясь на феноменологические стратегии реабилитации чувств через включение принципов материала, места и метафоры; осознать тело и бессознательное как инструменты производства архитектуры; добавить плоти и жизни проекту усадьбы.

В процессе проектирования студенты вели «феноменологический дневник», в котором фиксировали важные жизненные ощущения с помощью текста, содержащего в основном прилагательные, и эскизов. Дневник способствовал переходу на качественное смотрение на мир, необходимое в феноменологической архитектуре.

В работе над курсовым студенты опирались на диаграмму источников феноменологического подхода (рис. 1), при этом имели свободу выбора стратегии проектирования – сосредоточиться на какой-то одной составляющей или использовать

их компиляцию. В конечном итоге каждый должен был нащупать свой авторский метод.

Применение феноменологического подхода позволило не только гармонично вписать усадьбу в окружение, но и раскрыть невидимые на первый взгляд смыслы и значения, присутствующие в месте проектирования. Алсу Махмудовой удалось создать прочную связь архитектурного объекта с историей места и типологии. Сочетая симметричную и динамичную ритмические сетки в основе пластического решения усадьбы, а также спонтанную сетку колонн, она отразила три времени – 18 век существования русских усадеб, советский период участка и современное время. В проектировании студентка в основном работала с объективными качествами средового контекста – историей места, временем, светом.

Интересен проект Даниила Титова, в котором он применял методы работы с объективными условиями - контекстом, местом, движением тела. Д. Титов предложил «иной» взгляд на территорию. В Самаре стало традиционным «превращение с помощью бульдозера неровной топографии в плоскую площадку», как это явление свойственное

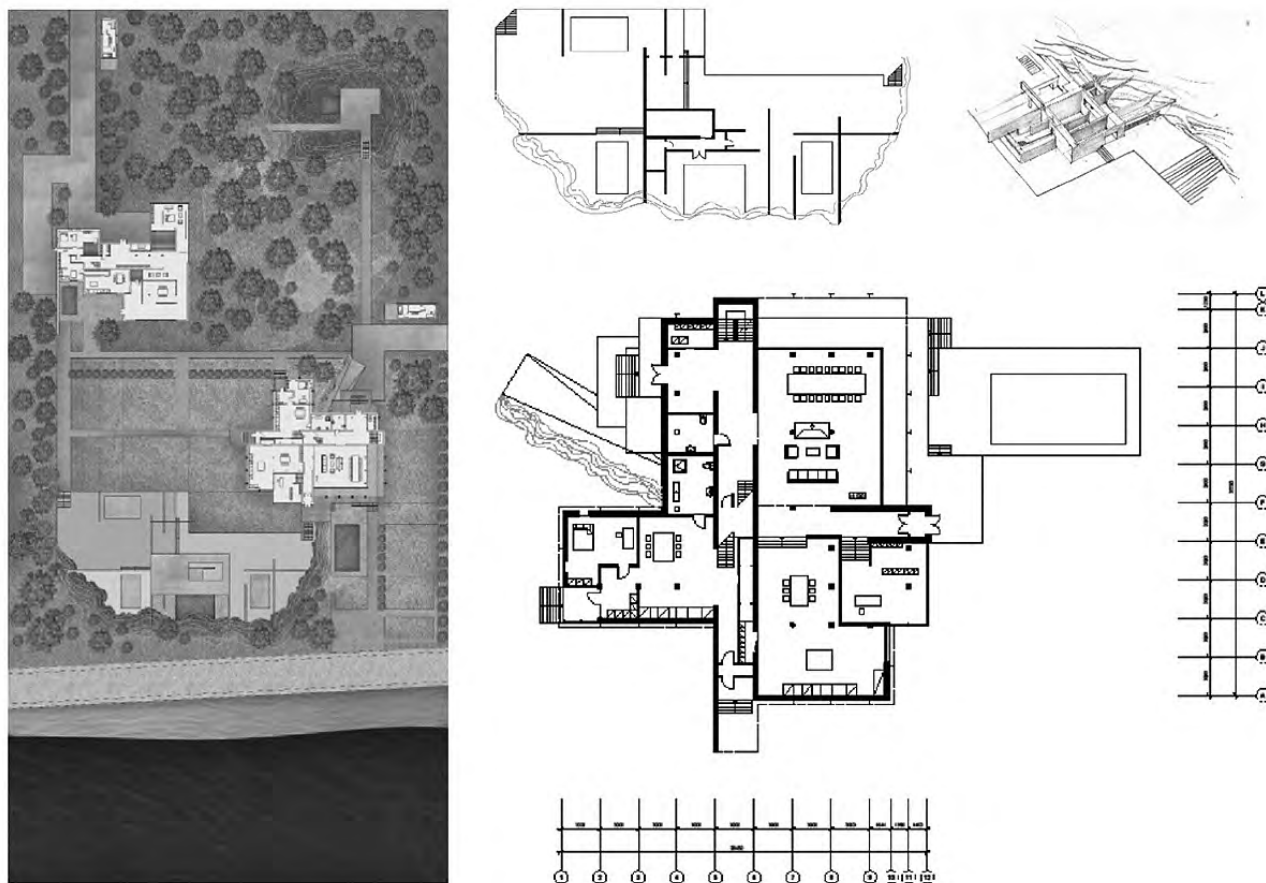

Рис. 9. Проект усадьбы. Данил Титов. Руководители Е.А. Репина и А.Н. Базина

и для Запада описывает Кеннет Фрэмpton [17]. Такая участь постигла и территорию усадьбы. У Д. Титова площадка – не просто ровная подставка под скульптурную композицию. Территория наравне с архитектурными объектами является одной скульптурной композицией. Разноуровневость площадки создаёт изменяющиеся отношения субъекта и объекта – человека и места. Работает эффект «parallax» - перемещение человека меняет восприятие окружающего пространства, горизонт. Разные уровни создают разные точки восприятия, окружающее пространство таким образом становится динамичным, взаимодействует с человеком.

Работа с субъективным опытом и личными чувственными переживаниями места помогла Дарье Пожидаевой создать сильный художественный образ усадьбы, построенный на контрасте двух типов архитектурных объектов. Ортогональные плотные объёмы, «принадлежащие» участку и отражающие энергию стихии земли, в её проекте противопоставлены динамичным объектам, состоящим из спонтанных плоскостей с включением пустоты, которые как бы находятся под

влиянием энергии стихии воды. Художественный образ усадьбы является отражением окружающего ландшафта, двух типов стихий в нём содержащихся – земли и воды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феноменологическая архитектура даёт основы для понимания методов проектирования гуманной среды, транслирующей образы, укоренённые в экзистенциальном опыте человека. Артикуляция трёх базовых источников феноменологического подхода позволяет системно подойти к его изучению в рамках учебного процесса.

Представленная методика предназначена для развития у студентов художественного мышления; способностей восприятия архитектурного образа на чувственном и духовном уровне; понимания ценности субъективного опыта в проектировании и других навыков, необходимых для феноменологического проектирования. Конечной целью является развитие автономной личности архитектора, способной адекватно понимать действительность и находить гуманные решения пространственной среды.

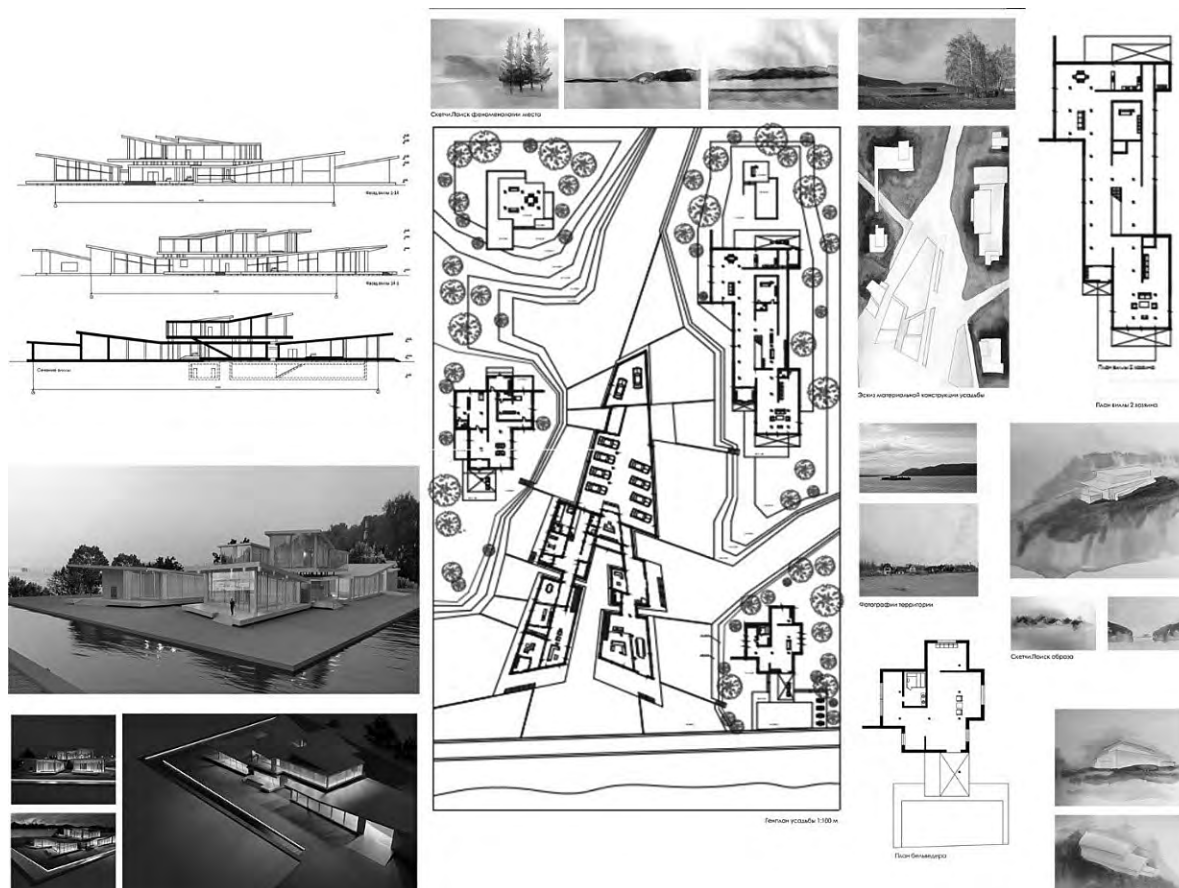

Рис. 10. Проект усадьбы. Дарья Пожидаева. Руководители Е.А. Репина и А.Н. Базина

Применение методики работы с тремя феноменологическими источниками способствовало проектированию объектов, гармонично встроенных в окружающую среду, отражающих специфику места, имеющих выразительный художественный образ, сомасштабных человеку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Holl S. Parallax. NY: Princeton Architectural Press, 2000.
2. Holl S., Pallasmaa J., Perez-Gomez A. Questions of Perception: Phenomenology of Architecture. Richmond: William Stout Publishers, 2006.
3. Pérez Gómez A., Weir D. Towards an Ethical Architecture. – Vancouver: Simply Read Books, 2006 / пер. с англ. Раппапорт А.Г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://papardes.blogspot.ru/2012/03/ago/ez-perez.html> (дата обращения 10.12.2018).
4. Малахов С.А. Композиционный метод архитектурного проектирования: Дис. ... док. арх.: 05.23.20. - Самара, 2018. - 342 с.
5. Палласма Ю. Мыслящая рука. Архитектура и экзистенциальная мудрость бытия / пер. с англ. Химанен М. – М.: Классика-XXI, 2013.
6. Sharr A. Heidegger for Architects (Thinkers for Architects). London: Routledge, 2007.
7. Image in architecture // MATEC Web of Conferences Editor V. Murgul. 2017. С. 01025.
8. Малахов С.А. Репина Е.А. Учебная мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной 1999-2014. Екатеринбург: TATLIN MONO / TATLIN, 2014.
9. Бази́на А.Н. Аспекты феноменологического подхода в архитектурном проектировании и дизайне среды // Innovative project. 2017. Т.2, №1. С. 112-119.
10. Вин А. Феноменология Стивена Холла // Arhidom Publ. № 80. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://archidom.ru/content/1170.html> (дата обращения 10.12.2018).
11. Асс Е.В. Портрет архитектора и [и/или] художника // Проект Россия, №41, 2006
12. Айзенманн П. Десять канонических зданий, 1950-2000 / Пер. с англ. И. Третьяков. М.: Strelka Press, 2017. – 312 с.

17. Фрэмpton К. К критическому регионализму: Шесть моментов архитектуры сопротивления / Пер. Е.А. Репиной / Kenneth Frampton, Towards a Critical Regionalism: Six Points for an Architecture of Resistance. 1983. // Theories and Manifestoes of contemporary architecture. - Great Britain, Academy Editions, 1997. - p. 97-100.

Rossiia [Project Russia], №41, 2006

16. Eisenman P. Ten Canonical Buildings, 1950-2000. NY: Rizzoli, 2008.

17. Kenneth Frampton, Towards a Critical Regionalism: Six Points for an Architecture of Resistance. 1983. // Theories and Manifestoes of contemporary architecture. - Great Britain: Academy Editions, 1997. - p. 97-100.

REFERENCES

1. Holl S. Parallax. NY: Princeton Architectural Press, 2000.
2. Holl S., Pallasmaa J., Perez-Gomez A. Questions of Perception: Phenomenology of Architecture. Richmond: William Stout Publishers, 2006.
3. Pérez Gómez A., Weir D. Towards an Ethical Architecture. Vancouver, Simply Read. [Electronic resource.] - Access mode: <http://papardes.blogspot.ru/2012/03/agomez-perez.html>
4. Malakhov S.A. Kompozitsionnyj metod arkhitekturnogo proektirovaniya [Composite architectural design method]: Dis. ... dok. arkh.: 05.23.20. - Samara, 2018. - 342 s.
5. Pallasmaa, J. The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture. Chichester, U.K.: Wiley, 2009.
6. Sharr A. Heidegger for Architects (Thinkers for Architects). London: Routledge, 2007.
7. Zumthor P. Thinking Architecture. Basel: Birkhauser, 1999.
8. Nobuyuki Y. Architecture and Urbanism. Peter Zumtor. Tokyo: a+u Publishing Co. Ltd., 1998. — 224 p.
9. Brodskij A. S. Lekciya arhitekтора Aleksandra Brodskogo [Lecture by architect Alexander Brodsky] [Electronic resource.] - Access mode: <https://vimeo.com/31590482>
10. Belogolovskij V. Stiven KHoll. Igra otrazhenij i prelomlenij [Steven Holl. The game of reflections and refractions]// SPEECH: Voda [water], 2011, №7. S. 232-239
11. Malakhov S.A. The concept of a model of plastic bodily image in architecture // MATEC Web of Conferences Editor V. Murgul. 2017. P. 01025.
12. Malakhov S.A., Repina E.A. Uchebnaya masterskaya Sergeya Malakhova i Evgenii Pepinoj 1999-2014 [Workshops by Sergey Malakhov and Evgenia Repina 1999-2014]. Ekaterinburg: TATLIN MONO/ TATLIN, 2014.
13. Bazina A.N. Aspekty fenomenologicheskogo podkhoda v arkhitekturnom proektirovanii i dizajne sredy Aspects of a phenomenological approach to architecture and design. Innovative project. 2017. Vol.2, No.1. pp. 112-119.
14. Vin A. Fenomenologia Stivena Holla [Steven Hall's phenomenology] // Arhidom Publ. № 80 [Electronic resource.] - Access mode: <http://archidom.ru/content/1170.html> (дата обращения 10.12.2018)
15. Ass E.V. Portret arkhitekтора i [i/ili] khudozhnika [Portrait of an architect and [and / or] artist]// Proekt

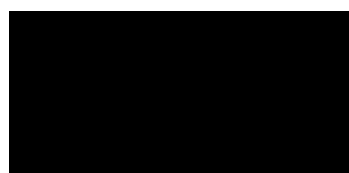
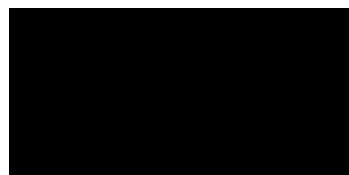
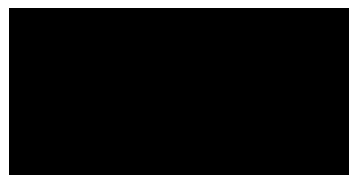
Для ссылок: Базина А.Н., Репина Е.А. Феноменологическая архитектура в учебном проектировании // Innovative project. 2017. T.2, №3. С. 86-96. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.9

For references: Bazina A.N., Repina E.A. Phenomenological architecture in design teaching // Innovative project. 2017. Vol.2, No.3. P. 86-96. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.9

7

97–100

KOPOTKO
BRIEFLY

Малахов Сергей Алексеевич

Самарский государственный технический университет

Malakhov Sergey

Samara State Technical University

**МОНОГРАФИЯ «КОМПОЗИЦИОННЫЙ МЕТОД АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ»
MONOGRAPHY «COMPOSITIONAL METHOD OF ARCHITECTURAL DESIGN»**

Книга посвящена методу работы архитектора-мастера средовой формы урболандшафта. Подразумевается тем самым, что задачи архитектора-мастера отличаются от задач, выдвигаемых в деятельности архитектора-автора креативных концепций. Композиционный метод преодолевает дистанцию между моделями отвлеченной формы и проектными моделями. Соединительную роль в предлагаемом методе выполняют модели-медиаторы, модели протообъекта, максимально воплощающие тактильно-чувственный опыт интерпретации прототипов, культурных кодов и преимущества моделей отвлеченной формы. Главная цель метода – гармонизация формы урболандшафта, достижение органичной взаимосвязи объекта и окружения. Достижению гармонии средовой формы в наибольшей степени способствует ручное моделирование, телесный опыт и индивидуальная ответственность мастера за соответствие поисковой модели объекта и критериев гармоничной среды.

The book is devoted to the method of work of the architect-master of the environmental form of the urban landscape. This implies that the tasks of the architect-master are different from the tasks put forward in the activities of the architect-author of creative concepts. The compositional method overcomes the distance between the models of abstract form and design models. The connecting role in the proposed method is performed by the model-mediators, models of the proto-object, which embody the most tactile-sensual experience of interpreting prototypes, cultural codes and the advantages of models of abstract form. The main goal of the method is to harmonize the shape of the urban landscape, to achieve an organic relationship between the object and the environment. The achievement of harmony of the environmental form is most conducive to manual modeling, bodily experience and the individual responsibility of the master for matching the search model of the object and the criteria of a harmonious environment.

Ключевые слова: Композиционный метод, архитектор-мастер, архитектор-автор, тактильное моделирование, модель протообъекта, гармоничная форма урболандшафта

Keywords: Compositional method, architect-master, architect-author, tactile modeling, proto-object model, harmonious form of urban landscape

Монография «Композиционный метод архитектурного проектирования» подготовлена при активном участии Сергея Боранова, магистранта кафедры градостроительства СамГТУ, выпускника мастерской Сергея Малахова и Евгении Репиной [1], вложившего большой труд в создание макета и ряда ключевых иллюстраций. Книга разработана на основе докторской диссертации автора [2], то есть, по сути – издание научного типа, и в этом смысле не может быть «популярным чтением» на архитектурные темы. Читать подобные работы не очень легко. Но тем, кто все же решится, будет интересно разобраться в системе концептов, образующих контент композиционного метода, а также понять содержание и ценность «боковых ответов», экспериментов и опубликованных иллюстраций. Монография выполнена в черно-белом виде, что обусловлено жанром («сухая научная презентация» – СНП) и экономическими соображениями.

До этого издания автором уже предпринимались попытки объемных публикаций на тему композиционного метода. Два предыдущих макета были доведены до состояния предпечатной подготовки. Эти два предыдущих варианта рассказывали о том же самом предмете, что и публикуемый, но не так систематично. Систематичность в данной монографии есть следствие более чем десятилетнего осмысления всех нюансов метода, осмысления, перешедшего в тома диссертации. Цель всей работы – при том, что она выглядит как текст в жанре СНП, – показать, что чем бы ни занималась архитектурная наука, ее конечной задачей является архитектурная форма, пронизывающая все подсистемы среды. Форма – это ритуал завершенности любого человеческого действия, а архитекторам не стоит отвлекаться от этой прекрасной задачи на всякого рода пафосные разговоры, когда собственный опыт создания формы или отсутствует, или недостаточно развит.

В монографии композиционный метод разворачивается как система объективированных процедур с упором на индивидуальный процесс разработки проектных моделей. То, как человек умеет создавать архитектурную модель, предлагается считать проверочным тестом мастерства. В соответствии с этим тезисом критический взгляд автора оценивает различные, но связанные между собой темой гармоничной среды, аспекты и критерии деятельности: цель нашей архитектурной работы, метод принятия решений с помощью тактильных моделей, критерии качественного окружения, этапы преобразования поисковых моделей, устройство собственного пространства поисковой модели – как пространства, где пересекаются разные типы реальностей: физической и ментальной.

Структура этой научной работы выстраивается в виде введения-преамбулы и пяти глав. Смысловая нить протягивается от стадии критического анализа кризиса, происходящего со средой, включая кризис теории и архитектурного образования, фактически отказавшегося от средообразующей миссии, – до этапов генезиса самого композиционного метода, начиная от телесного интерпретационного опыта мастера и заканчиваясь в опыте архитектора-автора креативных концепций.

В книге предлагается обратить внимание на тот факт, что сложившееся окружение, именуемое в диссертации и монографии – урболандшафтом (термин заимствован из градозащиты), становится все более безобразным. Показано, что следует считать гармоничной средой, а что – безобразной и деструктивной. Жесткость, проявленная автором в дефинициях гармоничного и деструктивного окружения, означает, что автор решил занять в отношении средовых критериев более консервативную позицию просто по той причине, у подобной консервативной позиции гораздо больше аргументов, чем у позиции, связанной с технократической оценкой «происходящего» – как естественного итога технологической революции и коммерческих инициатив, будто бы наиболее родственных природе человека и социума. Автор считает, что технократы скорее разрушают, чем создают среду. Но так как пока не предвидится реальной возможности в обозримом будущем освободиться от веры в спасительную миссию капитализма и технологий, то должен все же быть выработан общественный консенсус между сторонниками «технократического прорыва в будущее» и защитниками гуманной и

гармоничной среды. Для этого, в качестве архитектурного вклада в идею консенсуса и баланса, предлагается композиционный метод архитектурного проектирования, призванный сформировать в архитектурной практике чувственное отношение к урболандшафту. Понятно, что одним лишь чувственным отношением к окружению не обойтись, и поэтому «архитектурный вклад» будет – в разумном варианте – суммироваться (интегрироваться) с экологическим и культурным.

Два типа архитектора, как определяется в методе, могут плодотворно соучаствовать в процессах гармонизации окружения: архитектор-мастер средовой формы урболандшафта, и архитектор-автор креативных концепций. Первый тип деятельности – это процесс внимательного и сдержанного в своих амбициях тактильно-чувственного моделирования объекта во взаимосвязи с его окружением. Здесь нужно много знать и уметь, и в этом плане у профессии мастера появляются особые перспективы «высокого мастерства». В книге показывается, что простые действия по интерпретации культурных кодов и прототипов, по идее, присущие работе мастера, могут быть наполнены рядом замечательных метазначений, включая концепцию бинарной оппозиции «Дом-Город» – уникальный универсальный код и интригующий замысел формы. Органичная архитектура, инициированная Райтом, по ряду признаков может представляться простой, но зато – бесконечно глубокой в этических и поэтических смыслах.

Роль архитектора-автора выглядит, по сравнению с задачами мастера, более философски ориентированной, более направленной на преодоление опыта, чем на его интерпретацию. Среда, как бы мы ни восхищались «устойчивыми стандартами гармоничной формы», все равно должна развиваться. Вопрос лишь в том: каким образом, и в каком направлении? Сам факт возникновения системы вопросов «архитектора-автора», начинающихся с «вопросов к самому себе», сообщает нам о прецеденте творческого переосмысления реальности. В общем, вот об этом подготовленная к изданию книга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малахов С.А. Композиционный метод архитектурного проектирования. 05.23.20 - Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. Диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры. Самара, 2018. 342 с.

2. Малахов С.А., Репина Е.А. Учебная мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной. 1999-2014. Екатеринбург, "TATLIN", 2014.

REFERENCES

1. Malakhov S.A. Compositional architectural design method. 05.23.20 - Theory and history of architecture, restoration and reconstruction of historical and architectural heritage. Thesis for the degree of Doctor of Architecture. Samara, 2018. 342 p.
2. Malakhov S.A., Repina E.A. Training workshop of Sergey Malakhov and Evgenia Repina. 1999-2014. Ekaterinburg, "TATLIN", 2014.

Для ссылок: Малахов С.А. Монография «Композиционный метод архитектурного проектирования» // Innovative project. 2017. T.2, №3. С. 98-100. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.10

For references: Malakhov S.A. Monography «Compositional method of architectural design»// Innovative project. 2017. Vol.2, No.3. P. 98-100. DOI: 10.17673/IP.2017.2.03.10

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

	Страницы
Александрова, Ольга Юрьевна – бакалавр кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)	56-64
Базина, Анна Николаевна – магистрант кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ (Самара, Россия)	86-96
Бакишутова, Дарья Владимировна – магистрант кафедры «Градостроительство» СамГТУ (Самара, Россия)	45-54
Боранов, Сергей Сергеевич – бакалавр кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ (Самара, Россия)	66-85
Володина, Наталья Николаевна – доцент кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)	38-44 56-64
Громилина, Эльвира Алексеевна – аспирант кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)	6-13
Малахов, Сергей Алексеевич – заведующий кафедрой «Инновационное проектирование» СамГТУ, профессор, кандидат архитектуры (Самара, Россия)	66-85 98-100
Мохова, Мария Сергеевна – магистрант кафедры «Градостроительство» СамГТУ (Самара, Россия)	22-28
Насыбуллина, Рената Артуровна – старший преподаватель кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)	14-20
Орлов, Дмитрий Николаевич – старший преподаватель кафедры «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» СамГТУ (Самара, Россия)	30-36
Орлова, Наталья Александровна – старший преподаватель кафедры «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» СамГТУ (Самара, Россия)	30-36
Плотников, Владислав Олегович – бакалавр кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)	14-20
Репина, Евгения Александровна – профессор кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)	86-96
Терягова, Александра Николаевна – доцент кафедры «Градостроительство» СамГТУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)	22-28
Самогоров, Виталий Александрович – заведующий кафедрой «Архитектура» СамГТУ, кандидат архитектуры, советник РААСН (Самара, Россия)	6-13 14-20
Фадеев, Артем Викторович – ассистент кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)	14-20
Филиппов, Василий Дмитриевич – ведущий инженер дирекции Академии строительства и архитектуры СамГТУ (Самара, Россия)	6-13
Цацына, Диана Евгеньевна – бакалавр кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)	38-44

JOURNAL AUTHORS

	Pages
Alexandrova, Olga – bachelor of the department "Architecture", SamSTU (Samara, Russia)	56-64
Bazina, Anna – graduate student of the department "Innovative Design" SamGTU (Samara, Russia)	86-96
Bakshutova, Darya – graduate student of the department "Urban Planning" SamSTU (Samara, Russia)	45-54
Boranol, Sergey – bachelor of the department "Innovative Design", SamSTU (Samara, Russia)	66-85
Vologdina, Natalya – Associate Professor of the department "Architecture", SamSTU (Samara, Russia)	38-44 56-64
Gromilina, Elvira – graduate student of the department "Architecture", SamSTU (Samara, Russia)	6-13
Malakhov, Sergey – Head of the department "Innovative Design", SamSTU, Professor, Candidate of Architecture (Samara, Russia)	66-85 98-100
Mokhova, Maria – master student of the department "Urban Planning", SamSTU (Samara, Russia)	22-28
Nasybullina, Renata – Senior Lecturer of the department "Architecture", SamSTU (Samara, Russia)	14-20
Orlov, Dmitry – Senior Lecturer of the department "Reconstruction and Restoration of Architectural Heritage", SamSTU (Samara, Russia)	30-36
Orlova, Natalia – Senior Lecturer of the department "Reconstruction and Restoration of Architectural Heritage", SamSTU (Samara, Russia)	30-36
Plotnikov, Vladislav – bachelor of the department "Architecture", SamSTU (Samara, Russia)	14-20
Repina, Eugenia – Professor of the department "Innovative Design", SamSTU, Professor, Candidate of Architecture (Samara, Russia)	86-96
Teryagova, Alexandra – Associate Professor of the department "Urban Planning" SamSTU, Candidate of Architecture (Samara, Russia)	22-28
Samogorov, Vitaly – Head of the department "Architecture", SamSTU, Candidate of Architecture, Advisor of the RAASN (Samara, Russia)	6-13 14-20
Fadeev, Artem – Assistant of the department "Architecture", SamSTU (Samara, Russia)	14-20
Filippov, Vasily – Leading Engineer of the Directorate of the Academy of Construction and Architecture of SamSTU (Samara, Russia)	6-13
Tsatsina, Diana – bachelor of the department "Architecture", SamSTU (Samara, Russia)	38-44